Е. ФИЛЯКОВА

Старцы и предсказатели Оптиной пустыни

РИПОЛ КЛАССИК

Annotation

На страницах этой книги в жизнеописаниях старцев перед вами пройдет вся история Оптиной пустыни – основание, время расцвета и закрытие монастыря. Их было немного, оптинских старцев, – четырнадцать за сто лет. Благодаря им Оптина пустынь стала духовным центром России и местом паломничества множества людей.

В XIX веке говорили: «В Оптину за опытом». И шли… с бедами и болезнями – простой народ, с вопросами о смысле жизни – представители интеллигенции. Не единожды приезжали в Оптину пустынь братья Киреевские, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой.

Елена Геннадьевна Филякова
Старцы и предсказатели Оптиной пустыни

Молитва святых оптинских старцев

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получал известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя.

Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой.

Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая.

Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня и все события в течение дня. Руководи моею волею и научи меня каяться, молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать, благодарить и любить всех.

Аминь.

Глава первая
Старцы и предсказатели Оптиной пустыни

Исторический экскурс

Древний город Козельск, известный с далекого 1146 года, отметился в русской истории как надежный заслон южных границ молодого Московского государства от опустошительных набегов крымских татар. За отчаянное сопротивление он был стерт войсками Батыя с лица земли. Но восстановлен жителями. Недалеко от него на высоком берегу реки Жиздры, окруженный густым сосновым бором, стоит легендарный монастырь, ставший в XIX веке духовным центром России и школой русского старчества – Козельская Введенская Оптина пустынь.

Хотя достоверные источники относят возникновение монастыря только к концу XVI века, в местных преданиях звучит другое. Легенда, больше похожая на приключенческую повесть, приписывает основание местного монастыря… отчаянному и грозному предводителю разбойников, хозяйничавших в густых козельских лесах в первой половине XV века. Звали лихого атамана Опта, а в напарниках у него ходил жестокий Кудеяр, личность легендарная и скорее фольклорная, известная по историческим песням. Очевидно, места эти непростые, потому что со временем разбойник Опта искренне раскаялся в своих злодеяниях, постригся в монахи под именем Макария и основал две пустыни – два уединенных монастыря. «Благоразумный разбойник» закончил свой путь в Козельской Оптиной пустыне, где при нем были заведены и свято соблюдались три завета: строгая иноческая жизнь, сохранение нищеты и необходимость всегда и во всем «проводить правду без какого-либо лицеприятия». (С именем Опты предание связывает и Болховский Оптин Троицкий монастырь, находящийся в семидесяти верстах от

Козельска, до середины XIX века носивший официальное название «Макарьева Оптина».)

Официальная история Оптиной пустыни начинается с козельских писцовых книг за 1628–1631 годы. В них монастырь зовется «государевым богомольем», в котором «церковь Введения Пречистыя Богородицы древяна» и «шесть келий, а в них старцы – черной священник Феодорит с братнею». И до начала XIX века витиеватое повествование истории Оптиной пустыни мало чем отличается от истории других русских монастырей, знавших периоды забвения, разорения и возрождения.

Событием стала закладка в 1689 году первой каменной церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы на средства местных благотворителей. Среди жертвователей монастыря – члены царской фамилии и именитые бояре. Но правление первого русского императора обескровило обитель.

Петр I, которому требовались немалые деньги на вооружение армии, обложил монастыри оброком, и небольшие монастыри и пустыньки, вроде Оптиной, были закрыты, поскольку не могли платить пошлину. Братия из Оптиной пустыни в 1724 году была переведена в Преображенский монастырь города Белева Тульской губернии.

Так бы и зарасти травой забвения Оптиной пустыни, как многим другим обителям, но в 1725 году, после смерти Петра I, влиятельный оптинский благотворитель, стольник Андрей Петрович Шепелев, подает в Святейший Синод прошение о восстановлении монастыря. Ходатайство поддержала новая императрица Екатерина I, повелев Синоду восстановить Оптину пустынь на прежнем основании. Восстанавливать обитель вернулись двенадцать оптинских монахов.

«На прежнем основании», по сути, означало – «ни с чем». Монастырь не имел ни земельных, ни рыбных угодий и влачил полунищенское существование. Конечно, как могли, помогали окрестные бояре, но этого было недостаточно.

Тяжелое, порой безысходное существование продолжалось до конца XVIII века. Тогда митрополит Московский и Калужский Платон (Левшин) посетил проездом Оптину пустынь и был очарован красотой природы, окружавшей монастырь. После чего были приняты меры для восстановления в Оптиной общежительской жизни. Настоятелем

Оптиной пустыни митрополит назначил опытного иеромонаха Песношского монастыря Авраамия.

Настоятель Авраамий вошел в историю Оптиной пустыни как основоположник будущего процветания обители. За двадцать лет он капитально обустроил монастырь. Появились каменные строения вместо ветхих деревянных. Справа от Введенского собора выросли новый каменный собор во имя Казанской Божьей Матери и стройная трехъярусная колокольня с примыкающими к ней флигелями для монашеских келий. Была выстроена больница с храмом при ней, разведен фруктовый сад. Но, пожалуй, главное – ведомая опытным рулевым, Оптина встала на путь духовного движения за возрождение подлинного православного предания, у истоков которого стоял знаменитый Паисий Величковский.

«Житие» Паисия Величковского

Великий старец, восстановивший непрерывность духовной преемственности христианской традиции, возродивший представление о монашеском пути как о непрерывном подвиге самоотречения и жертвенной любви не только к Богу, но и к людям, созданным по его «образу и подобию», заслуживает отдельного рассказа в этой книге.

Будущий старец родился 21 декабря 1722 года в семье потомственных священнослужителей. Его назвали Петром в честь митрополита Киевского Петра. Он рано начал готовиться к монастырской жизни, с юных лет установив для себя три правила: ближнего своего не осуждать, хотя бы ты собственными глазами видел его согрешающим; ни к кому не питать ненависти; от всего сердца прощать обиды. И долгие годы искал духовного наставника. Безрезультатно.

В те годы для жаждущих духовного опыта все дороги вели на Афон, который на протяжении многих веков оставался высшей школой монашества, хранителем православия и чистой веры. Здесь начинал свой монашеский подвиг основатель монашества на Руси преподобный Антоний Печерский. Здесь бережно хранилась молитвенная традиция. Но общий кризис православия в век Просвещения, приведший к обмирщению и глубокому упадку

монашества, полузабывшего свои истоки и цели, коснулся и Афона. Многое из богатой традиции было утрачено. Но остались библиотеки с неисчерпаемыми духовными богатствами, накопленными предыдущими поколениями. К ним и обратился молодой подвижник, смирившийся со своим одиночеством. В древних рукописях, славянских и греческих, в святоотеческих преданиях он отыскал оборванную цепь духовной традиции, уходящей вглубь христианских веков, и проследил, изучил ее как книжник. «Оставшись, как овца без пастыря, я начал скитаться там и сям, стремясь найти своей душе пользу, покой и вразумление, и не находил. Не отыскав желаемого душе моей руководства, я поселился на некоторое время в уединенной келии и, положившись на волю Божию, стал читать понемногу отеческие книги. Читая эти книги, я как в зеркале увидел, с чего именно мне надлежало начинать мое бедное монашество, я понял, какой великой благодати Божией я был лишен…»

На его счастье в 1750 году Афон посетил молдавский схимонах Василий, от которого будущий старец услышал чеканное определение монашеской жизни: «Все монашеское жительство разделяется на три вида: первый – общество; второй – именуемый царским, или средним, путем. Когда, поселившись вдвоем или втроем, имеют общее имущество, общую пищу и одежду, общий труд и рукоделие, общую заботу о средствах к существованию и, отвергая во всем свою волю, повинуются друг другу в страхе Божием и любви. Третий вид – уединенное отшельничество, пригодное только для совершенных и святых мужей». Схимонах Василий постриг подвижника в мантию с именем Паисий и отсоветовал ему следовать путем одиночества.

С этого момента, неожиданно для Паисия, постепенно вокруг него возникает небольшая община, и он получает возможность применить на практике свой книжный опыт. Тогда-то и выяснилось, что ученый книжник обладает недюжинной практичностью. Все знания, почерпнутые из святоотеческих книг, он сумел претворить в жизнь, создавая монастыри, которые стали живым звеном, восстанавливающим цепь духовной преемственности.

Паисий Величковский провел на Афоне семнадцать лет, создав Ильинский скит. Когда число братьев скита превысило пятьдесят, он сделал попытку переселиться в более обширную обитель, но турецкие власти запросили за это слишком большую плату. «Поэтому, – писал

Паисий, – положившись на всемогущего Бога, на всяком месте своего владычества прославляемого, мы и переселились все вместе из святой горы в православную молдовлахийскую землю». Здесь, в монастыре Драгомирна, ему удалось создать тот же особый настрой, который он сам определял как «одна душа, одно сердце». Здесь началась его переводческая деятельность. С Афона ему удалось принести творения святых отцов на древнегреческом, и ночи напролет он трудился, исправляя славянские переводы. Он понимал, что живое слово необходимо не только монахам, но и мирянам.

Начавшиеся военные действия между Россией и Турцией заставили монахов искать новую обитель. В конце концов Паисий Величковский обосновался в Нямецком монастыре, который стал крупнейшим духовно-просветительским центром восточно-православного мира. Но и здесь грозы новой русско-турецкой войны омрачили последние годы жизни старца Паисия. Он скончался 15 ноября 1794 года на семьдесят втором году жизни.

Во всех братствах учеников, окружавших Паисия, воскресли лучшие традиции египетского, палестинского, афонского и русского монашества, и среди них – опыт старчества, как особая форма духовного руководства человеческой душой, вступающей на путь подвижничества. Влияние Паисия Величковского на монашескую жизнь Молдавии и России XIX века трудно переоценить. После смерти Паисия Величковского его ученики разошлись по многим монастырям Греции, Молдавии и России. Свыше ста монастырей и обителей России так или иначе своим возрождением обязаны его ученикам. Наиболее известные из них – Оптина и Глинская пустыни, Троице-Сергиева лавра, московские монастыри.

Начало духовного расцвета Оптиной пустыни

Движение за возврат к святоотеческому наследию было поддержано митрополитом Платоном (Левшиным), состоявшим в переписке с Паисием Величковским и епископом Калужским Филаретом (Амфитеатровым), будущим киевским митрополитом. Благодаря последнему и основам, заложенным трудами настоятеля Авраамия, в 1820 годы начался духовный расцвет Оптиной пустыни.

Епископу Филарету (Амфитеатрову), часто подолгу и с удовольствием жившему в Оптиной пустыни, в 1821 году пришла в голову светлая мысль, устроить рядом с монастырем скит для монахов высокого духовного опыта. Оптина пустынь, расположенная у опушки соснового бора, отрезанная от мира рекой Жиздрой, была превосходным местом для созерцательной отшельнической жизни. Тем более что и начало пустынножительству здесь было уже положено – схимонах Иоанникий в начале XIX века жил в глубине монастырского леса на малой пасеке. Спустя шесть лет после его кончины по благословению митрополита Филарета было начато устройство скита, который бы давал возможность для более строгой безмолвной жизни и укреплял духовно саму обитель.

Среди основателей скита, созданного во имя первого пустынножителя, святого Иоанна Предтечи, у стен Оптиной пустыни, были известные подвижники Паисиевой школы братья Путиловы – Моисей и Антоний. Отец Моисей был первым начальником оптинского скита, а когда в 1825 году он был назначен настоятелем Оптиной пустыни, руководить скитом стал Антоний. Предтеченский скит стал сердцем Оптиной пустыни.

Именно игумен Моисей в 1829 году пригласил в скит схимонаха Льва, последователя начинаний Паисия Величковского, с шестью учениками. Так были заложены основы оптинского старчества, на век определившего духовную жизнь монастыря и прославившего его на всю Россию. Плеяда оптинских старцев, преемственно сменяющих друг друга до 20-х годов XX века, вписала новую страницу в историю Русской православной церкви. Новую и не всеми сразу принятую и понятую.

Феномен старчества

В обиходном человеческом общении нет аналогов отношениям старца и учеников. Эти отношения основаны на безмерном, безграничном, абсолютном доверии ученика своему учителю. Привыкшие жить велениями разума, но не сердца, редко могут кому-то так доверять, по крайней мере сразу. Но это только одна сторона отношений между старцем и учеником. Есть и другая – безмерная

ответственность старца за судьбу вручаемой ему души. Старец – не только учитель и наставник, которому можно открыть душу, выплакать горе, у которого можно получить совет и благословение в трудной или безвыходной ситуации. Кстати, у всех Оптинских старцев был богатый жизненный опыт, житейская мудрость. Старец – всегда прозорливец, читающий в душах приходящих к нему людей и видящий будущее. «Делай, как знаешь, – говорил обычно своим посетителям отец Макарий, преемник старца Льва. – Но смотри, чтобы не случилось с тобой вот того-то…» Жизнь показывала, что предостерегал он всегда не зря.

Федор Михайлович Достоевский, широко пользовавшийся специальной литературой при работе над романом «Братья Карамазовы», так описал в нем этот феномен. «Старец – это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав старца, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. Этот искус, эту страшную школу жизни обрекающий себя принимает добровольно в надежде после долгого искуса победить себя, овладеть собою до того, чтобы мог, наконец, достичь через послушание всей жизни уже совершенной свободы, то есть свободы от самого себя, то есть избегнуть участи тех, которые всю жизнь прожили, а себя в себе не нашли. Изобретение это, то есть старчество, – не теоретическое, а выведено на Востоке из практики, в наше время уже тысячелетней. Обязанности к старцу не то, что обыкновенное „послушание", всегда бывшее и в наших русских монастырях. Тут признается вечная исповедь всех подвизающихся старцу и неразрушимая связь между связавшим и связанным. Рассказывают, например, что однажды, в древнейшие времена христианства, один таковой послушник, не исполнив некоего послушания, возложенного на него старцем, ушел от него из монастыря и пришел в другую страну, из Сирии в Египет. Там после долгих и великих подвигов сподобился, наконец, претерпеть истязания и мученическую смерть за веру. Когда же церковь хоронила тело его, уже чтя его как святого, то вдруг при возгласе диакона: „Оглашенные, изыдите", – гроб с лежащим в нем телом мученика сорвался с места и был извергнут из храма, и так до трех раз. И наконец лишь узнали, что этот святой страстотерпец нарушил послушание и ушел от своего старца, а потому без разрешения старца не мог быть и прощен, даже

несмотря на свои великие подвиги. Но когда призванный старец разрешил его послушания, тогда лишь могло совершиться и погребение его. Конечно, все это лишь древняя легенда, но вот и недавняя быль: один из наших современных иноков спасался на Афоне, и вдруг старец его повелел ему оставить Афон, который он излюбил как святыню, как тихое пристанище, до глубины своей, и идти сначала в Иерусалим на поклонение святым местам, а потом обратно в Россию, на север, в Сибирь: „Там тебе место, а не здесь". Пораженный и убитый горем монах явился в Константинополь ко вселенскому патриарху и молил разрешить его послушание, и вот вселенский владыко ответил ему, что не только он, патриарх вселенский, не может разрешить его, но и на всей земле нет, да и не может быть такой власти, которая могла бы разрешить его от послушания, раз уже наложенного старцем, кроме лишь власти того самого старца, который наложил его. Таким образом, старчество одарено властью в известных случаях беспредельною и непостижимою. Вот почему во многих монастырях старчество у нас встречено было почти гонением. Между тем старцев тотчас же стали высоко уважать в народе. К старцам… стекались, например, и простолюдины и самые знатные люди, с тем, чтобы подвергаясь пред ними, исповедовать им свои сомнения, свои грехи, свои страдания и испросить совета и наставления. Видя это, противники старцев кричали, вместе с прочими обвинениями, что здесь самовластно и легкомысленно унижается таинство исповеди, хотя беспрерывное исповедание своей души старцу послушником его или светским производится совсем не как таинство. Кончилось, однако, тем, что старчество удержалось…»

Старец получает особый дар – направлять души к спасению и врачевать их от страстей. Рассуждение ставится святыми отцами выше всех других дарований. «Не всякий, кто стар летами, уже способен к руководству, но кто вошел в бесстрастие и принял дар рассуждения», – писал старец Петр Дамаскин.

Старчество как особый духовный союз, по определению старца Амвросия, состоит в искреннем духовном отношении и послушании духовных детей своему духовному отцу или старцу. Это духовное отношение состоит не только в исповеди перед святым причастием, но преимущественно в частом, даже ежедневном, исповедании старцу

поступков, размышлений и всех малейших страстных движений мысли и сердца, а также в получении совета и благословения на любые действия, соединенные с искренней, твердой решимостью осуществить все то, что укажет старец.

Послушание старцу – отсечение своей воли – это не стеснение свободы, а стеснение произвола падшего человеческого разума, не понимающего всеблагой, всесовершенной воли Божьей. Нравственная христианская свобода заключается не в своеволии, а в самоограничении.

Дар старчества – свидетельство высшей степени духовного совершенства. Но страшным, непростительным грехом в Церкви считается самовольная имитация этого дара, грех «лжестарчества», распространившийся в предреволюционные годы. (По всей видимости, именно в этот грех впал на старости лет большой русский писатель Лев Николаевич Толстой).

Имея особый дар сострадательной, жертвенной любви, старцы чужие горести и падения воспринимают как свои собственные. Они – христианские пророки-утешители.

Золотой век старчества

При отце Макарии опыт старчества становится неотъемлемым элементом духовной традиции русской культуры. Отец Макарий создает монастырскую библиотеку, основывает в Оптиной книгоиздательство, привлекая к подготовке изданий и переводам с греческого лучшие церковные и светские умы. Со временем в оптинской библиотеке насчитывается более тридцати тысяч томов. На библиотеку, по существу, и шли все монастырские доходы. Были собраны не только богословские труды, но и древние философские, естественнонаучные, медицинские сочинения.

До середины XIX века большинство переводов Паисия Величковского оставалось в рукописях, пока наконец не было издано в Оптиной. Усердием старца Макария и его помощников были переведены и изданы греческие и славянские труды святых отцов, в которых имелись необходимые советы и руководства для старцев и их учеников. Чтение святоотеческих книг старцы считали первым

занятием инока в свободное от богослужения время, и постепенно оно стало обязательным для всей братии. Было введено откровение помыслов – ежедневное исповедание своих мыслей и чувств как неотъемлемое условие для достижения духовного совершенства. Во главу всего старцы ставили смирение как сущность христианской жизни.

Временем полного утверждения старчества можно считать начало 1840-х годов. За духовным опытом в Оптину пустынь приезжали братья Киреевские, Николай Васильевич Гоголь и многие другие представители интеллигенции.

Сохранилась легенда о таинственном и навсегда утерянном послании старца Макария потомкам. Однажды летом была страшная буря, так описанная в монастырской летописи: «.Пополудни в три часа зашла страшная туча с молнией и громовыми ударами с юго-запада при 20 градусах тепла. Она разразилась страшной бурей с проливным дождем и градом. От этой бури во многих местах Козельского уезда произошли разрушения, в особенности же в Оптиной пустыни. <…> А в монастырском лесу поломано и вырвано с корнем до двух тысяч самых толстых сосен. Страшная буря! Никто не помнил такой.» После непогоды старец Макарий вместе с братией убрал поваленные деревья и посадил на их место новые. Рассказывали, что посадки между скитом и монастырем имели клиновидную форму и служили своеобразным зашифрованным письмом в будущее, прочесть которое предназначалось последнему старцу. Так, по крайней мере, передавалось в Оптиной из поколения в поколение и не дозволялось уничтожать не только деревья, но и кустики. Но эта тайна так и осталась неразгаданной: в начале 20-х годов прошлого века после закрытия монастыря заповедные посадки выпилили, а последний оптинский старец Нектарий закончил свою жизнь в ссылке.

После кончины старца Макария издано шесть томов его писем – сокровище мудрости и многолетнего опыта.

При отце Амвросии, ученике старцев Льва и Макария, начинается золотой век Оптиной пустыни.

Тысячи людей, среди которых Федор Михайлович Достоевский, Владимир Сергеевич Соловьев, Константин Николаевич Леонтьев, великий князь Константин Константинович, нашли у него поддержку и утешение. «Здесь невольно человек заглядывает в себя и смиряется,

вспомнит свое зло и содрогнется. Так мелочны кажутся все вожделения, которыми живут люди, и так хочется забыть их и уйти подальше от всего, и станет тоскливо, что так любится то, что так недостойно любви», – писал Евгений Николаевич Поселянин.

Все старцы продолжали великую традицию. Недаром оптинское старчество сравнивали с могучим деревом, имеющим сильные корни и крепкие, плодоносные ветви. Но, став частью русской культуры, Оптина разделила и трагическую судьбу России.

В начале XX века было записано пророчество о судьбе России старца Иосифа: *«Будет шторм, и русский корабль будет разбит. Да, это будет, но ведь и на щепках и обломках люди спасаются. Не все же, не все погибнут. <…> И будет штиль <…> явлено будет великое чудо Божие, да. И все щепки и обломки волею Божией и силой Его соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе, и пойдет своим курсом, Богом предназначенным. Так это и будет, явленное всем чудо».*

Вр емя сбывающихся пророчеств

Трудно сказать, дожили мы до штиля или пока нет, а вот шторма Оптина пустынь не выдержала, хотя несколько лет и пыталась держаться на плаву. Вот очень краткая хроника событий тех лет.

Декретом СНК РСФСР от 10 (23) января 1918 года Оптина пустынь была закрыта. Перед революцией в Оптиной состояло около трехсот монахов.

В 1919 году оптинская братия во главе с архимандритом Исаакием создает сельскохозяйственную артель. К этому времени уже более пяти десятков монахов насильно мобилизованы на военную службу. Начинаются первые аресты.

В 1923 году артель упраздняется. Закрываются все храмы, кроме Казанского (его закроют через год, в 1924-м). В скиту создается музей «Оптина пустынь». Монастырские здания передаются под общежитие служащим местного совхоза, лесозавода и музея, под контору музея и детский дом.

В 1928 году музей закрывают, библиотеку монастыря – редкие книги, экземпляры оптинских изданий, а также весь рукописный отдел

– перевозят в Государственную библиотеку имени Ленина в Москве (ныне Государственная Российская библиотека).

В 1929 году арестованы все оптинские иеромонахи во главе с архимандритом Исаакием. Многие умерли в лагерях, ссылках или были расстреляны.

Горьким вздохом православная Россия повторила вслед за Анной Ахматовой: «А в Оптиной мне больше не бывать…»

Их было немного, оптинских старцев, – четырнадцать за сто лет.

Преподобный Леонид, в схиме Лев (в миру Лев Данилович Наголкин) (1768 – 11/24 октября 1841).

Преподобный иеросхимонах Макарий Оптинский (в миру Михаил Николаевич Иванов) (1788 – 7/20 сентября 1860).

Преподобный схиархимандрит Моисей, настоятель и старец Оптиной пустыни (в миру Тимофей Иванович Путилов) (1782 – 16/29 июня 1862).

Преподобный схиигумен Антоний (в миру Александр Иванович Путилов) (1795 – 7/20 августа 1865).

Преподобный иеросхимонах Иларион Оптинский (в миру Родион Никитич Пономарев) (1805 – 18 сентября/1 октября 1873).

Преподобный Амвросий Оптинский (в миру Александр Михайлович Гренков) (1812 – 10/23 октября 1891).

Преподобный иеросхимонах Анатолий Старший, оптинский скитоначальник (в миру Алексей Моисеевич Зерцалов) (1824 – 25 января/7 февраля 1894).

Преподобный схиархимандрит Исаакий I Оптинский (в миру Иван Иванович Антимонов) (1810 – 22 августа/4 сентября 1894).

Преподобный иеросхимонах Иосиф Оптинский, скитоначальник и духовник (в миру Иван Ефимович Литовкин) (1837 – 9/22 мая 1911).

Преподобный схиархимандрит Варсонофий Оптинский (в миру Павел Иванович Плиханков) (1845 – 1/14 апреля 1913).

Преподобный иеросхимонах Анатолий Младший, Оптинский (Александр Алексеевич Потапов) (? – 30 июля/12 августа 1922).

Преподобный иеросхимонах Нектарий Оптинский (в миру Николай Васильевич Тихонов) (1853 – 29 апреля/12 мая 1928).

Преподобный иеромонах Никон Оптинский, исповедник (в миру Николай Митрофанович Беляев) (1888 – 25 июня/8 июля 1931).

Преподобный архимандрит Исаакий II Оптинский, священномученик (в миру Иван Николаевич Бобриков) (1865 – 26 декабря/8 января 1938).

Благодаря им цепь традиций духовного опыта была непрерывной.

17 ноября 1987 года Оптина пустынь возвращена Церкви, монастырь вновь открыт, храмы восстановлены и освящены.

Краткий хронограф современных событий:

6—9 июня 1988 года – прославление Поместным Собором Русской православной церкви преподобного Амвросия Оптинского.

16 октября 1988 года – обретение святых мощей старца Иосифа.

16 ноября 1988 года – чудо мироточения икон Казанской Божьей Матери и преподобного Амвросия Оптинского в канун первой годовщины возвращения обители церкви, во время всенощного бдения.

16 июля 1989 года – перенесение в Оптину пустынь святых мощей старца Нектария.

1 февраля 1990 года – возвращение Оптиной пустыни Иоанно-Предтеченского скита.

18 марта 1990 года – освящение скитского храма в честь святого Иоанна Предтечи.

26 декабря 1994 года – вскрытие гробниц и обретение святых мощей старцев Моисея и Антония, погребенных под спудом в Казанском соборе.

14 февраля 1995 года – вскрытие гробницы и обретение святых мощей старца Исаакия I, погребенного под спудом в Казанском соборе.

26—27 июля 1996 года – канонизация в лике местночтимых святых Оптинских старцев: Льва, Макария, Моисея, Антония, Илариона, Исаакия I, Анатолия (Зерцалова), Иосифа, Варсонофия, Анатолия (Потапова), Нектария, Никона, Исаакия II с установлением общего Соборного празднования 11 (24) октября.

10 июля 1998 года – обретение мощей преподобных старцев: Амвросия, Льва, Макария, Илариона, Анатолия (Зерцалова), Варсонофия, Анатолия (Потапова).

23 октября 1998 года – перенесение новообретенных святых мощей семи преподобных старцев в храм-усыпальницу.

С 2000 года началось общецерковное почитание Собора оптинских старцев.

Приведет ли возрождение старых стен к возрождению былых великих традиций? Поживем – увидим. Старцы, во всяком случае, обещали.

Глава вторая
Возродивший Оптину

Моисей Оптинский
Преподобный схиархимандрит Моисей,
в миру Тимофей Иванович Путилов (15/28 января 1782 – 16/29 июня 1862)

Душевная польза одного человека вознаградит все наши труды.

Моисей Оптинский

Ровный неяркий свет лампад перед образами не освещал небольшую келью, быстро погружающуюся в сумерки. Уставший за день от бесконечных посетителей старца келейник неслышной тенью скользил по помещению, стараясь, не дай Бог, не потревожить больного игумена Моисея, который, кажется – слава тебе, Господи! – задремал. «Сколько же жизненных сил и веры в нем!» – не в первый раз подумал монах, глядя на своего игумена с уважением, к которому примешивались благоговение, восхищение и легкая зависть. «Грех завидовать», – сразу осудил себя монах и прислушался. Со стороны кушетки, на которой лежал игумен, доносился невнятный, еле слышный не то шепот, не то шелест.

– Батюшка? – тоже шепотом подал голос келейник, наклонясь к нему.

– Спроси, кто эта женщина? Что ей надо? Зачем она меня беспокоит? – ослабевший голос игумена звучал тихо, но настойчиво. Он порывался встать.

– Кто здесь? – громко и строго спросил келейник, выпрямляясь и внимательно оглядывая келью.

Уже совсем стемнело. Сумрак скрадывал привычные очертания предметов. Никто не отозвался. «Вот ведь люди, – с досадой подумал келейник, зажигая свечу. – С самого раннего утра сегодня нескончаемым потоком шли за благословением. У батюшки от болезни

уже крест святой в руках не держится, с обедни с ним рядом стоял, придерживал крест-то. И опять же одному из посетителей батюшка сказал нынче, что в воскресенье надеется быть в церкви. Тот, разумеется, удивился, я тоже. Мы батюшке – в два голоса, что по слабости здоровья ему служить никак нельзя, а батюшка в ответ: „Служить нельзя, а быть можно". Да-а-а, – задумчиво покачал головой монах и продолжил свою мысль. – Только что последнего посетителя отпустили, всех желающих батюшка принял. Ночь на дворе! Неужели вошел кто-то, а я не заметил?»

Монах поднял свечу и снова осмотрелся. Никого. «Бредит, наверное», – с тревогой подумал он, склоняясь над старцем. На него с осунувшегося и изможденного недугом лица пристально смотрели уставшие глаза. Взгляд их был тверд и осмыслен. Вдруг в них снова мелькнуло беспокойство.

– Узнал? – выдохнул старец.

– Здесь нет никакой женщины, – растеряно пробормотал монах.

– Там, – неопределенно взмахнул рукой игумен и прикрыл глаза.

Келейник пожал плечами и на всякий случай выглянул в прихожую. Тихо и пусто. Он вышел на крыльцо. На дорожке перед домом стояла немолодая, скромно одетая женщина, сжимая в руках образок, подаренный ей сегодня старцем Моисеем. Она пребывала в явной растерянности. Увидев вышедшего монаха, встрепенулась, так и потянулась к нему.

– Чем могу быть полезен? – келейник спустился к ней с крыльца.

– Вот, – женщина разжала руку, в неровном пламени свечи блеснул образок. – Батюшка меня образком благословил. А я, дура старая, от радости и умиления о сыне совсем забыла. Мне бы и для него образок получить с благословением батюшки. И войти не решаюсь – поздно уже, и уйти не могу – о сыне вспомню, ноги не идут.

– Подождите здесь. Келейник в два шага преодолел крыльцо, торопливо прошел в келью, выбрал из коробки образок.

– Благословите, батюшка, сына благочестивой рабы Божьей, – склонился он над игуменом.

Старец медленно благословил образок, его рука обессилено упала на грудь.

– Вот теперь я спокоен, – облегченно прошептал он и впал в забытье.

В начале 1862 года настоятель Оптиной пустыни Моисей разменял девятый десяток. Солидный возраст, мало кому удается подойти к этому рубежу без груза болезней. Не удалось и отцу Моисею. Тяжелая изнурительная хворь, подкосившая его на восемьдесят первой весне, усугубилась нравственными страданиями. «Снова донос, – огорчался он, испытывая недоумение и растерянность. – Прости им Господи, ибо не ведают, что творят». «Травят, как раненого зверя, – перешептывались монахи, – батюшка игумен от болезни совсем силы потерял». «Хотя, – начинал мысленно успокаивать себя настоятель, – стоит ли удивлять этим доносам, их за почти сорок лет моего управления Оптиной мало ли было? Недовольных всегда хватало. Я и без них знаю, что хуже всех. Дела бы не погубили». Болезнь не отступала, и с конца мая 1862 года отец Моисей начал ежедневно причащаться. При соборовании он, совсем немощный, превозмогая недуг, вставал при чтении Святого Евангелия, после же, прося прощения, низко кланялся служащим, у которых сердца заходились от сострадания к старцу. Вечером 6 июня 1862 года игумена постригли в великую схиму, оставив ему имя Моисей. При обряде пострижения ответы его были внятны, чувство сильно, память светла. Он говорил, что такого утешения и такой духовной радости, наполняющей его душу с принятием великого ангельского образа, в жизни своей не помнит. Ему осталось жить десять дней. Весть о пострижении в схиму и приближающейся кончине настоятеля собрала к его одру великое множество людей, как монашествующих, так и мирских. Каждый спешил принять от него последнее благословение. Несколько слов, сказанных умирающим настоятелем, пока он после благословения вкладывал в руку посетителя образок на память, оказывались самыми нужными, важными, и главное – произнесенными вовремя. Многие, хорошо знавшие игумена Моисея, поняли, что прежде он тщательно скрывал от всех свой дар прозорливости – умение видеть сердце и душу человека. С раннего утра до позднего вечера отец Моисей прощался с людьми, благословляя их на жизнь, а по ночам, когда сон бежал от него, тихо молился и вспоминал свою долгую жизнь, мелькающую перед глазами картинками калейдоскопа.

Наставники

Будущий преподобный схиархимандрит Моисей, настоятель и старец Оптиной пустыни, родился 15 января 1782 года в городе Романове-Борисоглебске Ярославской губернии в благочестивой купеческой семье Путиловых. Родители – Иван Григорьевич и Анна Ивановна – при крещении назвали своего первенца Тимофеем. Они были людьми глубоко верующими, исправно посещали все церковные службы и сына с раннего возраста начали воспитывать в духе строгого православия. Воспитателями супруги Путиловы были, по всей видимости, что называется, от Бога и в духовном воспитании детей – у Тимофея было два младших брата – преуспели вполне.

С юных лет Тимофей стал тяготиться мирской жизнью, распознав суету и пустоту житейских дел. Жажда духовного совершенствования заставляла его предпринимать длительные паломничества в монастыри, где он удостаивался длительных бесед с известными старцами. Свои первые путешествия по святым местам Тимофей совершал с младшим братом Ионой. Живое и частое общение с мудрыми старцами укрепило смутные желания братьев Путиловых отрешиться от мирской суеты и привело в монашество.

Окончательное решение Тимофею помогла принять неожиданная встреча в Москве. Считается, что в 1805 году ему довелось беседовать со знаменитой инокиней Досифеей. Как полагают многие историки, инокиней была знаменитая «княжна Тараканова» – законная, но тайная дочь императрицы Елизаветы Петровны и ее морганатического супруга, графа Алексея Григорьевича Разумовского. При Екатерине II княжна Тараканова была возвращена из Европы, где воспитывалась и жила с детства, пострижена в монахини и заточена в московском Ивановском монастыре на правах «железной маски российской империи». В строжайшей тайне она провела в затворе, в уединенной келье, двадцать пять лет, и при жизни Екатерины II никто не видел ее лица и не слышал ее голоса, кроме игуменьи монастыря. После смерти императрицы ее разрешили навещать митрополиту Московскому Платону и некоторым знатным особам, с которыми она, по свидетельству очевидцев, общалась на иностранных языках. Последние несколько лет до смерти в начале февраля 1810 года она провела в безмолвии и считалась «праведной», обладающей даром прозорливости. Возможно, был в жизни инокини Досифеи короткий период, когда она общалась с простыми посетителями через окно

своей кельи. Во всяком случае, в жизнеописании будущего оптинского старца Моисея беседе с таинственной «старицей Досифеей» придается большое значение – инокиня направила братьев Путиловых в Саровский монастырь на путь монашеского послушания.

По указанному Досифеей пути братья незамедлительно и последовали. В Саровской пустыни Тимофей беседовал и принимал духовные наставления от преподобного Серафима Саровского.

Настоятель Саровской пустыни, иеромонах Исаия, отправил молодых людей на послушание в хлебню. Потом были и другие послушания – в Саровской пустыни, как в любом монастыре, работ и хлопот на всю братию хватало.

Братья все послушания исполняли беспрекословно, трудились исправно. Когда старца Исаию настиг тяжелый недуг, Тимофей неотлучно находился около него, писал по его поручению ответы на приходившие старцу письма.

Иона прикипел сердцем к Саровской пустыни и остался в этом монастыре навсегда. Тимофея же жажда духовной мудрости гнала вперед. Он простился с братом и, как позже писал саровскому старцу Иллариону, «удалился из Сарова по неведомым мне судьбам».

Пути «неведомой судьбы»

«Неведомая судьба» привела Тимофея в Брянский Свенский Успенский монастырь, в котором в то время собрались замечательные подвижники. Здесь Тимофей был определен в число послушников и почерпнул немало духовной мудрости от местных старцев. Но снова не задержался надолго. Вскоре по совету одного из старцев он отправился в глухую пустынь Рославльских лесов. Там он был пострижен в малую иноческую схиму и наречен Моисеем.

В Рославльских лесах отец Моисей вел жизнь отшельника – шесть дней в неделю проводил в одиночестве, вычитывая ежедневный круг богослужений. В седьмой, воскресный, день отшельники сходились для совместной молитвы. В свободное от молитв время отец Моисей занимался огородничеством, рукоделием, переписывал творения святых отцов.

Так, в трудах и молитвах прошло несколько лет до прервавшего тихую жизнь отшельника нашествия французов. Отец Моисей, распрощавшись на время с лесным пустынножительством, поступил в Белобережскую пустынь. Там он встретил трех выдающихся подвижников: отца Феодора, отца Клеопу – учеников Паисия Величковского – и отца Леонида, позже знаменитого оптинского старца.

Когда французов с позором изгнали, отец Моисей вернулся в Рославльскую пустынь и прожил там еще десять лет. В это время к нему приехал младший брат Александр. Отец Моисей с радостью принял на себя опеку над братом. Они вместе ездили на богомолье в Киев и в Оптину пустынь, побывали в Глинской, Площанской и Белобережской пустынях.

В Рославльской пустыни Александр Путилов был пострижен в монашество с именем Антоний и стал послушником своего брата – монаха отца Моисея. Надо сказать, что послушание Антония отцу Моисею до конца его дней служило образцом смирения.

Примером же служил ему брат, который сам был образцом послушания своему старцу, иеросхимонаху Афанасию, обладавшему даром умной молитвы и передавшему в наследие своему духовному ученику добродетели великой сосредоточенности, кротости и молитвы.

Эти дарования особенно ярко проявятся позже, в период многотрудной настоятельской деятельности отца Моисея. Но еще во времена его жизни в Рославльских пустынных лесах проявилась удивительная по силе духовной любовь к братии. Отец Моисей взял себе за правило «их погрешности, видимые. и исповедуемые ими, принимать на себя и каяться как за собственные свои, дабы не судить их строго и гневом отнюдь не воспламеняться…».

Тем временем калужский епископ Филарет, будущий митрополит Киевский, давно присматривался к рославльским отшельникам. Были у него на них свои виды.

Во время поездок на богомолье епископ Филарет часто останавливался в Оптиной пустыни, порой жил там неделями. К сердцу прикипели эти спокойные красивые места, тишина и уединенность. И задумал епископ Филарет основать при полюбившейся ему Оптиной пустыни скит для безмолвного

пустынного жития по примеру древних святых отцов. Епископ уговорил взяться за это благочестивое дело отца Моисея.

«Сам-то я хуже всех»

И вот в июне 1821 года отец Моисей с тремя иноками: своим братом Антонием и монахами Илларионом и Савватием – с благословения архиепископа покинули Рославльские леса и переселились в Оптину пустынь. Не откладывая, выбрали место для будущего скита и были готовы приступили к строительству. Однако сразу начать строительство не получилось – нужно было расчистить выбранное место от леса. Пришлось подвижникам, вровень с наемными рабочими, валить вековые сосны, корчевать пни. Зато уже в августе была заложена церковь в честь великого пустынножителя Иоанна Крестителя.

Епископ Филарет внимательно наблюдал за успехами в строительстве и устроении скита Оптиной пустыни. Словом и делом ободрял своих избранников. 22 декабря 1822 года он рукоположил отца Моисея в иеродиакона, а через три дня – в иеромонаха. И определил Моисея общим духовным отцом братии Оптиной пустыни, тем самым мудро сближая братства скитское и монастырское. Тогда же сорокатрехлетний отец Моисей был избран настоятелем Оптиной пустыни. Благословив это избрание, епископ снова проявил мудрость и дальновидность, окончательно предотвратив возможность возникновения в монастыре двоевластия и соперничества, надежно укрепив духовный союз двух братств – монастырского и скитского.

С этого момента и до последних дней своей жизни в течение тридцати семи лет отец Моисей непрерывно служил во славу Оптиной пустыни. Его брат, отец Антоний, стал его правой рукой, скитоначальником – руководителем устраиваемого в Оптиной пустыни скита.

Несмотря на стремительную карьеру и высокие должности, отец Моисей отличался исключительным – смирением. Он часто повторял: «Сам-то я хуже всех» и добавлял, предупреждая любые возражения: «Другие, может быть, только думают, что они хуже всех, а я на самом деле дознался, что я хуже всех».

Основой взаимоотношений настоятель Оптиной пустыни считал человеколюбие. Его безграничное миролюбие, терпение и смирение вызывали у иноков удивление и уважение. Однако, будучи мудро снисходительным, он умел вразумить и, если требовалось, – строго взыскать. Но никогда не допускал самочинства, был милосерден, предпочитая действовать не наказанием, а увещеванием и убеждением. Он прекрасно понимал потребности каждого и умел сострадать и прощать мелкие прегрешения людей.

Показателен такой случай. Работал в Оптиной пустыни печник. Мастер он был хороший, но плутовал, любил выпить лишнего и потому работал неисправно. Жалобы на него не прекращались, и настоятель неоднократно вел с печником воспитательные беседы. Но увещевания впрок не шли. Тогда отец Моисей решил его рассчитать, благоразумно придя к выводу, что выгоднее и спокойнее будет найти другого мастера. Печник же, узнав об этом решении, упал перед настоятелем на колени и со слезами просил о прощении, обещая исправиться. Преподобный Моисей пожалел его и снова нанял на работу. Когда об этом узнал монастырский эконом, отвечающий за финансы и хозяйство, он не преминул высказать настоятелю свое недоумение.

– Батюшка! – эмоционально начал речь отец-эконом. – Вы опять печника наняли, а он плут и пьяница! Это же всем известно! Да и вы сами хорошо об этом знаете!

– Все ты правильно говоришь, – повздыхав, ответил отец Моисей, – но он же бедный человек. Обратил внимание, на нем даже рубашки под кафтаном нет? Как ему не помочь? К тому же он обещал исправиться.

Отец-эконом в сердцах только рукой махнул:

– Батюшка, когда же он исправится? Он уже столько раз обещал, а все за старое. Он известный негодяй!

После этих слов обычно кроткий настоятель возмутился:

– Как так! Человек исправиться хочет, а ты говоришь, что он негодяй! После таких слов ты – негодяй! Ступай!

Отец-эконом поспешил удалиться.

Но возмущался отец Моисей редко. Если он видел в ком-то по отношению к себе, настоятелю, какое-либо недовольство, то, не считаясь со своим саном и положением, всегда делал первый шаг

навстречу примирению. Этому же он учил монастырскую братию. Когда приходили к нему с жалобой на своего собрата монаха, отец Моисей для видимости соглашался с жалобщиком, терпеливо выслушивал его, а потом говорил: «Да, уж нужно кончить дело по-монашески. Пойди как-нибудь там объяснись с ним, то есть примирись».

В памяти современников сохранился следующий эпизод. Старейший схимонах Оптиной пустыни Вассиан почему-то сразу невзлюбил и отца Моисея, и его брата, отца Антония. Возможно, были у схимонаха на то свои причины: многим не нравится, когда выскочки-чужаки как по мановению волшебной палочки самые высокие должности занимают, а заслуженные старожилы вынуждены у них в подчинении находиться, да еще – о чем будет сказано ниже – тяжело работать и впроголодь жить. Вассиан был монахом грамотным и все свободное время тратил на составление бесконечных доносов и жалоб во все вышестоящие организации и самому высокому церковному начальству. Большого вреда ни настоятелю, ни скитоначальнику его кляузы не принесли, но нервов попортили изрядно. Иногда распалившись, Вассиан в сердцах бросал перо на очередной донос и отправлялся к настоятелю лично громогласно изливать на него свои обличения.

Отец Моисей принимал Вассиана всегда очень радушно, терпеливо выслушивал, молча дожидаясь, пока поток гневных речей иссякнет. Каждый раз, когда выговорившийся схимонах собирался уходить, настоятель останавливал его и. вручал гостинец с благодарностью.

– Спасибо тебе, отец Вассиан, – искренне говорил он. – Спаси тебя Господи, что потрудился посетить меня грешного. Вот тебе в благодарность от меня гостинец.

Такое «общение» происходило достаточно регулярно, и монахи понимающе переглядывались, встречая отца Вассиана, возвращающегося в скит со связкой баранок, – гостинцем за поучение или обличение от настоятеля.

Настоятель никогда не делал взысканий по взаимным жалобам, постоянно напоминая о великой силе прощения. «Монашество требует смирения и терпения, – тихо, но твердо говорил он, – и когда кто скажет: прости Бога ради, – то все кончено, так и знай». И сам подавал

пример: если провинившийся просил прощения и получал его, отец Моисей никогда не напоминал более об этом деле. К осознавшим и признавшим свою вину, попросившим прощения, настоятель всегда был снисходителен. Но и не сознающих, отрицающих свою вину отец Моисей не спешил карать – долготерпением и мудрыми наставлениями он старался довести их до понимания и раскаяния.

Один из оптинских иеромонахов оставил воспоминание о том, как относился отец Моисей к священнослужителям, впадавшим иногда в тяжкие прегрешения. Случилось учителю духовного училища, иеромонаху, которого все знали как человека хорошего, умного, наделенного духовным разумом, впасть в тяжкий грех. Что за грех овладел несчастным ученым мужем, автор воспоминаний скромно умолчал, однако отметил, что «слабость эта была неразлучна и с другими падениями». Тем не менее учитель нашел в себе силы открыться своему духовному отцу. Тот пришел в ярость: «Вон из монастыря!» От отчаяния учитель погряз в грехе еще больше, но в минуту просветления отправился к игумену Моисею.

– Настоятель! Входят ли к тебе грешники? – тихо спросил несчастный, осторожно заглядывая в чуть приотворенную дверь.

– Да, входят, – видя, насколько потерянным выглядит иеромонах, ответил отец Моисей. – Если грешник верует и раскаивается, – добавил он и пытливо взглянул на вошедшего: – А ты веруешь ли, раскаиваешься ли?

– Верую и раскаиваюсь!

– А если веруешь, становись со мною и молись! – настоятель стал перед иконами на колени. Иеромонах робко опустился на колени рядом с ним.

Они начали молиться, и такую сильную молитву произнес отец Моисей, что иеромонах упал навзничь, залившись слезами.

– Ну, теперь иди с миром, – сказал настоятель, тоже прослезившийся.

– А как же служить?

– Иди, говорю, с миром и служить – служи.

– А как же? Грех-то?

– Принимаю твой грех на себя. Иди и служи!

Так отец Моисей спас душу падшего собрата.

С той поры тот совершенно исправился.

Епископ Филарет не ошибся в своем выборе. Преподобный Моисей оказался не только мудрым наставником, но и талантливым администратором.

Он сумел значительно расширить монастырь, оградив его новыми каменными стенами с семью башнями. Близ главного Введенского храма, на месте старой трапезной, была поставлена церковь во имя преподобной Марии Египетской. Сделана пристройка к больничной Владимирской церкви, вновь возведены семь братских корпусов – число монахов при преподобном Моисее выросло с сорока до ста пятидесяти. Появились обширная трапезная, восемь гостиничных корпусов для многочисленных богомольцев. Было устроено новое монастырское кладбище с церковью при нем. Построена библиотека и возведены многочисленные хозяйственные постройки. Как утверждают некоторые современники, в первое время наемный труд в Оптиной не использовался, все постройки были созданы монахами обители под руководством преподобного Моисея.

При нем были разведены большие огороды, фруктовые сады. Земельные владения Оптиной увеличились вдвое. Под бдительным и попечительным присмотром настоятеля находились монастырские леса, луга, огороды, сады, пруды, скот и пчелы.

Вклад в будущее благополучие

Времена начала строительства для Оптиной пустыни выдались трудными. Монахов было мало, богомольцев тоже, средств катастрофически не хватало даже на самое необходимое. Надо ли говорить, что далеко не все монахи понимали важность грандиозного строительства, ведь в монастыре зачастую не бывало хлеба. Когда настоятель затеял возведение огромной ограды вокруг монастыря, многие монахи ворчали: «Ничего нет, хлеба даже у братии нет, а он этакую огромную постройку ведет. И повел, и повел, да так без перерыва и довел ее до конца, а ограда-то какая, несколько домов каменных можно из нее выстроить».

Что говорить о монахах, если всегда безропотно следовавший за преподобным Моисеем брат, отец Антоний, смутился тем, что в голодные годы настоятель взялся за возведение стен и каменной

монастырской гостиницы. Позже отец Антоний вспоминал: «Смотрю я, бывало, на отца игумена Моисея в то время, да и думаю: „Господи, вера-то какая у этого человека! В Евангелии сказано, что верою можно горы переставлять, а тут созидает человек верою горы там, где их не было"».

Однако, несмотря на непонимание и недовольное ворчание со стороны монахов, отец Моисей твердо знал, что делает. Предвидел ли он будущее, или сказались житейские опыт и мудрость, но настоятель понимал, что крепкие, высокие стены большого монастыря вселят душевное спокойствие и уверенность не только в живущих за ними монахов, но и в окрестных жителей. Да, спокойная, уверенная мощь монастырских стен тяжело далась монахам. Иногда строительные работы непосильным трудом ложились на их плечи, но им никто и не обещал легкой жизни в монастыре – не за тем сюда идут. Настоятель знал, что преодоление трудностей укрепляет дух. Как знал он и то, что посвятивший себя служению Богу должен быть милосерден к людям. Именно поэтому и при недостатке в монастыре хлеба и денег отец Моисей никогда не отказывал в помощи бедным, кормил странников в трапезной и гостинице. Монастырский эконом только за голову хватался.

Вспоминают, например, такой случай. Однажды разорившийся торговец привез в монастырь продавать негодную сбрую. Настоятель, несмотря на трудности с деньгами, сбрую купил. Узнав об этом, отец-эконом даже дар речи потерял. Несколько придя в себя, он, разумеется, поинтересовался у отца Моисея: «Сбруя-то вся как есть гнилая! Зачем же вы ее купили?!» Тот повздыхал и ответил: «Экой ты, брат! Ведь торговец бедный, разорившийся. Ему и продать более нечего, а у него дома пятеро детей, их кормить надобно. Так что все едино как-то помочь человеку нужно было».

Возможно, чтобы избежать подобных объяснений, настоятель стал поступать иначе, подавая милостыню. Вот один из примеров.

Отец Моисей принимал гостей, когда ему доложили, что в прихожей ждет старушка, пожелавшая видеть настоятеля. Отец Моисей незамедлительно вышел в переднюю и увидел бедно одетую пожилую женщину, прижимавшую к себе подушку.

– Что надобно тебе? – спросил он ласково.

– Батюшка, яви милость, купи у меня подушку. Больше мне продать нечего, а дома дети с голоду пухнут, еды ни крошки, – чуть не плакала женщина.

– Что стоит твоя подушка?

– Полтора рубля.

– Это дорого, дорого, возьми вот рубль, – сказал отец Моисей и пошел за деньгами. Вместо обещанного рубля он вынес пятирублевую купюру и отдал ее старушке, приговаривая: «Дорого, дорого».

Женщина с поклонами ушла, но не успел настоятель вернуться к гостям, как она, рассмотрев купюру, вернулась в испуге:

– Батюшка, вы никак ошиблись, другую денежку мне дали.

– Ступай, ступай, – притворно заворчал отец Моисей, – я же ясно сказал, что больше не стоит.

Старушка ушла, а гости слышали разговор только про рубль. Так настоятель скрывал свои благодеяния. К тому же он прекрасно осознавал, что тайная милостыня лучше позволяет человеку избежать тщеславия и сосредоточиться на движениях души во время совершения милосердия.

Как бы тяжело и голодно ни жилось Оптиной в первые годы настоятельства отца Моисея, в самые суровые моменты, когда казалось, вот он – край, ситуация чудесным образом разрешалась. Так однажды, в день, когда у монахов животы так свело от голода, что в глазах темнело, какой-то благодетель прислал в дар Оптиной обоз с продовольствием.

Постепенно труды монахов стали приносить доходы и самому монастырю. Кроме богатых земными дарами (если приложить к ним трудолюбивые руки) садов, огородов, прудов, лесов, пашен и пасек, кормивших монастырь, появились новые заводы – кирпичный и черепичный, – мельница, выстроенная возле монастыря на реке Жиздре. И потекли деньги в монастырскую казну… Благоустроенная обитель с новыми церквями, гостиницей, больницей привлекала новых богомольцев, охотно приносивших пожертвования.

Но материальное благополучие уже не могло повлиять на ту особую духовную ауру, словно времен древнего подвижничества, создававшуюся безграничным милосердием настоятеля Оптиной пустыни и непосильными трудами монахов, их заботой о местном населении, получившем работу в обширном монастырском хозяйстве.

Эта духовная атмосфера, царящая в Оптиной, и положила начало ее широкой известности. Но тогда еще трудно было предположить, какой размах она примет. Хотя отец Моисей, скорее всего, и это знал, поэтому и пригласил в Оптину сначала старца Льва, позже старца Макария – основоположников старчества в этой древней обители. Во времена его наставничества пришел в Оптину послушником и будущий великий старец пустыни Амвросий.

Книги, собранные отцом Моисеем, положили начало богатейшей по своему составу монастырской библиотеки. Он благословил в Оптиной организацию книгоиздания и способствовал изданию шестнадцати томов святоотеческой литературы. Отец Моисей понимал, что во многом труды его направлены в будущее и говорил так: «Когда-нибудь кто-нибудь прочтет ту или иную книгу, и душевная польза одного человека вознаградит все наши труды, Бог даст, когда-нибудь будут плоды».

«Слово его было сладко»

Главной заслугой отца Моисея стало введение в Оптиной пустыни древнего порядка иноческой жизни, учреждение старчества. Приглашенные им старцы Лев и Макарий своими молитвами и мудрым наставлением взрастили и укрепили ставшее знаменитым по всей России оптинское старчество.

Сам же отец Моисей как бы укрылся в тени великих старцев. Многие его знакомые даже не подозревали, что тот, кого они считали талантливым администратором и мудрым настоятелем, был воистину духовным мужем. Лишь однажды особый случай вынудил отца Моисея сделать публичное наставление в присутствии старца Макария. Все слышавшие его были изумлены этой речью, исполненной мудрости и духовной силы, поражаясь и тому, как он говорит, и еще более тому, что обычно молчит, имея такой дар.

По свидетельству игумена Антония Бочкова: «Слово его было сладко, встреча радовала, приветствие его было драгоценно, так всегда было обдуманно и нежно. Эта прекрасная душа ни перед кем не оставалась в долгу». Отец Моисей обладал даром слова и знания сердца человеческого. Знал Священное Писание и отеческие книги,

был мудр и вполне сам мог быть духовным наставником других, но, по скромности и занятости настоятельскими хлопотами, он утаивал от всех свои дарования, молясь о духовном возмужании братии под руководством старцев.

Знающие его были уверены, что отец Моисей чуть ли не постоянно пребывал в молитвенном соединении с Господом. Во всяком случае, внимательно слушая божественную службу в храме, он нередко так углублялся в молитву, что не замечал, когда кто-нибудь подходил к нему с поклоном за благословением.

В. Н. Коржевский в «Беседе о милосердии» отмечал, что старец Моисей Оптинский к утрени старался ходить неукоснительно и говорил другим, что это наилучшее время для молитвы. Он считал также, что «к утрени надобно ходить, потому что во время литургии за нас приносится Бескровная Жертва Богу, а ходя к утрени, мы сами себя приносим в жертву Господу, жертвуем для Него своим покоем».

Не только к утрени, но и к литургии, преимущественно ранней, и к вечерне отец Моисей старался ходить неукоснительно, если не задерживали какие-либо особые дела. Бывший при настоятеле долгое время главным пономарем монах Феодосий рассказывал о случае, характеризующем отца Моисея во время молитвы. «Однажды во время уборки в церкви я положил на настоятельское место, сбоку, на верх его перил, маленькие гвоздики да и забыл про них, а лежали они так, что чуть тронь – непременно упали бы. Через долгое время нашел я опять эти гвоздики на том же месте и невольно подумал: вот как отец архимандрит стоит в церкви, истинно как перед Богом, и не коснулся он боков своего места, посередине стоял. Не то, что я, грешный, переминаюсь с ноги на ногу да и к стене прислонюсь».

Вообще в церкви во время богослужения отец Моисей являл собой пример глубочайшего благоговения: пройдет – не оглянется, не повернется; стоит – не обопрется, не прислонится, а только слушает внимательно, что читают и поют, да перебирает четки, иногда закрыв глаза.

Одна игуменья вспоминала, как окруженная сестрами встретила отца Моисея на дороге. Все они ему поклонились, прося благословения, но он, всегда приветливый, шел, не замечая никого вокруг. Игуменья громко назвала его имя, он очнулся, удивился, что около него множество монахинь, стал извиняться. Но выражение его

лица свидетельствовало, в каком состоянии его застигли: он настолько углубился в молитву, что не заметил их.

О глубине смирения игумена Моисея говорит и выбор духовника. Когда в 1860 году умер старец Макарий, бывший духовным отцом настоятеля, последний избрал себе духовником своего младшего брата, игумена Антония, жившего в монастыре уже на покое. И хотя игумен Антоний пребывал в недоумении и большом смущении по поводу этого избрания, поскольку брат сам всегда был его духовным отцом, пришлось повиноваться.

Позже отец Антоний писал настоятелю Боровского монастыря архимандриту Геннадию, что он три последние года жизни настоятеля Оптиной пустыни был его духовником и за все это время игумен Моисей ни одной божественной литургии не совершил без исповеди. «И с каким сокрушением сердца исповедовал он согрешения свои, – вспоминал отец Антоний, – с каким глубоким смирением преклонялся, прося прощения и разрешения, что я всегда умилялся и стыдился пред людьми именовать себя духовным отцом такого великого старца!»

Однажды в Оптиной обители случился большой пожар, с которым никак не могли справиться. Вынесли чудотворную икону Казанской Божьей Матери, встали с ней против ветра, и ветер изменил направление, отнеся огонь в лес. Пожар, принесший убытков на две тысячи рублей, был потушен. Отец Моисей выразился о пожаре так: «Да, уж нельзя не подумать, что это плоды моих грехов. Беды ходят по людям, а не по лесу. Приятен Богу человек в пещи смирения. И так благо мне, что смирил меня Господь».

После смерти

Игумен Моисей скончался 16 июня, в субботу. В воскресенье его перенесли в церковь. «Служить нельзя, а быть можно», – вспомнил келейник слова настоятеля о том, что он надеется быть в воскресенье в церкви. «Знал!» – с удивлением подумал монах и широко перекрестился.

«Батюшка Моисей и по кончине свой заботливо печется обо всем», – сообщал его брат, отец Антоний, в письмах к знакомым. Посмертные явления отца Моисея обитателям Оптиной пустыни,

кажется, никого не удивляли. Однажды в первый весенний день в монастыре случилось несчастье. На скотном дворе девица Надежда, черпая горячую воду из котла для мытья черного белья, поскользнулась, упала в котел и сильно обварилась в кипятке. В это время одному монаху, вздремнувшему в своей келье, во сне явился отец Моисей и приказал немедленно бежать на скотный двор. У запыхавшегося монаха еще звучали в ушах слова бывшего настоятеля: «Нужно быть поскорее», – когда он, прибежав на скотный двор, узнал печальную весть. Два дня Надежда была жива и в памяти, и напутствована всеми Св. Таинствами, а в воскресенье тихо скончалась. Перед ее погребением одна скотница в тонком сне видела отца Моисея в мантии, с посохом, идущего в церковь, куда вынесена была новопреставленная. Принявши благословение, скотница спросила: «Куда вы, батюшка, так спешите?» И услышала в ответ: «Иду Надежду проводить».

Когда отец Антоний тяжело заболел, он увидел во сне брата, который напомнил ему о своей тяжелой предсмертной болезни и настроил его с мужеством претерпеть страдания до конца, чтобы получить от Господа великую милость.

Отец Антоний пережил своего брата на три года. Когда он скончался, монахи решили его похоронить вместе с отцом Моисеем, чтобы и после смерти братья и соратники не разлучались. Когда вскрыли склеп, увидели, что гроб преподобного Моисея, несмотря на сырость, был как новый. Это разожгло любопытство монахов – они приоткрыли гроб и обнаружили нетленные мощи отца Моисея: его тело, лик и волосы были совершенно нетронуты временем. Это было чудо!

Но и самым настоящим чудом жизни и служения отца Моисея стала процветающая и прославившаяся Оптина пустынь – один из центров духовной жизни России.

Советы и наставления Моисея Оптинского

Если кому когда милование какое-нибудь сделаете – за то помилованы будете.

Если постраждете со страждующим (невелико, кажется, сие) – с мученики счисляетесь.

Если простите обидящего, за сие все грехи ваши простятся.

Если помолишься от сердца о спасении, хотя и мало, спасешься.

Если случится от забвения или от обычая в чем-либо погрешить, исповедовать то чистосердечно, как есть, без лукавства.

Если укоришь себя, обвинишь и осудишь себя пред Богом за грехи, совестью чувствуемые, и за то оправдана будешь.

Если исповедуешь грехи свои пред Богом, за сие вам прощение и мзда.

Если попечалуешь о грехах, или умилишься, или прослезишься, или воздохнешь, воздыхание твое не утаится от Него.

Поверяй самого себя каждодневно: что ты посеял на счет будущего века, пшеницу или терние? Испытавши себя, располагайся к исправлению лучшего на следующий день и таким образом всю жизнь проводи. Ежели плохо проведен был день настоящий, так что ты ни молитвы порядочно Богу не принес, ни сокрушился сердцем ни однажды, ни смирился в мысли <…> или милостыню никому не сделал, ни простил виноватого, ни стерпел оскорбления, напротив же того не воздержался от гнева, не воздержался в словах, пище, питие или в нечистых мыслях ум свой погружал, все сие рассмотрев по совести, осуди себя и положись на следующий день быть внимательнее во благое и осторожнее в злое.

Глава третья
Настоящий монах

Антоний Оптинский

Преподобный схиигумен Антоний, в миру Александр Иванович Путилов (9/22 марта 1795 – 7/20 августа 1865)

> О чем я помолюсь и что Бог мне откроет, только то я и знаю. А если Бог мне не откроет, то сам я ничего не знаю.
>
> *Антоний Оптинский*

«Не ленись!» – эхом донеслось откуда-то издалека.

Отец Антоний проснулся и не сразу понял, где он. Сев на узкой тахте, служившей ему постелью, где он задремал после утомительной утренней службы, отец Антоний оглядел келью растерянно мигающими глазами. «Вот это сон! – восхитился он, вспоминая. – Спасибо тебе, Господи, удостоил милости Своей Божественной…» Его захватило переживание чудного видения: неземной, льющийся ниоткуда свет, чарующая нежная музыка, завораживающая душу, череда светлых ликов святых отцов, смотрящих ясно и приветливо, и Иоанн Креститель, поднимающий десницу, чтобы благословить его, недостойного отца Антония. Низко склоняясь под благословение первосвятителя, отец Антоний услышал, как тот сказал: «Ведь ты был в раю, знаешь его, а теперь трудись, молись и не ленись!» И вдруг все пропало.

Отец Антоний крепко потер глаза пальцами и прислушался к себе. Тревога и сильное уныние, одолевавшие его последнее время, исчезли. Он снова был спокоен и умиротворен. Даже разлука с милой его сердцу Оптиной пустынью уже не казалась непосильным испытанием. «Трудись, молись и не ленись!» – сказал себе игумен Антоний вставая. Болезненно охнул, страдальчески посмотрел на перевязанные ноги – кое-где (а ведь только после утрени перевязал) уже расцвели на белом льне бинтов громадные кровавые маки, – перекрестился, шепча молитву, и отправился по делам. Игумена ждали заботы настоятеля

Малоярославецкого Николаевского монастыря. Игуменом этого монастыря сорокалетний отец Антоний был назначен после десятилетия тяжелых, но плодотворных трудов в Оптиной пустыни. Вместе с братом, игуменом Моисеем, они организовали в Оптиной скит для отшельнической жизни и духовного роста монахов. И отец Антоний нес на своих плечах нелегкое бремя руководства этим скитом – был скитоначальником. Сан игумена и должность настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря были повышением по службе и милостью вышестоящего церковного начальства, но только не для отца Антония.

С первых дней своего пребывания в монастыре, погруженный в нескончаемые хозяйственные и административные хлопоты, он с тоской вспоминал созданный трудами его уединенный, наполненный тишиной и покоем оптинский скит, брата, духовной поддержки которого ему так не хватало. Мучительно беспокоили больные ноги. По ночам, обессилив от суеты многолюдного монастыря, забот и боли, не в состоянии уснуть от усталости, он все чаще переносился мыслями в далекое прошлое, мысленно перелистывая страницы своей жизни.

От рождения до первого монашеского тезоименитства

Будущий скитоначальник и оптинский старец схиигумен Антоний родился 9 марта 1795 года в городе Романове-Борисоглебске Ярославской губернии.

Он был младшим сыном в семье Ивана Григорьевича и Анны Ивановны Путиловых и при крещении получил имя Александр. Благочестивые родители и младшенького своего не баловали, воспитывали в строгости и богобоязни. Когда Александру было десять лет, старшие братья – Тимофей и Иона – покинули мирскую жизнь и поступили в Саровскую пустынь. Неудивительно, что Александр под их влиянием с малых лет рос тихим и скромным, сторонился шумных детских игр. Домашнее воспитание и пример старших братьев рано пробудили в мальчике стремление к монашеству.

Немало способствовали этому стремлению и тяжелые испытания, выпавшие ему в детские и отроческие годы. В детстве он дважды был

на краю гибели. Однажды тонул, в другой раз упал с большой высоты, проломив голову. Но каждый раз чудом оставался в живых.

В 1809 году скончался отец Александра. Семья лишилась кормильца. Четырнадцатилетний Александр отправился в Москву работать. Он поступил на должность комиссионера к откупщику Картышеву и трудился у него до 1812 года, до нашествия французов. Не все жители древней столицы смогли покинуть город вовремя. Среди оставшихся был и Александр, оказавшийся, когда войска Наполеона заняли Москву, среди оккупантов. Отданная врагам Москва запылала пожарами, и обозленные французы, подозревая в поджогах каждого, хватали всех без разбора. Попал в плен и семнадцатилетний Александр.

Десять дней во власти неприятеля стали самыми страшными в его жизни. Даже десятилетия спустя, воспоминания об этих днях унижения заставляли его внутренне содрогаться. «Самая лютая мука на земле, – шептал он слова Иоанна Златоуста, – по сравнению с самой легкой адской мукой – детская игрушка». Только сравнение со страданиями ада помогало выразить тоску французского плена.

«Галантные» французы обирали пленных буквально до ниточки. Александр остался без теплой одежды и обуви. В мороз он оказался в рваном армяке с чужого плеча, нательном белье да лаптях. И все же чудом ему удалось бежать из плена.

Карательные меры французов – хватать всех без разбору – результата не имели: Москва продолжала гореть. На месте дома, в котором жил Александр, дымились головешки. Все, что он заработал, превратилось в черный пепел. Прячась в развалинах, избегая встреч с французами, юноша покинул Москву. Пешком в стужу он добрался до Ростова, в котором жили его родственники.

Жизнь стала понемногу налаживаться. В Ростове он поступил на службу, опять на должность комиссионера, стал неплохо зарабатывать. Но. Но мирская жизнь его все более тяготила. Душа тянулась к жизни духовной. Он избегал светских развлечений, все свободное время проводил в молитвах, посещал ближние храмы и монастыри. Особенно зачастил в Яковлевский монастырь, где хранились мощи святителя Дмитрия Ростовского.

К концу 1815 года Александр окончательно решил покинуть мир. В самом начале 1816 года он поехал в Москву, а оттуда в Калугу.

Отслужив благодарственный молебен Господу о своем благополучном избавлении от мирских уз, он отправился в тишину Рославльских лесов. Там уже несколько лет жил пустынником его брат Тимофей, отец Моисей. Там же 15 января 1816 года его облекли в послушническое платье, которое, по его собственным словам, было для него «драгоценнее царской порфиры». Здесь он приобрел навык подвижничества, послушаниа и смирения.

Осенью 1817 года он вместе с отцом Моисеем отправился на богомолье в Киев. По дороге они посетили Глинскую, Софрониеву и Площанскую пустыни, в которых вели обстоятельные беседы со многими старцами высокой духовной жизни. Многое открыл в этих беседах для себя молодой послушник, но ни к одной из этих обителей не склонился сердцем. Вернулся вместе с отцом Моисеем в Рославльские леса и прожил там еще четыре года.

Пустынножительство и послушание не праздное времяпрепровождение. Это непрестанные молитвы и тяжелый ежедневный, а иногда и еженощный труд. Послушник Александр безропотно переносил все трудности. Вместе с братом он вставал в полночь, и вдвоем они вычитывали всю церковную службу по богослужебным книгам, ничего не пропуская. Потом молодой послушник просыпался раньше всех, еще ночью (на него было возложено послушание будильщика), колол дрова и приносил их в кельи пустынников. На его попечении находился и огород. Помимо этого он занимался перепиской святоотеческих книг и помогал брату в составлении рукописных сборников с изложением правил христианской жизни. Все труды Александр выполнял ревностно и беспрекословно, с большим усердием, ограничивая себя в пище, употребляя скудную постную еду, едва только утолявшую голод.

Достойно проведя четыре года в трудах и молитвах, 2 февраля 1820 года, на праздник Сретения Господня, Александр был облечен в ангельский образ и наречен Антонием. Его духовным наставником стал брат, отец Моисей.

Всю жизнь до глубокой старости отец Антоний с умилением вспоминал, какую великую радость в его сердце вызвал первый день его монашеского тезоименитства. Он говорил: «Воистину, Пасху Господню в то время чувствовала в себе самой душа моя».

Много лет спустя старца Антония спросили: долго ли сохранял он после пострига в сердце своем то особенное состояние благодати, ощущаемое многими при принятии монашества? Отец Антоний посветлел лицом и со счастливой улыбкой ответил, что находился в таком настроении целый год.

Первый скитоначальник

Вскоре епископ Калужский Филарет (Амфитеатров), будущий митрополит Киевский, благословил отца Моисея и Антония еще с двумя монахами переселиться в Оптину пустынь и устроить там скит. 3 июня 1821 года Антоний вместе с братом навсегда покинул Рославльские леса. Со времени его послушничества прошло пять лет.

Надо сказать, что начало пустынножительства положил в Оптиной пустыни схимонах Иоанникий: в начале XIX века он жил в глубине монастырского леса на малой пасеке. Отшельники Моисей и Антоний переселились сюда спустя шесть лет после его смерти.

Отец Моисей стал настоятелем обители и с усердием принялся за устройство «святая святых» Оптиной пустыни – скита. Место для него было выбрано в трехстахпятидесяти метрах к востоку от монастыря, в густом лесу.

Братья плечом к плечу трудились на строительстве скита. Отец Антоний, следуя примеру брата и наставника, не чурался никакой работы – наравне с наемными рабочими рыл ямы, валил вековые сосны, выкорчевывал огромные пни, очищая место для будущего скита. Своими руками братья выстроили первую небольшую келью, скитскую церковь во имя Крестителя Иоанна Предтечи Господня. И только после этого приступили к строительству братских корпусов.

В 1823 году, 24 августа, отец Антоний был рукоположен в сан иеродиакона (монаха-дьякона). А в 1825 году тридцатилетний отец Антоний, несмотря на незначительный сан, стал первым начальником скита Оптиной пустыни. Это произошло после назначения его брата, отца Моисея, игуменом обители. Став скитоначальником, он оставался опорой игумена Моисея во всех делах обустройства монашеской жизни в Оптиной пустыни.

Через два года отец Антоний был рукоположен в сан иеромонаха. Четырнадцать лет он оставался начальником скита. Это было для него трудным испытанием: большинство монахов, из которых состояла скитская братия, были люди пожилые, уважаемые. Молодой скитоначальник в общении с ними держался так, что позже многие монахи признавали, что не знали смиреннее послушника, чем отец Антоний. Он очень уважительно относился к братии, себе же не давал ни малейшей поблажки. Обладая определенной властью, не делал никаких распоряжений без благословения своего брата, игумена Моисея. В сохранившихся помянниках отца Антония постоянно встречаются записи: «Помяни, Господи, господина моего, духовного отца и благодетеля, всечестнейшего игумена иеромонаха Моисея».

Братство было малочисленным, монахи пребывали в солидном возрасте, им не по силам было совершать все послушания. Начальнику скита, как простому послушнику, приходилось брать на себя многие заботы. Нередко он сам исполнял обязанности то повара, то садовника, то хлебопека. «Как самый бедный бобыль, – писал отец Антоний в 1832 году родственнику, – живу в келье один: сам и за водой, сам и за дровами. Чином священства почтенных теперь у нас в скиту собралось пять человек, но все они престарелы и многонемощны, почему и тяготу служения за всех несу один».

Жизнь в скиту была строгая, суровая, при трудах великих, изнурительных, пища самая скудная. На всю братию был всего один самовар, находившийся у скитоначальника. И лишь дважды в неделю братия собиралась к нему пить чай. Эти четырнадцать лет начальствования отца Антония были временем и внешнего обустройства скита, и укрепления его в духовном отношении.

Как и брат, отец Антоний не брал на себя прямой обязанности старчества. Игумен Моисей был загружен настоятельскими обязанностями, а у отца Антония к бесконечным трудам добавилась изнуряющая, тяжелая и продолжительная болезнь. Но они оба прекрасно понимали значение старчества.

Монастырская братия усердствовала во внешних проявлениях монашества: пении псалмов, молитвах с поклонами, бдении, соблюдении постов и многих других обрядов. Но, чтобы проникнуться внутренней стороной монашества, его духовной сутью, совершенствованием духа, требовалось наставничество, духовное

руководство. Без этого важнейшего условия иноческой жизни ни оптинский игумен, ни первый скитоначальник не мыслили существования обители, поэтому непрестанно звали в Оптину мудрых старцев.

Первым в 1829 году переселился в Оптину старец Лев, а через пять лет переехал сюда и духовник Площанской пустыни старец Макарий. Вместе с этими великими старцами отец Моисей и отец Антоний стали опорой, столпами Оптиной пустыни. Они сумели утвердить в ней древний старческий путь монашества, чем упрочили внутреннюю основу иноческого духа в скиту и монастыре. Однако этот путь не был легким, зачастую сопротивление и преграды встречались там, где их меньше всего ожидали.

Так, многие старые монахи, привыкшие к определенному укладу, не понимали, что значит борьба со страстями, очищение сердца и помыслов от дурных наклонностей. Многие считали введение старчества пустой затеей, даже ересью. И так думали не только рядовые монахи, но и новый епископ Калужский, причинивший много неприятностей оптинским старцам.

Многим не нравилось или было непонятно, зачем для иноков вводится необходимость чтения святоотеческих книг в свободное от послушания и богослужения время. Сильное сопротивление вызывало введение откровения помыслов – необходимость ежедневно исповедывать свои мысли и чувства (путь к достижению духовного совершенства). Многие не принимали главный постулат старцев – смирение как сущность христианской жизни.

Недаром народная мудрость предупреждает, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Искусственное культивирование в старой обители с давно сложившимися традициями нового пути монашества – рискованное предприятие, особенно если подавляющее большинство монахов люди преклонного возраста и уже в силу этого обстоятельства консерваторы, скептически относящиеся к любым переменам, даже сулящим райские блаженства. Выход у старцев и им сочувствующим был только один – личный пример.

Личный пример в земном раю

По единодушному мнению современников, во время пребывания отца Антония скитоначальником закладывался прочный фундамент духовности жизни в ските. Отец Антоний не только во всем содействовал старцам, но и сам подавал пример глубочайшего повиновения и преданности им. Он служил для братии примером трудолюбия и послушания, о его священнослужениях ходили легенды. Вот что вспоминал современник: «В церкви скитской мне случалось бывать преимущественно во время обедни. Здесь уже при самом вступлении, бывало, чувствуешь себя вне мира и превратности его. С каким умилительным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник скита отец Антоний, было тихое, стройное и вместе с тем величественное и правильное, подобно которому после того нигде уже и не слыхал, за всем тем, что мне очень часто приходилось слышать самых образованнейших певчих в столицах и известнейших певцов Европы. В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное, между тем как в мирском пении часто отражается мир и его страсти, а это уже так обыкновенно! Что ж сказать о тех вожделеннейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником скита отцом Антонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия. Подобного священнослужения после того я нигде не встречал, хотя был во многих обителях и церквах».

Неудивительно, что такое великое послушание и высокая духовность скитоначальника, более всего заботившегося о духовных добродетелях: смирении, безграничной любви к ближним, – оказывали самое благотворное влияние на монахов. При нем в скиту воцарился удивительный порядок во всем: богослужении, поведении братии…

Многие современники находили, что при игумене Моисее и скитоначальнике Антонии скит напоминал первозданный рай. Один из паломников, побывавший в Оптиной пустыни в юности, оставил следующую запись: «Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто привлекали мое детское сердце к духовному наслаждению, о котором и теперь

вспоминаю с благоговением, и считаю это время лучшим временем моей жизни. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их и вообще какое-то чувство присутствия благодати невольно заставляло забывать все, что вне обители этой».

Удовлетворение результатами своего труда было омрачено серьезным недугом. Тяжелый физический труд, постоянное предельное духовное и физическое напряжение повлекли за собой изнуряющую болезнь. Более полугода отец Антоний не мог выходить из кельи: его мучили боли в ногах, на которых открылись незаживающие кровоточащие язвы. Эта неизлечимая хроническая болезнь преследовала отца Антония до конца его дней, принося страдания и отнимая силы. Но отец Антоний продолжал удивлять окружающих, перенося все тяготы с удивительным благодушием, являя собой пример терпения.

Игуменство

И вот, когда можно было вздохнуть немного посвободнее и огромный вклад душевных и физических сил в устройство Оптинского скита стал приносить плоды, последовало назначение отца Антония настоятелем Малоярославецкого Николаевского монастыря с возведением в сан игумена. Это было суровым испытанием для ослабленного тяжелой болезнью отца Антония.

В первое время в периоды обострения недуга он из-за болей не мог выходить из кельи и отдавал распоряжения лежа, невыносимо страдая, что не может проверить, как исполняются его поручения и лично следить за тем, что происходит в обители. Тем не менее, преодолевая немощь, он занялся обустройством вверенного ему монастыря, заботясь о его внешнем и внутреннем устройстве по образу лучших русских обителей. Под его руководством было окончено начатое его предшественниками внешнее устроение монастыря и заложено прочное начало духовного возрождения обители.

Кроме рутинных забот монастырского настоятеля игумену Антонию достались хлопоты о внутренней отделке монастырского

Николаевского храма. Он справился и с этим. Освящение храма совершилось 26 августа 1843 года. Но сам игумен не мог участвовать в торжествах, болезнь не отпускала его.

Многократно пытался игумен Антоний сложить с себя тяжкое бремя настоятельства, просил отпустить его на покой. Но епископ Калужский Николай был неумолим. На четырнадцать лет, исполненных страданий физических и душевных, растянулась его «командировка». Много тяжелых испытаний предстояло ему вынести. В 1848 году Малоярославец черным крылом накрыла беспощадная холера. Настоятель монастыря не мог оставаться в стороне от обрушившейся на город страшной беды. По просьбам горожан, он сам во главе городского духовенства совершал неоднократно крестный ход вокруг всего города. При этом в разных местах приходилось служить множество молебнов и литий. Иногда крестный ход растягивался на семь-восемь часов.

Монастырские дела многохлопотны. Часто ему, преодолевая боли, приходилось выезжать в Москву, собирать пожертвования на окончание монастырских построек. В Москве он за труды свои был удостоен особого внимания со стороны митрополита Филарета. Митрополит приглашал игумена Антония на службу в Москву, удостаивал архипастырским благословением, оказывал знаки отеческой милости, утешал беседами. Видя страдания игумена Антония из-за постоянно ухудшающегося здоровье, митрополит лично ходатайствовал за малоярославецкого настоятеля перед епархиальным калужским архиереем, обратившись с просьбой об увольнении игумена Антония, поскольку послушание стало для него непосильным.

В 1853 году игумен Антоний был уволен от настоятельской должности и возвратился в Оптину пустынь, в любезный его сердцу скит.

На покое, который только снится

Игумен Антоний не вернулся к своим прежним обязанностям, не вмешивался во внутренние дела монастыря и скита и жил в Оптиной пустыни как обычный монах, удалившийся на покой. Он даже

уклонялся давать советы. Единственное, в чем никогда и никому из приходивших к нему со скорбями не отказывал, это в утешениях.

Невзирая на не прекращавшиеся боли в ногах, отец Антоний старался посещать все церковные службы. Он старательно скрывал свои страдания, всегда и со всеми был одинаково приветлив. Многие, видя его всегда доброе, живое и просветленное лицо, слыша неторопливую, всегда сердечную беседу, даже представить не могли, какие телесные мучения переживает отец Антоний. И только когда раны на ногах воспалялись и отец Антоний не мог выходить из кельи, он заменял церковную службу келейной молитвой.

Один из послушников Оптиной пустыни, у которого отец Антоний был духовником, оставил воспоминание: «8 ноября 1862 года, на память святого Архистратига Михаила, перед самою утренею слышал я во сне неизвестно чей голос, говоривший мне: „Твой отец Антоний человек святой жизни и великий старец Божий". Вслед за тем раздался звонок будильщика, и потому все слова таинственного голоса ясно напечатлелись в моей памяти. Размышляя о слышанном, пошел я к утрени.

Не доходя до корпуса, где жил Старец и мимо которого надобно мне было идти, вижу: над молитвенной его кельей, неизвестно откуда, явилось светлое белое огненное облако длиной около сажени, шириной аршина в два; тихо и медленно поднималось оно от самой крыши, шло кверху и скрылось в небесном пространстве. Явление это меня поразило, и потому, пришедши с утрени, я пожелал записать о сем себе для памяти. Объявить же о сем видении Старцу не осмелился, а счел оное за вразумление мне, недостойному, иметь веру, преданность и послушание к своему Старцу, и за явное свидетельство его чистой, пламенной и богоприятной молитвы».

Отец Антоний жаждал покоя, уединенной жизни в молитвенных трудах, чтении и богомыслии. Но он был слишком щедро одарен духовно, и эти его дарования влекли к нему множество посетителей, желавших его благословения и духовного назидания. У преподобного Антония было много духовных детей среди мирян. Многих он назидал письменно. После кончины удалось собрать и издать сборник его писем, в основном содержащих общие назидания.

«Письма эти, – считает его жизнеописатель, – отличались тем же естественным красноречием и сладкоречием, тою же

назидательностью и своеобразной выразительностью и силою. Слог его совершенно особенный, свойственный одному старцу Антонию. В них ясно отпечатлелись все высокие душевные свойства любвеобильного старца. Читая их, как будто слышишь самую его беседу».

Отец Моисей и отец Антоний положили начало не только старчеству в Оптиной пустыни, но и заложили начало знаменитой оптинской библиотеки, насчитывавшей к концу XIX века более тридцати тысяч томов. Это было уникальное собрание книг по богословию, аскетике, сельскому хозяйству, истории, географии. Библиотека имела отдел духовной и отчасти мирской периодики, богатейший отдел справочников и энциклопедий. В ней хранились древние и новые рукописи, в том числе рукописные книги, исполненные монахами на высочайшем уровне этого искусства.

Оптинские монахи много читали, о чем свидетельствуют тетради выдачи книг. Оптина пустынь и сама издавала книги. И во всем этом огромная заслуга и настоятеля Моисея, и отца Антония.

Братья не только способствовали книгопечатанию в обители, но и заботились о пополнении оптинской библиотеки. Они постоянно приобретали книги во время своих поездок в Калугу и Москву. Много редких книг привозили в дар отцу Антонию его духовные дети. Сам отец Антоний старательно прививал интерес к книгам монахам Оптиной пустыни, руководил их чтением, направлял их.

Редкие книги отец Антоний отдавал переписывать, или переписывал их сам, что с усердием делал еще в рославльских лесах. Прежде чем передать книгу в монастырскую библиотеку, отец Антоний отдавал ее переплетать монахам, искусным в этом деле. Со временем в Оптиной появилась превосходная переплетная мастерская. Еще при жизни отец Антоний передал в библиотеку около двух тысяч томов, не считая брошюр и духовных журналов, собранных комплектами за все годы их существования, и более шестидесяти любовно переплетенных рукописей. Особой его любовью пользовались акафисты, он собрал их около сорока, большинство в рукописном виде, и каждый прочитывал в свое время.

Книги он читал внимательно, прочитанное помнил почти дословно, всегда мог пересказать близко к тексту. Во всех его книгах

сохранились следы внимательного прочтения: карандашные отметки, записи на полях и форзацах, закладки.

Иногда отец Антоний получал от своих духовных детей деньги и писал им, что употребляет их «на покупку книг, которых у меня хотя и весьма много, так, что если и десять лет беспрерывно день и ночь читать, то всех не перечитать, но оными стараюсь пополнить здешнюю нашу монастырскую библиотеку – в душевную пользу для всей братии, и если кто, читая оные, вразумится на доброе и спасет свою душу, то за сие и моей убогой душе будет польза, то есть награда от Господа Бога, – если не обманываюсь я в этом!»

Со своими духовными детьми от часто обменивался книгами, советовал литературу для чтения. Вот несколько примеров его переписки.

«Пришло мне на мысль предложить вам: не угодно ли вам прочесть Четьи-Минеи, то есть Жития Святых, весь год? Я бы вам свои книги стал присылать для прочтения».

«Усердствую вам книжечку: „Акафист св. Ангелу, неусыпному хранителю вашей жизни", которую прошу принять и прочитывать хотя один раз в месяц, и с оною прилагаю вам еще несколько книжечек, а именно: „Слово о смерти" (святителя Игнатия), чтобы вам не бояться смерти, и еще „Уроки из жизни святителя и чудотворца Тихона Задонского", из коих хотя един во славу Божию утвердите себе, ибо есть русская поговорка: век живи, век и учись!»

Юноше четырнадцати-пятнадцати лет: «Прошу вас принять от меня, убогого, прилагаемую при сем книгу – житие святого Иоанна Златоустого, и прошу вас оную со вниманием прочитать. Вы в ней увидите, чем святый Иоанн Златоуст в юности своей занимался, какую имел любовь и почтительность к своим родителям, в особенности к своей матери, ничего не делая без совета и благословения их. Дай Бог и вам во всю жизнь свою хранить любовь и почтительность к ним, ничего не делая без совета и одобрения их!»

Взрослому человеку он пишет: «Вы спрашиваете меня, какие читать книги? Советую читать наиболее духовные и оными напитывать свою душу или нравственно-духовные: „Училище благочестия" и „Жития русских святых", новое сочинение Муравьева „Письма Святогорца" и еще – „Письма с Востока", сочинение Муравьева, и его же „Путешествие к русской святыне и во Иерусалим"

и проч. Еще прочтите жизнеописание графини Орловой-Чесменской Анны Алексеевны, сочинение Н. Елагина. Романов же, хотя они и приятны для чтения, читать вам не советую».

Отец Антоний спешит рассылать письма и книги, уверенный в том, что они смогут помочь, что в них есть нужда, что они сделают доброе дело. Шлет акафисты и жития подвижников святой горы Афон, шлет тома Четьих миней и выписки из творений Святых Отцов. Не устает дающая его рука. А в монастырской библиотеке монахи и послушники берут книги, находят в них заметки уважаемого ими старца, и эти книги делаются им еще дороже, интерес их возрастает.

Отец Антоний обладал даром прозорливости. Часто он сам чувствовал, когда требовалось утешить или наставить того или иного своего корреспондента. И писал утешения и наставления, не дожидаясь от них писем с просьбой сделать это.

Но не всегда старец открывал то, что ему было ведомо. Часто он тактично помогал людям осознать и преодолеть душевные немощи. Нередко бывало, что на исповедях кающиеся умалчивали о некоторых своих прегрешениях, по разным мотивам: стыд, гордыня. Отец Антоний всегда знал об этом, но не обличал неполноту покаяния. Он находил такие слова, что исповедующийся с сокрушением в сердце в будущем всегда стремился к совершенному очищению совести.

Никогда не гордился отец Антоний своим даром прозорливости, прекрасно понимая, кто им наделил его. Сила его молитвенного заступничества и прозорливость были широко известны. Духовные дарования привлекали к нему многих страждущих. Рассказывали, что одна женщина, когда старец обращал на нее свой взор, постоянно прятала глаза. Когда отец Антоний спросил ее, в чем дело, она ответила: «Я боюсь, когда вы на меня так проницательно смотрите. Вы видите все мои грехи». Старец горячо возразил: «Напрасно вы так думаете. О чем я помолюсь и что Бог мне откроет, только то я и знаю. А если Бог мне не откроет, то сам я ничего не знаю».

Иногда он мог помочь простым советом. Один из его посетителей вспоминал, как пришел к отцу Антонию в великом горе: его единственного сына, на которого родители возлагали все надежды, исключили из учебного заведения. «Молитесь ли вы о сыне?» – задал старец неожиданный вопрос. Посетитель растерялся и в большом смущении признался: «Иногда молюсь, а иногда не молюсь».

«Непременно молитесь о сыне, усердно молитесь о нем: велика сила родительской молитвы о детях», – убеждал старец.

После этих слов убитый горем отец, до того не слишком усердный в молитве, стал часто посещать храм и постоянно молиться о сыне. Через некоторое время обстоятельства чудесным образом переменились: мальчика восстановили в учебном заведении, и он благополучно окончил курс. С тех пор отец мальчика всегда с умилением вспоминал отца Антония и рассказывал, как простое слово мудрого старца доставило ему величайшую душевную пользу на всю оставшуюся жизнь.

Отец Антоний никогда никого не порицал, не осуждал, ко всем относился хорошо. Он смирялся перед всеми и кроткий характер сохранил до конца своих дней. Если же было необходимо кого-то в чем-то убедить, а убеждения не помогали, то и в таких случаях он умел сохранять спокойствие и находить мудрое решение. О том, каково было воздействие этих мудрых решений и как они давались старцу, свидетельствует случай с ленивым иноком, жившем в скиту.

Этот инок, дабы не слишком утруждать себя тяжелой монашеской жизнью, под предлогами постоянного нездоровья пропускал утрени. Как отец Антоний ни увещевал его, инок, знай себе, ссылался на слабое здоровье. Тогда отец Антоний, несмотря на то что из-за болезни ног сам в тот период не мог стоять на службе, отправился на утреню. После службы, едва держась на ногах, он пришел в келью к иноку. Тот спал, но при виде старца, испуганно вскочил с постели, а отец Антоний, как был в мантии, пал ему в ноги со слезами: «Брате мой, брате мой погибающий! Я за тебя, за душу твою обязан дать ответ пред Господом: ты не пошел на святое послушание – пошел я за тебя. Умилосердись, брате мой, и над собой, и надо мною, грешным!»

Пока он говорил, инок испуганно застыл: из-под мантии старца натекла на пол лужа крови, набравшаяся во время стояния в сапоги из его открытых ран. Так старец спасал душу «немощного» инока.

В старце Антонии многие иноки и миряне находили мудрого руководителя. Слова его были всегда просты, мягки, отличались меткостью, выразительностью и внутренней силою. Отец Антоний не только влиял на души к нему обращавшихся, вызывая в них покаяние, но в каждом конкретном случае умел мудро рассудить, как помочь

уврачевать именно эту душу. При этом ему всегда удавалось помочь собеседнику взглянуть на себя со стороны и помочь себе самому.

При всей мягкости обращения слово его имело великую силу. Иногда одной беседы было достаточно, чтобы человек почувствовал себя духовно перерожденным. Даже гордящиеся своими непреклонными характерами упрямцы не могли не признать, что под воздействием речей отца Антония от их упорства ничего не остается.

Мудрость отца Антония высоко ценили великие оптинские старцы Макарий и Лев. Старец Лев признавал: «Отец Моисей и отец Антоний – великие люди…» А старец Макарий называл отца Антония «и по сану, и по разуму старейшим и мудрейшим себя», их души были созвучны.

Известна всецелая преданность отца Антония своему брату и духовному отцу архимандриту Моисею. Уже убеленный сединами, он по-прежнему смирялся перед отцом Моисеем, как последний послушник, с искренней любовью, глубоким детским благоговением. Со своей стороны архимандрит Моисей искренне уважал брата, постоянно советовался с ним. В разговорах с другими часто повторял: «Он настоящий монах, а я не монах».

Отцу Антонию пришлось пережить кончину архимандрита Моисея. Эта смерть глубокой болью отозвалась в его сердце. Скорбь его была невыразима. Два месяца он провел в затворе в непрестанной молитве за усопшего.

Некоторым особо доверенным лицам отец Антоний открыл, что его духовное общение с братом не прерывалось и после кончины отца Моисея. Отец Антоний говорил, что постоянно ощущает возле себя его присутствие: души их таинственно беседуют между собой. Умерший брат духовно утешал и укреплял живого и объявлял ему свои решения в некоторых недоуменных случаях, касавшихся как его самого, так и других. Отец Антоний не мог говорить об усопшем брате без слез.

После смерти брата болезнь отца Антония усилилась. Измученный недугом и томимый печалью, старец стал все более уединяться и готовиться к переходу в мир иной. Его не покидала мысль о принятии великой схимы. Но по своему глубокому смирению он считал нужным испытать свою готовность к ее принятию. Только спустя почти три года самоиспытаний, в день своего семидесятилетия, 9 марта 1865 года, старец с благословения епархиального архиерея был

келейно пострижен настоятелем обители преподобным Исаакием в великую схиму. После этого он весь предался молитвенным подвигам, с мужеством и покорностью перенося тяжелые телесные страдания.

Духом старец давно уже отрешился от всего земного. Судя по всему, он знал о близости своей кончины. Так, некоторым посещавшим его в 1864 году, он прямо говорил, что те его более не увидят, другим сообщал, что они с ним увидятся еще однажды перед смертью. Все эти предсказания сбылись.

Несмотря на непереносимые боли в ногах, отец Антоний продолжал ходить в церковь, опираясь на палку, с трудом волоча ноги и тихо стеная от боли. 24 июня 1865 года, в скитский праздник Рождества Предтечи, он силой воли заставил себя присутствовать в храме на литургии. Это посещение созданного его трудами и милого сердцу скита стало последним.

7 июля предсмертная его болезнь открылась во всей силе. Благословляя всех образами, отец Антоний приговаривал: «Примите от умирающего на вечную память». Он до последней возможности принимал всех посетителей, а за некоторыми посылал сам. Спешил высказать каждому свое последнее слово. Сердца и души людские были для него открытой книгой, потому говорил он то, что было для каждого человека самым насущным. Его наставления были исполнены такой духовной силы, что проникали глубоко в сердце, оставаясь там навсегда.

Отец Антоний был особорован за семнадцать дней до кончины, когда телесные силы еще не оставили его. Ежедневно он приобщался Святых Христовых Тайн и пребывал в непрестанной молитве.

7 августа 1865 года стал последним днем жизни отца Антония. Во время всенощного бдения умирающий попросил, чтобы к нему пригласили настоятеля. Истинный послушник, он и в последний путь не хотел отправиться без настоятельского благословения. Исполняя волю умирающего, настоятель, отец Исаакий, благословил его и простился с ним уже навеки.

Старец Антоний был похоронен в склепе Казанского собора рядом с братом.

Советы и наставления Антония Оптинского

Истинно горе тому человеку, кто не имеет смирения. Кто не умеет сам смириться, того впоследствии будут смирять люди; а кого не смирят люди, того смирит Бог.

Душевное спокойствие приобретается от совершенной преданности воле Божией…

А когда б вы были здоровы всегда, всем довольны и покойны и веселы, то, кто знает, может быть, тогда и вы, якоже и прочии человеки, уклонились бы в рассеянную жизнь и жили бы по вкусу нынешнего века. Но Бог, предвидя все, предохраняет нас, как Отец милосердный, от всего бесполезного и Ему неугодного. А посему не смущайтесь вы и не испытывайте, почему случается не то, что хочется, а то, чего никогда не хотелось; ибо Бог лучше знает, что для нас полезнее, – здоровье или нездоровье. А наш долг с детской покорностью все принимать от Отца Небесного… и говорить: «Отче наш, да будет воля Твоя!»

Многие живописцы изображают на иконах Христа, но редкие улавливают сходство. Так, христиане суть одушевленные образа Христовы, и кто из них кроток есть, смирен сердцем и послушлив, тот более всех похож на Христа.

Ропота на Бога остерегаться нужно и бояться, как смерти, ибо Господь Бог по великому милосердию Своему все грехи наши долготерпеливо терпит, но ропота нашего не выносит милосердие Его.

Обетов и правил на себя не накладывайте никаких без одобрения отца духовного, с советом которого один поклон принесет вам более пользы, нежели тысяча поклонов своечинных.

Фарисей больше нашего и молился, и постился, но без смирения весь труд его был ничто, а посему ревнуйте наиболее мытареву смирению, которое обычно рождается от послушания и довлеет вам.

Во всяком горе: и в болезни, и в скудости, и в тесноте, и в недоумении, и во всех неприятностях – лучше меньше думать и разговаривать с собою, а чаще с молитвою, хотя краткой, обращаться ко Христу Богу и к Пречистой Его Матери, через что и дух горького уныния отбежит, и сердце исполнится упования на Бога и радости.

Кротость и смирение сердца – такие добродетели, без которых не только Царства Небесного не достигнуть, но ни счастливым быть

на земле, ни душевного спокойствия ощущать в себе невозможно.

Будем учиться мысленно себя за все укорять и осуждать, а не других, ибо чем смиреннее, тем прибыльнее; смиренных любит Бог и благодать Свою на них изливает.

Какое бы ни постигло тебя огорчение, какая бы ни случилась у тебя неприятность, ты скажи: «Стерплю это я для Иисуса Христа!» Только скажи это, и тебе будет легче. Ибо имя Иисуса Христа сильно. При нем все неприятности утихают, бесы исчезают. Утихает и твоя досада, успокоится и твое малодушие, когда ты будешь повторять сладчайшее имя Его. Господи, даждь ми зрети моя согрешения; Господи, даждь ми терпение, великодушие и кротость.

Глава четвертая
«Душу спасти – не лапоть сплести»

Лев Оптинский

Преподобный иеросхимонах Леонид (в схиме Лев), в миру Лев Данилович Наголкин (1768 – 11 (24) октября 1841)

…Настоятеля Оптиной пустыни игумена Моисея уже который год тревожили тяжелые думы. Дело всей его жизни – создание рядом с монастырскими стенами скита для монахов высокого духовного опыта – находилось под угрозой. А ведь еще в апреле 1829 года перспективы были более чем радужные. По его приглашению в родную обитель вернулся схимонах Лев с шестью учениками, чтобы заложить основы традиций оптинского старчества.

«Вот уж, действительно, неисповедимы пути…» – думал отец Моисей, размышляя о судьбе первого оптинского старца [1].

Начало духовного пути

Лев Данилович Наголкин родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии. В молодости служил приказчиком у богатого удачливого купца. По торговым делам объездил всю Россию, узнал людей всех сословий, приобрел богатый житейский опыт. По воспоминаниям современников, Лев Данилович обладал не только прекрасной памятью, любознательностью и сообразительностью, но и баснословной силой: мог поднимать мешки до двенадцати пудов. Сохранилось предание о том, как однажды на глухой лесной дороге на него напал волк. Наголкин ехал один, и голодный зверь, вскочив в сани, вырвал у него из ноги кусок мяса. Однако парень не растерялся: засунул волку в глотку кулак, другой рукой сдавил ему горло. Обессиленный зверь упал с воза, а будущий старец прихрамывал всю жизнь.

Почти в тридцать лет, в 1797 году, Лев Данилович поступил послушником в Оптину пустынь под начало игумена Авраамия. Через

два года он перешел в Белобережский (Орловской губернии) монастырь и в 1801 году принял постриг с именем Леонид. Настоятелем монастыря был игумен Василий, получивший опыт старчества на Афоне. Его личность и привлекла сюда Льва Даниловича, ныне отца Леонида. К концу года он был уже иеромонахом. В этот период его жизни произошла важная встреча, предопределившая его дальнейший путь. Он знакомится с учеником Паисия Величковского, старцем схимонахом Феодором.

В 1804 году отец Леонид стал настоятелем Белобережской пустыни, а через четыре года оставил обитель и в поисках уединения и духовной сосредоточенности удалился с учениками Величковского, отцами Феодором и Клеопой, в лесную келью в двух верстах от пустыни. Тогда же отец Леонид принял келейное пострижение в схиму с именем Лев.

Однако их безмолвие и уединение было недолгим. Молва о мудрых подвижниках привела к их келье множество народа, ищущего наставлений и советов. Тогда подвижники ушли и поселились в небольшом скиту Валаамского монастыря, где прожили шесть лет, превратив скит в центр духовной жизни Валаама. Их привечал местный юродивый, как никто другой, понимая, сколько пользы принесли старцы валаамским инокам, став их мудрыми духовными руководителями, подавая пример смирения. Но пустынножители продолжали мечтать об уединении. И когда в 1817 году скончался отец Клеопа, Лев и Феодор перешли из Валаама в Александро-Свирский монастырь. Здесь через пять лет отец Лев потерял своего наставника и стал задумываться об еще более уединенном месте жительства. В 1828 году вместе с учениками он перешел в Площанскую пустынь Орловской губернии, а на следующий год вернулся туда, откуда начинал свой духовный путь, – в Оптину пустынь.

Отец Моисей не ошибся. Духовная школа отца Льва просуществовала чуть меньше века, подготовив яркую плеяду оптинских старцев, преемственно сменявших друг друга. В 1834 году в оптинский скит перевелся иеромонах Макарий (с ним отец Лев познакомился в Площанской пустыни), чтобы стать незаменимым помощником старцу. В монашеской среде сложилась поговорка: «Хочешь опыта – иди в Оптину».

Высокая духовность старчества подразумевает прозорливость. Вникая во все происходящее в Оптиной обители, старец советовал, наставлял и благословлял, и очень скоро все важные дела пустыни не начинались без благословения отца Льва. Прослышав о мудрости отца Льва, стали приходить в скит и миряне со своими горестями, тревогами, душевной смутой и житейскими неурядицами.

Старец Лев видел людей насквозь, все их душевные тайны и пороки, но по-отечески любил. Он никому не отказывал в совете, но «мудрость свою он прикрывал крайней простотой слова и простотой обращения и часто растворял наставления свои шутливостью». Так он утешал крестьянина, у которого украли колеса с повозки: «Оставь, Семенушка, не гонись за своими колесами, – это Бог тебя наказал, ты и понеси Божие наказание и тогда малой скорбью избавишься от больших. А если не захочешь потерпеть этого малого искушения, то больше будешь наказан».

Дошедшие до наших дней свидетельства о прозорливости и пророчествах отца Льва касаются, прежде всего, дел сугубо личных и житейских. А что, собственно, запоминается лучше? Тем более что отцу Льву не были чужды эффектные артистические приемы, он знал, как произвести на человека впечатление. Сохранилась история про барина, живущего недалеко от Оптиной. Этот барин хвастался, что как только взглянет на отца Льва, так насквозь его и увидит. И вот как-то он приехал к старцу, наверное, исполнить давно обещанное. На беду в тот день у отца Льва было много народа. Однако этого барина старец в толпе углядел, а, углядев, приставил левую руку козырьком ко лбу, как бы загораживая глаза от солнца, и сказал:

– Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Льва, а сам, шельма, семнадцать лет не исповедовался и не причащался.

Сгорающему от стыда барину ничего не оставалось, как покаяться.

Рассказывали и про помещика, который впервые ехал в Оптину и по дороге, очарованный красотой этих мест, решил строить здесь дом и начал в голове прикидывать план. Прибыв в обитель и увидев отца Льва, помещик подумал: «Что же это такое говорят, будто бы он необыкновенный человек! Такой же как и прочие, ничего необыкновенного не видно!» И услышал от старца ответ на свои

мысли: «Тебе бы все дома строить! Здесь вот столько-то окон, тут столько-то, крыльцо такое-то.» Помещик только рот открыл.

Старчество зиждется на ответственности старца за всех, кто обращается к нему за помощью, но этого мало. Вторая составляющая – безграничное доверие старцу. «Если спрашивать меня – так и слушать, а если не слушать – так и не ходить ко мне», – сердито наставлял отец Лев тех, кто, получив совет, вступал с ним в пререкания. Практика показывала, что старец всегда оказывался прав. Был даже случай, когда он прогнал из кельи господина, который признался, что не бросил курить, несмотря на наставление старца.

Отец Лев был искусным психологом и хорошо понимал, каким способом лучше и быстрее достичь цели.

Пришли к старцу два купца за благословением: они удачно продали хлеб, выручили большую сумму денег и собирались ехать домой. Старец оттянул благословение на три дня, задержав купцов в Оптиной. Как ни торопились они домой, но ослушаться отца Льва не посмели. Поехали через три дня и, когда вернулись домой, через некоторое время неожиданно получили письмо. Писали им недавние знакомые, с которыми их свел случай в оптинской гостинице. Из письма изумленные купцы узнали, что, позарившись на купеческие деньги, новые знакомые намеревались по дороге их ограбить и убить. Но теперь они искренне раскаиваются в злых помыслах, благодарят Господа, что отвел беду, и просят у купцов прощения.

Бывало, что, приходящий к старцу, невольно или из-за стыда утаивал свои грехи, но отец Лев, выслушав исповедь, сам высказывал все утаенное, побуждая к чистосердечному раскаянию. «Душа человеческая в глубине своей таит много добра. Надобно его только отыскать» – это главное, что нес старец всем приходящим к нему. Вместе с тем, он понимал и внушал другим, что путь спасения души труден и тернист. Он даже сложил поговорку: «Душу спасти – не лапоть сплести». Были случаи, когда даже ему не удавалось спасти заблудшую душу.

Однажды он посетил Софрониеву пустынь, где жил в затворе иеросхимонах Феодосий, которого многие почитали мужем духовным и прозорливым, поскольку он предсказал войну 1812 года и некоторые другие события. Побеседовав с затворником, отец Лев неожиданно спросил:

– Как ты узнаешь и предсказываешь будущее?

Феодосий напустил на себя значительный вид:

– Сам Дух Святой возвещает мне будущее, являясь в виде голубя и говоря человеческим голосом.

Покачал старец головой и осторожно начал предупреждать затворника, что не следует доверять таким вещам. Тот и слушать не стал: сначала оскорбился, потом разгневался – пришел, дескать, учить меня, ученого!

Уезжая из обители, отец Лев предостерег настоятеля: «Берегите вашего затворника, как бы с ним беды не случилось». И как в воду глядел: очень скоро он узнал, что Феодосий удавился. Отверг предостережение старца и погиб ужасной смертью.

«Подвижник великого сердца»

«Шесть лет, – думал отец Моисей, – это разве срок? В нашем возрасте годы пролетают незаметно. Скольким старец успел помочь, успокоить, наставить на путь, подарить надежду, исцеление. А скольким еще не успел? Посмотреть – страшно становится: людское море каждый день колышется у его кельи, куда старца не переселяй».

Еще был свеж в памяти настоятеля Оптиной тяжелый разговор с калужским архиереем Николаем. Началось-то все давно и началось со своих, оптинских монахов, панически боявшихся ереси и готовых усмотреть ее во всем отличающемся от сложившегося уклада жизни. Один отец Вассиан, монастырский старожил, так и не признавший ни политики нового настоятеля Оптиной, ни старческого руководства, сколько крови попортил. «Прости, Господи, чад неразумных, ибо не ведают, что творят, – перекрестился игумен. – Ну и приходил бы на меня кричать, гнев с сердца изливать. Выговорился – и полегчало. Я ему – гостинец с благодарностью за науку. Писать начальству-то зачем? И что характерно – тайный донос. Считаешь себя правым – подпишись под письмом, чтобы можно было спросить с тебя за твои слова, в большинстве своем лживые. Все едино, – загрустил игумен, – скоро спросится с него, и Там лгать уже нельзя будет. Хоть и читаю я в сердце его все помыслы, но помочь отцу Вассиану не дано мне. Бежит он помощи. Господь с тобой, отец Вассиан».

К недовольному гулу монахов, писавших жалобы высшему начальству, обвиняя старца в ереси, присоединились приходские священники Козельска и окрестных деревень: дескать, отец Лев сманивает их прихожан. Из епархии приехали следователи и допрашивали весь монастырь. Но все показания были благоприятны для старца и руководства обители. Однако поток доносов не уменьшился, и монахи стали практиковать интриги. В частности, в тайных доносах свидетельствовалось, что игумен Моисей несправедливо оказывает скитским монахам предпочтение перед живущими в монастыре и что скит подрывает авторитет монастыря.

До поры до времени у отца Моисея хватало авторитета защитить доброе начинание и первого старца своей обители, отца Льва. Но теперь епископ получил анонимный донос не откуда-нибудь, а из московской Тайной полиции. В доносе категорически утверждалось, что деятельность скитских старцев при попустительстве игумена разрушает монастырскую жизнь и грозит окончательным разорением древней обители, если скит не будет уничтожен. И калужский архиерей был непреклонен: старца перевести из скита в монастырь, снять с него одежду схимника и запретить принимать народ.

«Пойду посмотрю, как он устроился на новом месте», – решил настоятель. У кельи в глубине монастырского сада, куда поселили отца Льва, вернее, после отмены его схимы отца Леонида, он увидел толпу народа. Отец Моисей, укоризненно качая головой, с трудом пробрался через людское море. Войдя в келью, он с упреком напомнил хозяину, что епископ запретил ему принимать страждущих под страхом заточения в Соловки.

Высокий, статный, величественный старец степенно благословил своего посетителя, поспешно вскочившего с колен при виде строгого игумена, и пошел за ним к выходу, жестом приглашая отца Моисея следовать за собой.

– Посмотрите сюда, – сказал он игумену, когда тот вышел на крыльцо и едва не споткнулся о неподвижно лежащего у самых дверей калеку. – Он живет в аду, но ему можно помочь. Могу ли я его не принять? Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите и на огонь меня поставьте, я буду все тот же Леонид. Я к себе никого не зову. А кто приходит ко мне, тех гнать от себя не могу». И тихо

добавил: «Кому, как ни Вам, знать, что я ничего более не желал бы, как возможности тихонько сидеть в своей келье».

С тяжелым сердцем шел игумен от старца. Душой он был на его стороне, понимал, что только величайшая жалость и любовь заставляла старца вечно быть на людях. Он не знал, как запретить страдающим искать утешения и облегчения своих страданий, как запретить верующим верить. А потому рассудил, что мешать старцу не вправе.

Переселенный из скита в монастырь старец предсказал: придет время, когда наш скит запустеет и в нем будут жить одни кошки. Что в этих словах: опасение, что традиции старчества не укоренятся на Оптинской земле, или предвидение на сто лет вперед?

Старца Льва никто никогда не видел возмущенным, раздраженным, гневным. Как бы тяжело ему ни было, всегда спокоен, умиротворен, добр, наполнен светлой любовью к людям. Это вызывало удивление даже у его учеников. «Батюшка, как вы приобрели такие духовные дарования, какие мы в вас видим?» – спрашивали они. И слышали смиренный ответ: «Живите проще, Бог и вас не оставит и явит свою милость».

Помимо прозорливости отец Лев обладал даром исцеления. Особенно успешна была его помощь тем, у кого телесные недуги тесно переплетались со страданиями душевными. Облегчение наступало мгновенно, стоило старцу помазать больного елеем от неугасимой лампады, теплившейся в его келье перед Владимирской иконой Божьей Матери. Эта икона следовала за ним из кельи в келью при всех его переселениях. Где икона, там он и дома. Иногда он отсылал больных людей в Воронеж к святым мощам святителя Митрофана. Однако обычно они в дороге исцелялись и возвращались в Оптину благодарить старца.

Особую славу целителя принесло отцу Льву излечение бесноватых. Кстати, известно множество случаев исцелений им людей, которые даже не догадывались, что одержимы бесом. Обычно это были те, которые для спасения своей души тайно носили тяжелые вериги или изобретали для себя другие суровые подвиги, но при этом совершенно не помышляли об очищении, избавлении от страстей. Отец Лев снимал со страдальцев вериги, накрывал голову епитрахилью, читал краткую заклинательную молитву и помазывал

елеем. Бес был посрамлен, а человек после беседы со старцем избавлялся от своих заблуждений и более плодотворно заботился о спасении души.

Но были и по-настоящему тяжелые случаи. Современники оставили воспоминания о бесноватой женщине, которую, когда привели ее к старцу в келью, с трудом удерживали шестеро крепких мужчин, – так она рвалась и металась. Увидев отца Льва, она тут же упала перед ним навзничь, а бес нечеловеческим голосом закричал в ней: «Вот этот-то седой меня выгонит. Был я в Киеве, был в Москве, Воронеже, никто меня не гнал, а теперь-то я выйду!»

После молитвы старца и помазания елеем женщина осторожно встала и медленно вышла из кельи. С тех пор она совершенно выздоровела и каждый год приходила в Оптину благодарить старца. Не прекратила она свои посещения и после кончины отца Льва, брала горсть земли с его могилы и помогала другим страдающим.

Старчество отца Льва (Леонида) продолжалось двенадцать лет, с 1829-го по 1841 год. В «Жизнеописании отца Леонида», составленном иеромонахом Климентом (Зедергольмом), говорится, что этот «подвижник великого сердца» оставил свое безмолвие, «движимый духовной любовью к страждущим и немощным братьям», а его жизнь в монастыре была «служением страждущему человечеству». Лучше, пожалуй, и не скажешь.

Настоятель отец Моисей, которому и самому приходилось несладко, был всегда на стороне отца Льва. Но защита старца от гонений, столь частых в последние годы его жизни, вряд ли была бы успешной, если бы не заступничество митрополитов – Филарета Киевского и Филарета Московского. Киевский митрополит заступился за старца в Синоде, а при посещении Оптиной пустыни в присутствии епархиального духовного начальства оказывал старцу Льву знаки особого уважения. Митрополит Филарет Московский лично написал калужскому епископу: «Ересь предполагать нет причины».

Приближение своей кончины старец Лев предчувствовал или, может быть, знал о сроке своего ухода. Во всяком случае, когда в июне 1841 года он посетил Тихонову пустынь, где по его благословению начали строить новую трапезную, сетовал: «Не увижу я, видно, вашу новую трапезу – едва ли до зимы доживу, здесь уже больше не буду».

В сентябре того же года он начал заметно слабеть, его мучила какая-то тяжелая болезнь, но он отказался от врачебной помощи, перестал есть и ежедневно причащался Святых Христовых Тайн. Посещавшим его в эти последние дни, спешившим получить его последнее благословение, казалось, что горячая душа старца, угасая, уже не может согреть его тело: руки и ноги были ледяными. Однако он обещал: «Если получу милость Божию, тело мое согреется и будет теплое».

Он скончался 11 октября 1841 года. Тело старца Льва было перенесено в соборный храм, куда на погребение стекались сотни людей со всей России. Все они были свидетелями, как за три дня, пока тело старца стояло в соборе, оно согрело всю одежду и даже нижнюю доску гроба. Руки были мягки, как у живого. При виде этого чуда, многие вспомнили прощальные слова учителя: «Если получу милость Божию…»

Старец Лев был погребен у восточной стены Введенского храма Оптиной пустыни.

Он почитается первым оптинским старцем, но, наверное, справедливее говорить о триаде первых старцев – игумене обители Моисее, скитоначальнике Антонии и отце Льве, – помогающих друг другу, поддерживающих в трудные времена, с глубокой верой созидающих крепкий фундамент оптинского старчества.

Советы и наставления Льва Оптинского

Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, поступки и обращение к тебе других, если же ты не видишь в них любви, то это потому, что ты сам в себе любви не имеешь.

Где смирение, там и простота, а сия Божия отрасль не испытывает судеб Божиих.

Бог не презирает молитвы, но желания их иногда не исполняет единственно для того, чтобы по Божественному Своему намерению устроить все лучше. Что бы было, если бы Бог – Всезнающий – совершенно исполнял наши желания? Я думаю, хотя не утверждаю, что все земнородные погибли бы.

Живущие без внимания к самим себе, никогда не удостоятся посещения благодати.

Когда не имеете спокойствия – знайте, что не имеете в себе смирения. Это Господь явил следующими словами, кои вместе с тем показывают, где искать спокойствия. Он сказал: Научитесь от Меня, яко кроток есть и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11:29).

Глава пятая
Первый оптинский книгопечатник

Макарий Оптинский

Преподобный иеросхимонах Макарий, в миру Михаил Николаевич Иванов (20 ноября/3 декабря 1788 – 7/20 сентября 1860)

Жизнь, проходимая с чистой совестью и со смирением, доставляет мир, спокойствие и истинное счастье.

Макарий Оптинский

Скромная келья с левой стороны от входа в оптинский скит, у самых скитских ворот. Коридор делит помещение на две половины: для старца и келейника. «Владения» старца – приемная и маленькая спальня, мебели в которой – узенькая койка и письменный стол с аккуратными стопками писем, приготовленными для ответа, духовными журналами и святоотеческими книгами. Да еще возле стола – кресло с подушкой. В восточном углу среди икон – особенно чтимый старцем образ Владимирской Божьей Матери с неугасимой лампадой. Стены увешаны видами монастырей и портретами подвижников. В этой келье старец Макарий прожил много лет.

Бухгалтер, помещик, монах – путь в Оптину

Михаил Николаевич – будущий великий старец Оптиной пустыни, иеросхимонах Макарий – родился 20 ноября 1788 года в глубоко религиозной многодетной семье Ивановых, орловских дворян. Семья жила в окрестностях Калуги, красивых живописных местах возле Лаврентьева монастыря. И детские годы Михаила прошли под звон монастырских колоколов, ежедневно созывавших иноков к молитве.

В пятилетнем возрасте Михаил остался без матери, рано умершей от чахотки. Она горячо любила маленького сына и предчувствовала,

что у него будет необычная судьба. Она так и говорила: «Чувствует мое сердце, что из этого ребенка выйдет что-то необыкновенное».

Школу мальчик окончил в городе Карачеве и уже в четырнадцать лет поступил на службу бухгалтером в финансовое ведомство. Даже в столь юном возрасте он отлично справлялся с непростыми обязанностями, обращая на себя благосклонное внимание начальства, и через три года, в семнадцать лет, получил должность начальника стола счетной экспедиции в городе Курске.

Несмотря на успехи по службе, подросток жил в своем обособленном мире. Любил книги, много читал, отыскивая ответы на вопросы ума и сердца. Разбирался в музыке, прекрасно играл на скрипке.

Служба и мирские хлопоты тяготили его. В восемнадцать лет он потерял отца, поделил наследство с братьями, и, к недоумению многих, вышел в отставку. Михаил Николаевич сразу же уехал из города и, поселившись в тиши собственной деревни, занялся хозяйством. В скором времени оказалось, что добросовестный государственный служащий к управлению хозяйством собственного поместья относится достаточно равнодушно. Не увлекает его этот процесс. Родня только руками разводила, взирая на методы управления новоявленного помещика.

Вспоминали, как на суд Михаилу Николаевичу привели пойманных с поличным мужиков, кравших много гречихи на его полях. Как поступил бы на его месте любой уважающий себя барин? Правильно, примерно наказал бы воров, чтобы другим неповадно было. Но Михаил Николаевич, к ужасу родственников, принялся терпеливо вразумлять падких на хозяйское добро мужиков, ссылаясь на Священное Писание. Пока родные Михаила Николаевича выразительно переглядывались и украдкой хихикали, многозначительно постукивая пальцем по лбу, мужики, выслушав искреннюю и горячую «проповедь» барина, в раскаянии пали на колени.

Еще одним разочарованием для родни стало упрямое нежелание Михаила жениться. В объяснение причин, по которым он не стремится связывать себя семейными узами, Михаил Николаевич не вдавался, и это, по всей видимости, давало его родственникам некую надежду, что он может переменить свое решение. Во всяком случае, девиц на

выданье со всей округи возили к нему на смотрины регулярно. Кто знает, может быть, какая-нибудь девушка, влюбившись в него, смогла бы преодолеть его стремление к одиночеству, но он никому не дал такой возможности. Михаил Николаевич был внешне некрасив, оспа щедро оставила на его лице свои следы, с детства – косноязычен, чего очень смущался. После череды безуспешных попыток его женить, родственники, наконец, махнули на него рукой и оставили в покое, чему Михаил Николаевич был бесконечно рад. Он окончательно уединился, занялся чтением духовных книг, часами играл на скрипке. Иногда трудился в столярной мастерской.

В 1810 году Михаил Николаевич отправился на богомолье в Богородицкую Площанскую пустынь, расположенную в Орловской епархии в сорока верстах от его имения. Тишина уединенного монастыря, монашеская жизнь произвели на двадцатидвухлетнего молодого человека настолько сильное впечатление, что он принял твердое решение остаться в монастыре. И остался. Написал братьям небольшое письмо о своем решении не возвращаться домой и покинуть мир, свое имение отписал в их пользу, поставив единственное условие: из вырученных от продажи имения денег тысяча рублей должна быть употреблена на строительство церкви в селе Турищеве, где похоронен отец.

Став послушником Площанской пустыни, молодой человек исполнял возложенные на него послушания письмоводителя обители, чтеца, ризничего, певца. Здесь он обучился церковному уставу и нотному пению. Постоянно звучавшие в монастыре рассказы о высокой духовной жизни подвижников с Афона и из Молдавии, которые, приняв учение преподобного Паисия Величковского, уединялись в Брянские скиты, глубоко запали ему в душу.

В 1815 году Михаил Николаевич был пострижен в монашество с именем Макарий. В том же году ему была уготована встреча с переселившимся в Площанскую пустынь одним из ближайших учеников Паисия Величковского, старцем Афанасием (Захаровым), который одним из первых начал распространять в России традиции старчества. Старец Афанасий стал духовным наставником Макария. Он привез с собой из Молдавии много рукописных святоотеческих книг. Часть аскетической литературы была переведена, и старец начал с того, что привил отцу Макарию любовь к их постоянному изучению

и переписыванию. Под руководством старца отец Макарий стал глубоким знатоком святоотеческой письменности, свободно читал по-гречески и по латыни. Старец Афанасий подводил своего ученика к великому труду и искусству – исследованиям и переводам святоотеческой литературы.

Шестнадцать лет провел в Площанской пустыни отец Макарий. В 1824 году он впервые побывал в Оптиной пустыни, еще не зная, что в памяти будущих поколений его имя будет неразрывно связано с этими местами.

В 1825 году умер старец Афанасий. Отца Макария, достигшего тридцативосьмилетнего возраста, назначили настоятелем обители и духовником ближайших монастырей.

Отец Макарий, искренний последователь старца, чувствовал себя духовно осиротевшим, тосковал без учителя и испытывал острую необходимость в наставнике. Словно в ответ на его молитвы, в Площанскую пустынь явился старец Лев с учениками. Он уступал старцу Афанасию в образованности, но был твердым последователем Паисия Величковского. Старец Лев считал отца Макария равноправным сотоварищем в монашеском служении, но, уступая смиренным просьбам отца Макария, все же согласился считать его своим учеником.

Их совместное служение в Площанской пустыни длилось недолго. По просьбе настоятеля Оптиной пустыни игумена Моисея отец Лев переселился в Оптину. Но между ними велась интенсивная переписка, да и духовная связь старца Льва и отца Макария не прерывалась. В 1834 году учитель и ученик воссоединились: отца Макария тоже пригласили в Оптину пустынь.

Дуэт

В 1836 году отец Макарий был назначен духовником монастырской братии, а через три года, после отъезда отца Антония в Малоярославецкую обитель, становится начальником скита. При этом он остается послушником старца Льва, которому полностью вверяет свою волю, не предпринимая что-либо без его благословения.

Современники восхищались: «Поучительны и назидательны были отношения между двумя старцами – отцом Львом и отцом Макарием. Умилительно было видеть единодушие и взаимную любовь двух старцев».

Игуменья Павлина, ученица обоих старцев, вторила: «Сидят они, как Ангелы Божии, рядом, а мы стоим перед ними на коленях и двум открываем свои души – как бы одному. Поистине в них были сердце и душа едины».

Оба великих оптинских старца, Макарий и Лев (Леонид), являли собой образец кротости и смирения. Отец Иларион вспоминал: «Бывало, пожалуюсь ему (отцу Леониду) на батюшку отца Макария, и отец Леонид при мне же сделает ему выговор для того, конечно, чтобы кротость и смирение батюшки Макария послужили мне примером, когда я выросту из духовного малолетства. А я, по малой моей тогда духовной опытности, еще не мог понять смысла сего и доволен был, что отец Леонид батюшку отца Макария обвинил, а меня оправдал».

Семь лет преподобные старцы Лев и Макарий руководили духовной жизнью оптинской братии и тысяч прихожан и паломников. Вместе они взрастили великого духовного старца Амвросия.

У отца Льва учился отец Макарий любовному отношению ко всяким убогим и страждущим физически и духовно, учился в меру сил своих целить их недуги, не гнушаться ничем, кроме греха.

Известен случай, когда к старцу Макарию привели бесноватого, который ранее ничего о старце не знал и никогда его не видел. Увидев приближающегося старца, бесноватый бросился к нему с криком: «Макарий идет! Макарий идет!» – и ударил его по щеке. Старец тут же подставил ему другую щеку. Больной так и рухнул без чувств на пол. Очнулся он исцеленным – бес покинул тело его, не смог пересилить великого смирения старца.

Старец Макарий оставался возле отца Льва до самой смерти своего наставника, подавая монахам пример удивительного смирения перед духовным авторитетом старца. Старец Лев умер в 1841 году, кончина его глубоко потрясла душу преданного ему ученика. После смерти старца Льва вся тяжесть духовного руководства, старческого служения и многочисленные заботы о благоустройстве скита легли на плечи старца Макария.

Враг праздности

Из года в год день старца шел по однажды заведенному распорядку. Вставал отец Макарий в два часа ночи или утра – каждый считает по-своему – при ударе скитского монастырского колокола, часто сам будил своих келейников и прочитывал утренние молитвы. В шесть утра выпивал одну-две чашки чая и шел принимать посетительниц: женщин отец Макарий принимал за воротами скита в особой келье. С девяти утра первые посетители приходили в его келью. Чаще всего это были люди простого звания: крестьяне, мещане, мастеровые. Они терпеливо ждали выхода старца в приемную. Каждому он давал советы и наставления, всегда различая характеры, уровень духовного состояния страждущих.

Врачуя души, он исцелял и тела, используя для этих целей масло из своей неугасимой лампады. Засвидетельствовано немало случаев исцеления больных. Особенно удавалось ему лечение бесноватых.

В одиннадцать часов звонили к трапезе, и старец отправлялся подкрепиться, а затем час отдыхал. Во время этого единственного за весь день отдыха он обычно гулял по дорожкам скита, превращенного трудами монахов в чудесный сад, поражавший красотой всех, кто бывал в Оптиной пустыни. Строгость жизни подвижника не заслонила от него красоты окружающего мира. Он со слезами на глазах любовался цветами в скитском саду, у окна его кельи была устроена специальная кормушка для благодарно щебечущих лесных птиц. Отец Макарий очень любил лес, о чем даже писал одному из адресатов: «Человек получает в лесу себе успокоение и душевную пользу. Один вид вечнозеленых хвойных деревьев нашей Родины веселит зрение, служа символом надежды на жизнь вечносущую…»

В два часа дня старец имел обыкновение ходить в монастырские гостиницы, там его дожидались посетители из высших слоев общества – помещики, военные и государственные чиновники, литераторы, ученые, купцы, богословы. И среди этих людей старец пользовался особым авторитетом: не случайно именно к нему приезжали Николай Васильевич Гоголь, Алексей Константинович Толстой и многие другие известные современники. Духовными детьми отца Макария были и супруги Киреевские. Во многом благодаря старцу Макарию пробудился интерес к Оптиной пустыни в среде русской

интеллигенции. Позже в мучительных поисках ответов на вечные вопросы сюда придут Константин Леонтьев, Федор Михайлович Достоевский, граф Лев Николаевич Толстой.

Ежедневно старца Макария ожидали десятки, а в иные дни и сотни людей. И старец, от природы слабый здоровьем, всегда выходил к этим людям – с четками в одной руке и опираясь на костыль другой. Он с любовью слушал о духовных и житейских нуждах каждого, кого вразумлял, кого наставлял, а кому и помогал выбраться из глубин отчаяния. В скит старец возвращался измученный, с трудом переводя дыхание, иногда не в состоянии выговорить хотя бы слово от усталости. Но приходило время молитвы, и до самой вечерней трапезы, а иногда и во время нее старец принимал членов монастырской и скитской братии, не успевших днем побывать у него на исповеди. Если же кто-то из монахов долго не появлялся, старец сам шел к тому в келью. Появление его всегда оказывалось вовремя, в те самые моменты, когда требовалось его наставление, способное уберечь от отчаяния, уныния или других искушений.

Чего не терпел старец Макарий, так это праздности. Чтобы занять монахов полезным делом, он завел в скиту токарное дело, переплетное и другие. Старец давал послушание: чтение святоотеческих книг, лично подбирая книги для каждого, сообразуясь с духовной зрелостью и потребностью.

За этими трудами наступала ночь, измученный старец возвращался в свою келью: тело болело от изнеможения, а сердце от переполнявших его людских страданий. Но до отдыха было еще далеко – на столе лежали письма. Он садился за стол и писал. После смерти старца его учениками было собрано и опубликовано пять томов писем.

Старец Макарий был наделен многими духовными дарами, но по смирению и скромности скрывал их. Близкие к нему люди не сомневались в его прозорливости, неоднократно убеждаясь в этом. Часто, впервые видя человека, старец называл его по имени прежде, чем тот сам успевал представиться. Нередко старец отвечал на письма до их получения.

Из смирения старец обычно не предсказывал прямо, а говорил обращавшимся к нему так: «Делай, как знаешь, но смотри, чтобы не случилось с тобой то-то и то-то…» Если обратившийся за советом

поступал все же по-своему, то на своем печальном опыте убеждался, что предостерегал мудрый старец не напрасно. Многие тайны были ему открыты.

В 1848 году во Франции произошла буржуазная революция, идеи которой во многом подготовили питательную почву для грядущих русских революций. Французская революция сопровождалась многими стихийными бедствиями. Не обошли они стороной и Россию. Это нашло отражение в летописи монастырской жизни Оптинской пустыни: «С наступлением 1848 года настали бедствия в Европе почти повсеместно. Во Франции 24 февраля – революция, ниспровержение законной власти, республика. От Франции разлился сей адский поток в смежные земли, кроме России. Везде мятежи, нестроения. В России холера, засуха, пожары, 26 мая в 12-м часу дня загорелся губернский город Орел, сгорело 2800 домов; на воде барки сделались добычей пламени. В Ельце сгорело 1300 домов».

«Июнь, 24-е число. Праздник в скиту дня Рождества св. Иоанна Предтечи. Пополудни в три часа зашла страшная туча с молнией и громовыми ударами с юго-запада при 20 градусах тепла. Она разразилась страшной бурей с проливным дождем и градом. От этой бури во многих местах Козельского уезда произошли разрушения, в особенности же в Оптиной пустыни. На церквах Казанской и Больничной разломало на части железную крышу, сорвало кресты. поломало множество плодовых деревьев. В скиту упавшей сосной повредило башню. А в монастырском лесу поломано и вырвано с корнем до двух тысяч самых толстых сосен. Страшная буря! Никто не помнил такой…»

Старец Макарий, несмотря на слабое здоровье, вместе с братией расчищал монастырский лес, убирал поваленные бурей деревья. Когда бурелом расчистили, старец взял на себя руководство посадкой новых деревьев. Посадки были непростые. Они имели клиновидную форму и служили зашифрованным письмом в будущее. Выросшие на этом месте деревья долго хранили великую и заповедную тайну отца Макария. Предназначалось это послание последнему старцу Оптиной пустыни. Так, из уст в уста передавали в Оптиной наказ старца Макария. Во исполнение завета на этом участке не только деревья, но даже кусты было запрещено вырубать. Но напрасно почти столетие бережно хранили оптинские монахи послание, тайна старца Макария

осталась неразгаданной, письмо в будущее непрочитанным. В начале 20-х годов XX века после революции и закрытия монастыря заповедные посадки безжалостно вырубили, а последний оптинский старец Нектарий скончался вдали от обители, в ссылке.

Старец Макарий предвидел тяжкие испытания для России. О разрушительной буре он писал: «Это страшное знамение Божьего гнева на отступнический мир. В Европе бушуют политические страсти, а у нас – стихии. Началось в Европе, кончится нами… <…> Благодетельная Европа научила нас внешним художествам, а внутреннюю доброту отнимает и колеблет православную веру; деньги к себе притягивает».

Отец Макарий открыл матери Павлине, которая умерла в 1875 году, что дети и внуки ее до антихриста не доживут, а вот правнуки «узрят страшное».

В письмах старца Макария слышится тревога о наступающем воинственном нигилизме, о будущем России: «Нынче темная сила крепко вооружается противу света Истины, и разум силится взять верх над верою и противляется Церкви. Жаль бедную, любезную нашу матушку Россию, если, по слову Вашему, жатва эта скоро созреет под серп! Если же это неминуемо должно быть, то верующим надобно молиться милосердному Господу…»

«.Источники истинного просвещения в Православной Церкви в учении святых Отцов; а не в западной философии, под влиянием которой, как поганки, на русской почве появились безбожные социалисты, губящие все чистое, светлое, доброе. Они в безумной дерзости и беспримерной злобе задались ныне целью истребить и вещественные храмы, и невещественные храмы – души христиан. С дьявольской яростью торопятся разрушить все, что напоминает о Боге. Так, как нам представляется, свирепствует красный „зверь" пред своею гибелью, а она неминуема. Бог поругаем не бывает. Сметет их силою державной десницы Своей. Нет покаяния – не будет и пощады».

Тревожны мысли его о судьбах России: «Сердце обливается кровью при рассуждении о нашем любезном отечестве, России нашей матушке: куда она мчится, чего ищет? Чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое: оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения Святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным, мутным, зараженным духом; и долго

ли это продолжится? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто по неизреченной Его премудрости. А кажется, настает время по предречению отеческому: „Спасающийся да спасет свою душу"».

Эти трагические слова и мысли старца Макария удивительным образом перекликаются со словами Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа».

Совпадение это далеко не случайно, как не случайно и то, что Николай Васильевич Гоголь не единожды посещал Оптину пустынь в поисках ответов на многие мучавшие его вопросы, в поисках духовного совершенства и с отцом Макарием имел беседы. Но о Гоголе и Оптиной пустыни позже. Тесная связь русской культуры и оптинского старчества возникла во многом благодаря Киреевским, особенно Ивану Васильевичу Киреевскому, и его жене Наталье Петровне Киреевской, урожденной Арбениной.

С их помощью и при горячем участии игумена Моисея отцу Макарию удалось положить в Оптиной пустыни начало великому делу – книгопечатанию, наладить выпуск книг духовного содержания.

Книгопечатание, семья Киреевских и «оптинский дух»

Во многом успехи книгоиздательского дела были связаны с четой Киреевских. Иван Васильевич Киреевский стал в этом деле ближайшим сотрудником отца Макария: помогал в переводах с греческого, пояснял философские термины. Наталья Петровна, его супруга, держала корректуру. И они же были самые крупные жертвователи на дела книгоиздания.

Наталья Петровна сыграла огромную роль в духовном формировании мужа. Она впервые открыла ему мир восточно-христианской мысли, через нее он познакомился со старцем Новоспасского монастыря в Москве Филаретом (Пуляшкиным), последователем заветов Паисия Величковского и духовником Натальи Петровны. Он же стал духовным отцом Ивана Васильевича Киреевского. Во время предсмертной болезни старца Филарета Иван Васильевич ночами просиживал в келье больного. После кончины

старца Филарета Иван Васильевич и Наталья Петровна Киреевские перешли под духовное руководство старца Макария.

Иван Васильевич Киреевский – видный русский философ и литератор, один из основоположников и идейных вождей (вместе с Алексеем Степановичем Хомяковым) славянофильства. Отношение к этому философскому течению в русской литературе и периодике противоречивое. До сих пор ломаются копья и не утихают споры о славянофильстве. Оценивая критически это философское и литературное течение, нужно всегда помнить, в какое время оно зародилось. Общество во многом было расколото, интеллигенция раздроблена на кружки, направления, течения, тенденции. Но даже причисляемый к «западникам» Александр Иванович Герцен признавал, что со славянофильства «начинается перелом русской мысли».

Вся напряженная работа философской мысли Ивана Васильевича Киреевского была сосредоточена на поиске выхода из духовного кризиса, в котором пребывала на тот момент значительная часть русской интеллигенции. Киреевский, а вместе с ним и другие славянофилы, считал, что истина доступна только «верующему мышлению», которое, по его мнению, «заключается в стремлении собрать все силы души в одну силу;…отыскать то внутреннее средоточие бытия, где разум и воля, и чувство, и совесть, прекрасное и истинное, удивительное и желаемое, справедливое и милосердное, и весь объем ума сливаются в одно живое единство и таким образом восстанавливается существенная личность человека в ее первозданной неделимости».

Образцом такого целостного, «верующего мышления» стала для Ивана Васильевича, а с его легкой руки и для всего кружка славянофилов, восточная патристика – богословская наука, занимающаяся изучением творений Святых Отцов церкви и систематическим изложением содержащегося в них учения. Живое же воплощение «духовной цельности жизни» он нашел в Оптиной пустыни, в ее старцах, чьи «истины. были добыты ими из внутреннего непосредственного опыта и передаются нам как известия очевидца о стране, в которой он был».

Духовный опыт святых старцев Иван Васильевич Киреевский ставил значительно выше книжной премудрости. Он писал своему другу Александру Ивановичу Кошелеву: «Существеннее всяких книг,

найти святого православного старца, которому ты бы мог сообщить каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых Отцов. Такие старцы, благодаря Богу, еще есть в России, и если ты будешь искать искренне, то найдешь».

Для Ивана Васильевича Киреевского встречу с отцом Макарием переоценить невозможно. Именно через него Киреевский познал «оптинский дух», для него по-новому открылись старинные писания, совокупность древних текстов предстала не как застывшая книжная догма, но как явление живой духовной преемственности и современной истории, уходящей корнями в апостольские времена.

Киреевские жили в имении Долбино, всего в сорока верстах от Оптиной пустыни, что давало возможность часто посещать старца. Бывал у них в гостях и сам отец Макарий. В 1845 году старец Макарий дал в редактируемый Иваном Васильевичем журнал «Москвитянин» статью о жизни Паисия Величковского. Ее поместили в декабрьский номер.

В следующем году, в один из приездов старца в Долбино, Киреевский и отец Макарий пришли к совместному решению о настоятельной необходимости ввести в обиход духовную традицию, к которой оба принадлежали. Так, появилась на свет идея оптинского книгоиздательства. Идея, имевшая серьезнейшие последствия, поскольку книгоиздание это дало огромный общественный резонанс и обратило на себя внимание не только лиц духовных, но и всей образованной России.

Как ни покажется странным современному читателю, но в те годы в России остро не хватало духовной литературы. Издавать ее, в соответствии с «Духовным регламентом» Петра I и указами 1787-го и 1808 годов, дозволялось исключительно с одобрения Святейшего Синода и только в духовных типографиях. В результате этих жестких ограничений святоотеческая литература практически перестала выходить. В то же время светская печать пустила в оборот огромное количество переводных произведений лжемистического характера. Эти издания не были подвластны синодальной цензуре, печатались с дозволения цензуры гражданской и были прямо враждебны православию.

Самым высоким покровителем книгоиздания в Оптиной пустыни был митрополит Московский Филарет. Он не только дал

благословение, но и лично участвовал в проверке переводов, определении последовательности издания, привлечении необходимых людей. Искренне радовался митрополит успехам книгопечатания. «У старцев как все поспевает, удивительно! Очень им благодарен…» – передавал он отцу Макарию через Наталью Петровну Киреевскую.

Как известно, «дорогу осилит идущий», и в 1847 году вышла первая книга Оптиной пустыни «Житие и писания Молдавского старца Паисия Величковского».

Издание духовной литературы стало любимым детищем старца Макария и супругов Киреевских. От подготовки к печати готовых переводов Паисия Величковского постепенно перешли к самостоятельным переводам с греческого.

Первые книги были изданы на средства супругов Киреевских. Они даже построили в Долбине маленький домик-келью для старца Макария, где тот мог бы спокойно работать над рукописями. Но это вызвало жалобы недоброжелателей и неудовольствие церковных властей.

Налаживая в Оптиной пустыни выпуск книг духовного содержания, старцу Макарию удалось привлечь к этим трудам многих русских интеллектуалов, среди которых были Степан Петрович Шевырев, Михаил Петрович Погодин, Михаил Александрович Максимович, братья Иван Васильевич и Петр Васильевич Киреевские. Этих видных деятелей русской культуры с отцом Макарием и другими старцами Оптиной пустыни связывали не только переложение на русский язык трудов отца Паисия и великих аскетов древности: Исаака Сирина, Макария Великого, Иоанна Лествичника. Многие из них вверили себя духовному руководству старцев.

Отец Макарий деятельно участвовал в издательстве. Подготавливал к печатанию славянские тексты, переводил их на русский язык, снабжал малопонятные места своими примечаниями. Были опубликованы жития и творения Паисия Величковского, Варсонофия Великого, Иоанна, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита, Максима Исповедника и других. Всего в XIX веке издательством Оптиной пустыни было выпущено сто двадцать пять наименований духовной литературы общим тиражом двести двадцать пять тысяч экземпляров. Впечатляющие для того времени показатели!

Действительно, успехи книгоиздания были очевидны. «Бог посылал средства на благое дело через добрых людей, и одна за другой было издано большое количество книг», – радовался старец Макарий. Было чему радоваться: он и настоятель отец Моисей бесплатно рассылали книги во все библиотеки – академические, семинарские и прочие. Книги, изданные в Оптиной, получали почти все архиереи, ректоры, инспекторы академий и семинарий. Они отправлялись даже в монастыри на святой горе Афон.

Постепенно формировался круг переводчиков и комментаторов. В самой Оптиной пустыни ближайшими помощниками в этом деле стали старец Амвросий (Гренков), будущий преемник старца, образованнейший Леонид (Кавелин), впоследствии автор многих трудов по церковной истории, археологии, археографии, Ювеналий (Половцев), будущий архиепископ Литовский, Климент (Зедергольм), бывший магистр классической филологии Московского университета.

Младший брат Ивана Васильевича Киреевского, Петр Васильевич, в книгоиздании участвовал мало, но был тесно связан с Оптиной пустынью. Историк по образованию, он выбрал для себя другой путь. Делом его жизни стало собирание фольклора, народных песен. Двадцать пять лет жизни он посвятил этому: искал, выспрашивал, записывал, сравнивал варианты.

Каждый год летом он обязательно посещал Долбино. Жил там, бывал в Оптиной пустыни, ходил по окрестным селам, отыскивая песни. Целыми днями в страннолриимном доме Оптиной пустыни он слушал странников и богомольцев, пришедших из архангельских и вологодских лесов, с Украины, Иртыша, казачьего Дона, со всей необъятной России.

О собирательстве Петра Васильевича стало известно практически по всей России. Многочисленные добровольцы, записывавшие песни в своих губерниях, высылали записи Киреевскому. В числе этих добровольных помощников были Гоголь, Даль, Кольцов. Пушкин прислал тетрадь песен, записанных им в Псковской губернии.

В Оптиной пустыни при монастырской библиотеке для собрания народных песен был выделен специальный фонд Петра Васильевича Киреевского. Старец Макарий всегда живо интересовался делом Киреевского, поддерживал его. Правда, старец постоянно направлял

его на собирание духовных песнопений, но Петр Васильевич собирал все подряд.

В библиотеке Оптиной пустыни Киреевскому оказывали неоценимую помощь в кропотливом деле обработки и классификации собранных песен: место рождения песни, место записи, какова она по жанру: свадебная, обрядовая, солдатская, любовная – и по характеру исполнения: сольная, хороводная. Петр Васильевич был хорошим музыкантом, владел нотной грамотой, записывал не только слова, но и мелодии песен. К сожалению, в оптинской библиотеке нельзя было играть на пианино, проверяя записанные ноты, пришлось снять у купца Демидова в Козельске в спокойном, нешумном месте флигель. Петр Васильевич Киреевский собрал более семи тысяч песен. Труд, памяти и уважения потомков достойный.

Книгоиздание в Оптиной пустыни не только привлекло к переводам духовной литературы ряд русских литераторов и ученых, но и укрепило связь между старчеством и русской интеллигенцией. Из писем Ивана Васильевича Киреевского видно, с каким уважением, какой почтительной любовью и в то же время какой внутренней свободой относился он к своему старцу. Иван Васильевич отсылал отцу Макарию на просмотр все свои работы, статьи Алексея Степановича Хомякова, просил его советов и указаний. Благодаря влиянию старца Макария, на учении ранних славянофилов лежит отсвет «оптинского христианства».

После смерти Ивана Васильевича Киреевского (в 1856 году) Алексей Степанович Хомяков писал: «С Киреевским для нас всех как будто порвалась струна с какими-то особенно мягкими звуками, и эта струна была в то же время мыслию». Иван Васильевич Киреевский был похоронен в Оптиной пустыни, возле Введенского собора. Через два года там же был похоронен его брат, а еще через два – старец Макарий. Могилы учителя и ученика оказались рядом.

Иван Васильевич Киреевский открыл для русской интеллигенции Оптину пустынь. Именно он проложил, указал сюда путь приезжавшим к отцу Макарию на исповедь и благословение графу Алексею Константиновичу Толстому, Алексею Степановичу Хомякову и многим другим видным русским деятелям культуры. Огромную роль сыграла Оптина пустынь в судьбе и исканиях Николая Васильевича Гоголя.

Духовные искания Гоголя и Оптина пустынь

Николай Васильевич Гоголь, человек мнительный, боялся холодов, потому на зиму отправлялся в Рим. В 1850 году он решает провести зиму в Одессе. Как ни странно, «на зимовку» Гоголь отправился из Москвы. 13 июня. Возможно, он просто нашел повод отправиться в путешествие. Николай Васильевич любил путешествовать, находиться в дороге. В пути он набирался впечатлений, отдыхал душой.

Вообще Гоголь, по сути, вел бездомную жизнь скитальца. У него не было своего дома, он жил у друзей – сегодня у одного, завтра у другого. Даже собственную долю имения он отказал в пользу матери, оставшись нищим. При этом из своих не очень больших гонораров он оказывал помощь бедным студентам.

После смерти писателя в описи его личного имущества значились книги, немного старых вещей, несколько десятков рублей серебром. В то же время учрежденный им фонд «на вспоможение бедным людям, занимающимся наукой и искусством» составлял более двух с половиной тысяч рублей.

Но это еще будет не скоро. А пока, 13 июня 1850 года, Гоголь в сопровождении друга, Михаила Александровича Максимовича, отправляется в путешествие. Ехали не спеша, на долгих. В первый день путешественники остановились на ночлег в Подольске, встретились с поэтом-славянофилом Алексеем Степановичем Хомяковым и его супругой. С ними и провели вечер в дружеской беседе.

15 июня ночевали в Малоярославце, утром отстояли молебен в Малоярославецком Николаевском монастыре, настоятелем которого был в то время игумен Антоний, брат настоятеля Оптиной пустыни. Игумен Антоний пригласил путешественников на чай, а после чаепития благословил обоих финифтяным образком Николая Чудотворца.

16 июня Гоголь и Максимович добираются до Калуги, где днем обедают у супруги калужского губернатора, Александры Осиповны Смирновой-Россет, «черноокой Россети», давней хорошей знакомой Николая Васильевича по Петербургу. На обеде присутствовал известный поэт и писатель граф Алексей Константинович Толстой.

Гоголь пребывает в хорошем настроении, оживлен, много говорит, делится планами.

Первый биограф Гоголя Платон Кулиш записал со слов Максимовича: «Между прочим, путешествие на долгих было для него [Гоголя. – *Е.* Ф.] уже как бы началом плана, который он предполагал осуществить впоследствии. Ему хотелось совершить путешествие по всей России, от монастыря к монастырю, ездя по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Это ему было нужно, во-первых, для того, чтобы видеть живописнейшие места в государстве, которые большею частию были избираемы старинными русскими людьми для основания монастырей; во-вторых, для того чтобы изучить проселки Русского царства и жизнь крестьян и помещиков во всем ее разнообразии; в-третьих, наконец, для того чтобы написать географическое сочинение о России самым увлекательным образом. Он хотел написать его так, „чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился"».

Из Калуги Гоголь и Максимович отправились в Оптину пустынь. Был июнь – время цветения трав. Не доезжая две версты до монастыря, Гоголь останавливает бричку, и путешественники, как и положено паломникам, остаток пути проделывают пешком.

По дороге они встретили девочку с миской земляники и хотели купить у нее ягоды. Но девочка отдала ягоды даром со словами: «Как можно брать деньги со странных людей». Называя путешественников странными, она имела в виду странников.

На Гоголя эта встреча и поступок девочки произвели огромное впечатление. Двадцать дней спустя он пишет графу Александру Петровичу Толстому, явно вспоминая и эту встречу: «Я заезжал по дороге в Оптину Пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской Горе не лучше. Благодать видимо там присутствует [слово „видимо", скорее всего, употреблено в смысле „зримо", „наглядно". – *Е. Ф.*]. Это слышится и в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе почему. Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет: их лица сказывали сами все. За несколько верст подъезжая к обители, уже слышишь ее благоуханье: все становятся приветливее, поклоны ниже и участья к человеку больше. Вы постарайтесь побывать в этой обители. <…> Пустынь эта

распространяет благочестие в народе. И я не раз замечал подобное влияние таких обителей».

В монастыре Гоголь жил в скиту, в отдельном домике, чудом уцелевшем до наших дней. Писатель пребывал в благостном состоянии духа. Скит изнутри ограды был похож на сплошной цветник из редких, умело рассаженных и с любовью выращенных цветов. Не случайно многие современники в один голос утверждали, что скит в те времена напоминал рай. Очень достоверно живописал скит Федор Михайлович Достоевский в главе «Приехали в монастырь» романа «Братья Карамазовы».

К окружающей красоте добавлялись ветхозаветная тишина, утренний благовест и вечерний звон. Николай Васильевич много гулял по окрестностям, собирал целебные травы, много читал. В Оптиной пустыни им была прочитана в рукописи книга Исаака Сирина, произведшая на него огромное впечатление. И не только впечатление, книга заставила переосмыслить одно из основных его суждений о нравственности, жизни.

Это суждение – одно из главных противоречий христианства как учения, оно заключено в следующем. Христианство, как и другие религии, учит: «Все от Бога», «На все воля Божья», «Бог дал, Бог взял». То есть все в жизни человека предопределено, все вручено воле Всевышнего, и от самого человека ничего не зависит. В то же время христианство, в отличие от большинства религий, побуждает добрую волю человека: человек не может быть пассивен, он должен бороться с собой, грехом, тьмой за чистоту души, ее спасение, человек обязан совершенствоваться. Получается, что Бог – лишь маяк, дающий человеку правильное направление, указывающий, куда плыть, что принимать и что отбрасывать.

В одиннадцатой главе «Мертвых душ» Гоголь рассуждает: «Бесчисленны как морские пески человеческе страсти, и все не похожи одна на другую, и все они, низкие и прекрасные, вначале покорны человеку и потом уже становятся страшными властелинами его. Блажен, избравший себе из всех прекраснейшую страсть; растет и десятерится с каждым часом и минутой безмерное его блаженство, и входит он глубже и глубже в бесконечный рай своей души. Но есть страсти, которых избрание не от человека. Уже родились они с ним в минуту рождения его в свет, и не дано ему сил отклониться от них.

Высшими начертаньями они ведутся, и есть в них что-то вечно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить им: все равно в мрачном ли образе, или пронестись светлым явлением, возрадующим мир, – одинаково вызваны они для неведомого человеку блага».

После прочтения в Оптиной пустыни рукописной книги Исаака Сирина, Николай Васильевич на странице первого издания «Мертвых душ», напротив этого места в тексте, написал карандашом: «Это я писал в „прелести", это вздор; прирожденные страсти – зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении прирожденных страстей. Теперь, когда я стал умнее, глубоко сожалею о „гнилых словах", здесь написанных. Мне чуялось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение „Мертвых душ". Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведа и прозорливого инока. Здоровая психология и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, – не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимание природы души».

Экземпляр этого издания принадлежал графу Александру Петровичу Толстому, а после его смерти был передан отцу Клименту (Зедергольму) и хранился в монастырской библиотеке.

17 июня Гоголь и Максимович присутствовали на всенощном бдении, во время которого Гоголь, по воспоминаниям иноков, «молился весьма усердно и с сердечным умилением».

На следующий день Николай Васильевич посетил старцев, познакомился с игуменом Моисеем и старцем Макарием. Существует предание, что старец Макарий предчувствовал приезд писателя. Старец Варсонофий рассказывал своим духовным детям об этом так: «Говорят, он был в то время в своей келье (кто знает, не в этой ли самой, так как пришел Гоголь прямо сюда) и, быстро ходя взад и вперед, говорил бывшему с ним иноку: „Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет

оно кого-то". В это время докладывают, что пришел Николай Васильевич Гоголь».

Беседа со старцами произвела на Гоголя сильное впечатление. С отцом Макарием у него устанавливаются особо доверительные отношения. Составитель жития преподобного Макария писал: «Достоверно известно, что батюшка отец Макарий не одобрял его светскую литературную деятельность и советовал ему оставить писательство в этом роде и начать новую жизнь во Христе, по заповедям евангельским. И Гоголь со всем согласился, приняв близко к сердцу наставления старца Макария. После того Гоголь еще два раза приезжал в Оптину пустынь к батюшке отцу Макарию и во время своего пребывания в монастырской гостинице усердно посещал церковные службы в скиту».

Скорее всего, в беседе старца с писателем говорилось и о «Выбранных местах из переписки с друзьями». В библиотеке Оптиной пустыни хранился экземпляр книги с вложенным в нее отзывом святителя Игнатия Брянчанинова, переписанный рукой старца Макария. Святитель Игнатий, духовный ученик старца Льва, отнесся к книге критически: «Она издает из себя свет и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного. Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение, тут между многими правильными мыслями много неправильных. Желательно, чтобы этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ…»

Несомненно, беседа со старцем Макарием была для Гоголя очень непростой. Писатель переживал трудные времена напряженных духовных поисков. В середине 1845 года он всерьез собирался оставить литературную деятельность и уйти в монастырь. Уже в «Выбранных местах…», в письме к графу Александру Петровичу Толстому «Нужно проездиться по России», Гоголь писал: «Нет выше званья, как монашеское, и да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, так желанную душе моей, о которой уже и помышление мне в радость. Но без зова Божьего этого не сделать. Чтобы приобрести право удалиться из мира, нужно уметь

распроститься с миром. Нет, для вас, так же, как и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь наш – Россия!»

Мудрый старец сумел выстроить беседу с впечатлительным, часто излишне мнительным и легко ранимым писателем так, что Гоголь остался доволен встречей. Он проникся советами старца, многое для него открылось. У Николая Васильевича установилась тесная духовная связь с Оптиной пустынью. И хотя приезжал он сюда всего трижды, но пребывал в постоянной переписке с монахами и старцами пустыни.

Особо духовно-дружеские и доверительные отношения и оживленная переписка сложились у него с отцом Порфирием. Это был человек яркой судьбы.

Петр Александрович Григоров, так звали в миру отца Порфирия, был некогда гвардейским офицером, служил в артиллерии. Он был большой поклонник русской литературы, из-за чего произошел с ним однажды забавный случай. На батарею Григорова приехал неизвестный молодой человек, в котором не сразу узнали Пушкина. Когда же поэт был узнан, от избытка чувств его горячий поклонник Григоров приказал произвести в честь приезда поэта артиллерийский салют. За что и был после посажен на гауптвахту.

Иноческую жизнь Петр Григоров начал у знаменитого Задонского затворника Георгия, духовную близость которому сохранил и перейдя в Оптину пустынь.

Познакомил его с Гоголем игумен Моисей. В первый приезд писателя в пустынь он поручил отцу Порфирию, тогда еще послушнику Петру, познакомить писателя с обителью. Несмотря на краткость встречи, Гоголю полюбился послушник. Позже он написал о нем такие слова: «Он славный человек и настоящий христианин; душа его такая детская, светлая, прозрачная! Он вовсе не пасмурный монах, бегающий от людей, не любящий беседы. Нет, он, напротив того, любит всех людей как братьев; он всегда весел, всегда снисходителен. Это высшая степень совершенства, до которой только может дойти истинный христианин».

Гоголь и послушник Петр много беседовали, в частности, писатель рассказал послушнику о чуде у мощей святителя Спиридона Тримифунтского, которому он сам был свидетель. В Оптиной пустыни сохранилось записанное старцем Амвросием предание: «С IV века и доныне Греческая Церковь хвалится целокупными мощами угодника

Божия святого Спиридона Тримифунтского, которые не только нетленны, но в продолжение пятнадцати веков сохранили мягкость. Николай Васильевич Гоголь, бывши в Оптиной пустыни, передавал издателю жития и писем затворника Задонского Георгия (отцу Порфирию Григорову), что он сам видел мощи святого Спиридона и был свидетелем чуда от оных. При нем мощи обносились около города, как это ежегодно совершается 12 декабря с большим торжеством. Все бывшие тут прикладывались к мощам, а один английский путешественник не хотел оказать им должного почтения, говоря, что спина угодника будто бы прорезана и тело набальзамировано, потом, однако, решился подойти, и мощи сами обратились к нему спиною. Англичанин в ужасе пал на землю пред святыней. Этому были свидетелями многие зрители, в том числе и Гоголь, на которого сильно подействовал этот случай».

Гоголь оказался под сильнейшим воздействием от поездки в Оптину пустынь. 19 июня, покинув обитель, Гоголь и Максимович уехали в имение Киреевских Долбино. И уже на следующий день Николай Васильевич пишет письмо иеромонаху Оптиной пустыни Филарету, бывшему наместнику московского Новоспасского монастыря, с 1843 года проживавшему на покое в Оптиной пустыни: «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля, просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден, дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией не может двинуться мое перо. Мне нужно ежеминутно, говорю вам, быть мыслями выше житейского дрязгу и на всяком месте своего странствия быть в Оптинской пустыни».

Дух Оптиной пустыни стал жизненно необходим писателю. Об этом же говорит еще одно письмо, отправленное им уже из родового имения Васильевки Петру Григорову, в котором Гоголь вспоминает посещение монастыря: «Ваша близкая к небесам пустыня и радушный прием ваш оставили в душе моей самое благодатное воспоминанье». В этом же письме он просит молитв «в особенности отца игумена», передает десять рублей серебром на молебен о благополучном путешествии к святым местам и о благополучном окончании

«Мертвых душ» – «на истинную пользу другим и на спасенье собственной души».

Оптина пустынь навсегда вошла в жизнь и духовное сознание Гоголя. А о его отношениях с отцом Макарием Д. П. Богданов в опубликованной в октябре 1910 года в «Историческом вестнике» статье «Оптинская пустынь и паломничество в нее русских писателей» пишет: «Старец, поразивший душу Гоголя, Макарий, был иноком высокой духовной жизни. Его советами и указаниями пользовалась вся монастырская братия, для которой он был неустанным наставником на пути к христианскому совершенствованию. Высокий подвижнический ум старца Макария более всего привлекал к себе душу Гоголя. По воспоминаниям современников, отношения между Гоголем и старцем были самые искренние. Все запросы и сомнения своей души Гоголь нес на разрешение инока, который с дружеской готовностью выслушивал их и давал советы и указания».

Оживленную переписку вел писатель с отцом Порфирием (Григоровым). 6 марта 1851 года Гоголь писал отцу Порфирию из Одессы: «Много благодарю вас и за письмо и за книгу Затворника. Как она пришлась мне кстати в наступивший Великий пост!.. Как мне не ценить братских молитв обо мне, когда без них я бы давно, может быть, погиб. Путь мой очень скользок, и только тогда я могу им пройти, когда будут со всех сторон поддерживать меня молитвами». В приписке писатель передавал душевный поклон настоятелю, отцу Филарету и всей братии. Письмо это отец Порфирий, к сожалению, получить уже не успел. Он скончался 15 марта 1851 года сорока семи лет от роду. Смерть свою он предсказал за неделю.

Второе посещение Гоголем Оптиной пустыни произошло в июне 1851 года, когда он возвращался из Одессы.

В дневнике оптинского иеромонаха Евфимия (Трунова) 2 июня 1851 года сделана запись: «Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург [на самом деле в Москву. – *Е.* Ф.] известный писатель Николай Васильевич Гоголь. С особенным чувством благоговения отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга, монаха Порфирия Григорова, потом всенощное бдение в соборе. Утром в воскресенье 3-го числа он отстоял в скиту литургию и во время поздней обедни отправился в Калугу, поспешая по какому-то

делу. Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия».

В этот приезд Гоголь беседовал со старцами, а вернувшись в Москву сразу же написал письма игумену Моисею и старцу Макарию. В письмах он благодарил за гостеприимство, просил молитв и высылал деньги на обитель – двадцать пять рублей серебром. Так же он испрашивал благословения у отца Макария на написание книги по географии России для юношества.

Этот замысел писатель вынашивал давно, с этим замыслом связаны и планы его о поездках по монастырям России. Каким представлял себе Гоголь этот труд и какие задачи перед собой ставил, видно из набросков его официального письма высокопоставленному лицу, в котором он испрашивает материальную помощь на три года для написания этой книги. «Нам нужно живое, а не мертвое изображенье России, та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым слогом, которая поставила бы русского лицом к России еще в то первоначальное время его жизни, когда он отдается во власть гувернеров-иностранцев. Книга эта составляла давно предмет моих размышлений. Она зреет вместе с нынешним моим трудом и, может быть, в одно время с ним будет готова. В успехе ее я надеюсь не столько на свои силы, сколько на любовь к России, слава Богу, беспрестанно во мне увеличивающуюся, на споспешество всех истинно знающих ее людей, которым дорога ее будущая участь и воспитанье собственных детей, а пуще всего на милость и помощь Божью, без которой ничто не совершится…»

Старцы в ответных письмах благодарили писателя, а отец Макарий благословил его на написание книги. Но при этом считал нужным предупредить писателя, что благое дело никогда не дается просто и нужно быть готовым преодолеть неизбежные препятствия: «.пожеланию вашему не смею отказать и только тем могу служить, что, взяв перо, простираю мою грешную руку на сию хартию, а вера ваша да будет ходатайством у Господа внушить мне слово к вашему утешению. В благом вашем намерении об издании полезной книги Бог силен даровать вам свою помощь, когда будет на сие Его святая воля. Но, как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет, или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искус, требующий понуждения».

К сожалению, юношество российское такой замечательной книги по географии не получило. Гоголь не успел осуществить свой благородный замысел.

Третья, последняя, поездка Гоголя в Оптину пустынь, пожалуй, самая загадочная. Писатель посетил Оптину в сентябре 1851 года – он ехал в Васильевку на свадьбу сестры, Елизаветы Васильевны, собираясь оттуда проследовать в Крым, чтобы остаться там на зиму. Но случилось непонятное: проехав двести верст по осенним российским дорогам, доехав до Калуги, Гоголь свернул в Оптину пустынь. Пробыв там несколько дней, он, неожиданно для многих, отправился. обратно в Москву. Среди знакомых писателя эта поездка породила самые разнообразные слухи и толки.

Что же произошло в Оптиной пустыни?

Предваряя хронику событий, стоит заметить, что Николай Васильевич характер имел инфантильный, был подвержен хандре, постоянно нуждался в моральной и житейской поддержке, не любил принимать самостоятельные решения. Часто он пытался переложить бытовые хлопоты на плечи других. Так, однажды в Риме, когда пришло время возвращаться в Россию, Гоголь впал в тяжелую депрессию из-за необходимости решать множество бытовых вопросов. Он написал письмо, в котором совершенно серьезно просил, чтобы за ним из Москвы приехали друзья – Михаил Щепкин и Константин Аксаков, – чтобы освободить его от мелких и нудных дорожных забот, связанных с переездом. Гоголь писал: «Мне тягостно и почти невозможно теперь заняться дорожными мелочами и хлопотами. Меня теперь нужно беречь и лелеять».

О последнем приезде Гоголя в Оптину пустынь доподлинно известно следующее. По всей вероятности, ему очень не хотелось ехать на свадьбу сестры, но самостоятельно принять такое решение он не мог, потому обратился за советом к отцу Макарию. Старец принял писателя в скиту. На вопрос Гоголя, ехать ли ему на свадьбу сестры, старец разумно ответил, что на свадьбе побывать нужно. Возможно, в тот же день между ними состоялся и более важный разговор, но содержание его осталось тайной. Есть смутные намеки на то, что Гоголь изъявлял желание остаться в монастыре. Старец Варсонофий рассказывал: «Есть предание, что незадолго до смерти Гоголь говорил своему близкому другу: „Ах, как я много потерял, как ужасно много

потерял…" – „Чего? Отчего потеряли вы?" – „Оттого, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?"»

Сестра писателя, Анна Васильевна, писала позже Владимиру Шенроку, биографу Гоголя, что брат ее «мечтал поселиться в Оптиной пустыни». Но, как известно, мечтать – не делать. Тот же старец Варсонофий говорил, что старец Макарий к высказанному пожеланию Гоголя отнесся очень осторожно: «Неизвестно, заходил ли раньше у Гоголя с батюшкой Макарием разговор о монашестве, неизвестно, предлагал ли ему старец поступить в монастырь. Очень возможно, что батюшка Макарий и не звал его, видя, что он не понесет трудностей нашей жизни».

Удрученный вежливым отказом старца, писатель продолжал хандрить. Ехать на свадьбу ему, судя по всему, расхотелось вовсе, и на следующий день он пришел к старцу с тем же вопросом: ехать или не ехать? Рассказал, что видел сон, который против дороги, и чувствует он себя скверно, и, вообще, когда думает о Москве, на душе спокойней, чем когда думает о Васильевке. Обескураженный старец вынес писателю образок Сергия Радонежского, благословил его этим образком и разумно предоставил право выбора ему самому. Гоголь, поколебавшись, выбрал Москву. Макарий вздохнул:

– Ну, если сон. и душе спокойнее – возвращайтесь.

Казалось бы, вопрос решен в пользу вопрошающего. Но писатель и на следующий день отправился к старцу. Когда он явился вопрошать о поездке в четвертый раз, старец Макарий всерьез рассердился и пригрозил впредь не принимать докучного посетителя.

Скорее всего, так и поступил. Но Гоголь, как истинный человек письменного слова, вступил со старцем в переписку: «Еще одно слово, душе и сердцу близкий отец Макарий. После первого решения, которое имел я в душе, подъезжая к обители, было на сердце спокойно и тишина. После второго как-то неловко и смутно, и душа неспокойна. Отчего вы, прощаясь со мной, сказали: „В последний раз"? Может быть, все это происходит от того, что нервы мои взволнованы; в таком случае боюсь сильно, чтобы дорога меня не расколебала. Очутиться больным посреди далекой дороги – меня несколько страшит. Особенно, когда будет съедать мысль, что оставил Москву, где бы меня не оставили в хандре».

Старец Макарий ответил на обороте этого письма: «Мне очень жаль вас, что вы находитесь в такой нерешимости и волнении. Конечно, когда бы знать это, то лучше бы не выезжать из Москвы. Вчерашнее слово о мире при взгляде на Москву было мне по сердцу, и я мирно вам сказал об обращении туда, но как вы паки волновались, то уж и недоумевал о сем. Теперь вы должны решить сами свой вояж, при мысли о возвращении в Москву, когда ощутите спокойствие, то будет знаком воли Божией на сие…»

Писатель все же вернулся в Москву, был грустен, расстроен, особенно 1 октября, в день свадьбы сестры, совпавшей с днем рождения матери. Через несколько месяцев, 21 февраля 1852 года, его не стало. Сразу после смерти писателя граф Толстой послал в Оптину извещение и пятнадцать рублей серебром на помин души новопреставленного.

В 1852 году Василий Андреевич Жуковский писал Петру Александровичу Плетневу: «Я уверен, что если бы он не начал свои „Мертвые души", которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он был бы монахом и был успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой бы душа его дышала легко и свободно».

В 1853 году, на Радоницу, когда совершается поминовение усопших, мать Гоголя, Мария Ивановна, послала в Оптину пустынь письмо и деньги. 30 мая игумен Моисей ответил ей: «Почтеннейшее ваше письмо от 19-го сего мая и при оном пятьдесят рублей серебром от усердия вашего имел честь получить, согласно христианскому желанию вашему на приношение в обители нашей при Божественной литургии выниманием частей о упокоении незабвенного и достойного памяти сына вашего Николая Васильевича. Благочестивые его посещения обители нашей носим в памяти неизгладимо. По получении нами из Москвы печального известия о кончине Николая Васильевича, с февраля прошлого 1852 года исполняется по душе его поминовение в обители нашей на службах Божиих и навсегда продолжаемо будет с общебратственным усердием нашим и молением премилосердого Господа: да упокоит душу раба Своего Николая во Царствии Небесном со святыми, а вам да ниспослет свыше благословение, здравие и небесное утешение в огорчительном лишении единственного сына».

Мария Ивановна побывала в Оптиной пустыни на Пасху 1857 года с внуком Николаем. Духовная связь Гоголя с благословенной Оптиной пустынью продолжалась.

Летописец обители, иеромонах Евфимий, так подытожил его земное странствие: «Трудно представить человеку непосвященному всю бездну сердечного горя и муки, которую узрел под ногами своими Гоголь, когда вновь открылись затуманенные его духовные очи и он ясно, лицом к лицу, увидал, что бездна эта выкопана его собственными руками, что в нее уже погружены многие, им, его дарованием соблазненные люди и что сам он стремится в ту же бездну, очертя свою бедную голову. Кто изобразит всю силу происшедшей отсюда душевной борьбы писателя и с самим собою, и с тем внутренним его врагом, который извратил божественный талант и направил его на свои разрушительные цели? Но борьба эта для Гоголя была победоносна, и он, насмерть израненный боец, с честью вышел из нее в царство незаходимого Света, искупив свой грех покаянием, злоречием мира и тесным соединением со спасающею Церковию. Да упокоит душу его милосердый Господь в селениях праведных!»

Николай Васильевич первым из русских писателей искал в Оптиной пустыни ответы на многие, важные для себя вопросы. И находил. Во многом, благодаря старцу Макарию и его мудрым наставлениям.

Конец земного пути

Старец Макарий за два года до своей кончины принял великую схиму. Время своей смерти старец предсказал заранее. За неделю до кончины его соборовали. Народ стекался со всех концов России, старец до последнего часа принимал духовных чад и паломников, наставлял и благословлял их, прощался, раздавал свои вещи. Все посетители не успевали пройти к старцу, многие мечтали хотя бы посмотреть на него через окно.

7 сентября 1860 года около полуночи старец потребовал к себе духовника и после получасовой беседы с ним попросил читать отходную.

«Слава Тебе, Царю мой и Боже мой! – восклицал отец Макарий при чтении отходной. – Матерь Божия помози мне!» Ночь была очень тяжелой для умирающего, но все же он пожатием рук, благословением, взглядами выражал свою благодарность ухаживающим за ним. В 6 часов утра, будучи в полном сознании, он приобщился Христовых Тайн, а через час мирно отошел к Господу.

Так завершил свой земной путь великий старец Оптиной пустыни, отец Макарий.

Вход в Иоанно-Предтеченский скит был строго запрещен женщинам. Но в день смерти старца Макария было сделано исключение, чтобы проститься с великим старцем могли все желающие. В память об отце Макарии в день его поминовения это повторялось ежегодно вплоть до 1898 года, когда доступ в скит окончательно прекратился.

Советы и наставления Макария Оптинского

Свойство милостыни есть сердце, сгорающее любовью о всякой твари и желающее ей блага. Милостыня состоит не в одном подаянии, но в сострадании, когда видим человека страдающего, и если можем в чем-то помочь ему, помогаем.

В житейских волнах, при общении с людьми дается нам средство к занятию своею душою, т. е. к исполнению заповедей Божиих. Как же мы их исполним, не имея с людьми общения?

Учение Господа и самая жизнь Его – есть кротость и смирение, чему и заповедал нам поучаться от Него. Всех наших зол причина – гордость, а всех благ ходатай – смирение.

Чтение отеческих книг очень нужно и полезно к познанию воли Божией, ибо отцы, читая слово Божие, в Святом Писании нам преданное, исполнили оное и прошли деятельной жизнью, оставя нам пример в своих учениях. Не читая оных, вы не узнаете образа жизни и борьбы, и думая, что читая сам слово Божие, можете его исполнять, и не смиряетесь, а читая, познаете путь, стремитесь ко исполнению, но, не достигая мер их, познаете свою немощь и смиряетесь, и получаете милость Божию, которая особо простирается на смиренных.

Правосудие Божие, дабы здесь еще очистить человека от грехов, посылает и внешние прискорбия через людей, яко оружия, дабы более прийти в чувство и познать, что мы, прегрешившие пред Богом, достойны еще больших наказаний, и чрез терпение очиститься. Не должно изыскивать причин, справедливо ли или напрасно обижают нас люди; когда прегрешаем пред Богом, то сия есть важная причина, побудившая промысл Его воздвигнуть на нас бурю скорбей.

Долг кающегося христианина – благодарить Бога наказующего его здесь, дабы в будущем веке не быть наказанным вечно, и потому оскорбляющим должно прощать не только по заповеди «Любите врагов ваших» (Матф. 5,44), но считать их своими благодетелями, потому, что через них сподобляемся получить прощение грехов своих.

По заповеди церковной и апостольскому завещанию вы должны уважать священников, как служителей алтаря и Таинств Божиих. Судить же их в их погрешностях совсем не ваше дело; овца пастыря не судит; как можно сего берегитесь!

Кто употребляет меч духовный – молитву Иисусову, надобно, чтобы был смирен, ибо только тогда оным поражаются враги, а без этого многие попадают в неисцельную прелесть.

Вы, думая найти в утешительных чувствах любовь Божию, ищете не Бога, а себя, т. е. своего утешения, а прискорбного пути уклоняетесь, считая себя будто бы погибшими не имея духовных утешений. Напротив, лишение оных нас смиряет, а не возвышает.

На вопрос ваш, в чем состоит счастливая жизнь, в блеске ли, славе и богатстве, или в тихой, мирной, семейной жизни, скажу, что я согласен с последним, да еще прибавлю: жизнь, проходимая с чистой совестью и со смирением, доставляет мир, спокойствие и истинное счастье. А богатство, честь, слава и высокое достоинство нередко бывают причиною многих грехов и не доставляют счастья.

Люди большею частью желают и ищут благоденствия в сей жизни, а скорбей стараются избегать. И кажется, что это очень хорошо и приятно, но всегдашнее благоденствие и счастье человеку вредит. Он впадает в различные страсти и грехи и прогневляет Господа, а проходящие скорбную жизнь более приближаются ко Господу и удобнее получают спасение, потому Господь отрадную жизнь назвал пространным путем: широкие врата и пространный путь вводят в пагубу, и многие идут им (Мф. 7:13), а скорбную жизнь

назвал: узкий путь и тесные врата, ведущие в жизнь вечную, и немногие находят их (Мф. 7:14). Итак, по любви своей к нам Господь, провидя могущую быть пользу, кто того достоин, многих сводит с пространного пути, а поставляет на узкий и прискорбный путь, чтобы терпением болезней и скорбей устроить их спасение и даровать жизнь вечную.

Мы, скудоумные, думая устроить свое состояние, печалимся, суетимся, лишаем себя покоя, исполняем оставление долга веры за суетами, для того, чтобы оставить детям хорошее имение. Но знаем ли мы, послужит ли оно им пользою? Глупому сыну не в помощь богатство – оно только послужило ему поводом к худой нравственности. Надобно позаботиться оставить детям добрый пример своей жизни и воспитать их в страхе Божием и в заповедях Его, это их главное богатство. Когда будем искать Царства Божия и правды Его, и здешнее и нужное все нам приложится (Мф. 6:33). Вы скажете: нельзя этого сделать; нынче свет требует не этого, но другого! Хорошо, но вы родили детей для этого света ли только, а не для будущей жизни? Утешайте себя словом Божиим: если мир вас ненавидит, знайте, что Мене прежде вас возненавидел (Ин. 15:18), а мудрование плотское – вражда к Богу: закону Божию не покоряется, да и не может (Рим. 8:7). Не желайте быть детям вашим славы мира, но чтоб были добрые люди, покорные дети, а когда Бог устроит, – добрые супруги, нежные родители, попечительные о подвластных, любовные ко всем и к врагам снисходительные.

…Вы имеете желание приблизить себя к Богу и получить спасение. В этом состоит весь долг каждого христианина, но сие совершается через исполнение заповедей Божиих, которые состоят все в любви к Богу и ближнему и простираются до любви к врагам. Читайте Евангелие, там найдете путь, истину и живот, сохраняйте Православную веру и уставы Святой Церкви, поучайтесь в писаниях церковных пастырей и учителей и соображайте жизнь свою по их учениям. Но одни правила молитвенные не могут нам принести пользы… советую стараться сколько можно обращать внимание ваше на дела любви к ближним: в отношении к матушке вашей, супруге и детям, стремитесь о воспитании их в Православной вере и

доброй нравственности. Св. Апостол Павел, исчисляя разные виды добродетелей и подвигов самоотвержения, говорит: «Если сотворю то и другое, а любви не имею, никакой пользы не имею».

Опаснее всего действие диавола против прельщенных мнений о своей святости. Люди такого рода обыкновенно более или менее отрешаются от предметов жизни физической, посредством подвигов телесных утончают природу чувственную и раскрывают в себе жизнь собственно душевную, хотя неверно направленную. Это делает их способными к принятию впечатлений духовных, а поэтому и дух злой становится ближе к ним. Дух злобы наполняет душу мечтателя признаками света, односторонними, но сильно восторженными мыслями. Возбудив в нем особенную доверенность к самому себе, отводит от истины и делает жертвой суеверия, а затем и фанатизма. Мечтатель становится непримиримым врагом всякого, кто не согласен с ним в чем-либо. Усиливая в нем более и более о себе самое мнение, дух злобы наконец доводит его до того, что мечтатель совершенно расстраивается и в жизни и в мыслях.

Глава шестая
«Весь мир не стоит одной души!»

Иларион Оптинский

Преподобный иеросхимонах Иларион, в миру Родион Никитич Пономарев (9/22 апреля 1805 – 18 сентября/1 октября 1873)

Портной-миссионер

В светлую пасхальную ночь с 8 на 9 апреля 1805 года в селе Ключи Новохоперского уезда Воронежской губернии в семье Никиты Филимоновича и Евфимии Никифоровны Пономаревых родился третий сын. Родители дали сыну красивое имя Родион, что в переводе с греческого означает «герой».

Никита Филимонович, известный в округе портной, был человеком глубоко верующим, а мастером – отменным. Заказы сыпались на него как из рога изобилия, но выполнять их приходилось, надолго покидая дом. Родное село было давно обшито, да и шил портной «крепко», так что заказы приходили из окрестных сел и городков. Пока муж был в отъезде, что случалось часто, семью, в которой вскоре появился и четвертый сын, надо было кормить, – домом управляла его жена, Евфимия Никифоровна, женщина домовитая и богобоязненная.

Родион рос мальчиком тихим, молчаливым, спокойным. От рождения он был неловок в движениях и потому уклонялся от шумных и подвижных мальчишеских игр. Много времени проводил с матерью, которая воспитывала его в вере и учила следовать заповедям Господним. В том, что ее воспитание приносит плоды, она не раз убеждалась.

«Представляешь, – рассказывала как-то раз Евфимия Никифоровна мужу, вернувшемуся из очередной поездки, – мальчишки знакомые Родю в лес по ягоды позвали, я отпустила, да и сама с ним пошла – все спокойнее и опять же ягод ребятне нашей полакомиться собрать в четыре руки сподручнее. Идем. Мальчишки

разбрелись все по полянам и на коленках ползают, землянику из-под листиков выбирают. Я тоже увлеклась, аукаю время от времени, чтобы Родя знал, где я. Вдруг слышу: он мальчишек зовет. Голос радостный, взволнованный. Дай, думаю, посмотрю, что там у него. Выхожу на поляну и даже обмерла – поляна вся как есть красная от ягод. Наш мальчик стоит посередине счастливый и друзей созывает на помощь. Уж так мне жалко стало этого места ягодного. Я ему и говорю осторожненько так:

– Не зови мальчишек, пускай они в другое место идут, а мы с тобой тут ягоды рвать будем.

И знаешь, что он мне ответил?

– Почему же так, мамочка? Ведь Бог не дал для нас одних, а для всех зародил ягоды!

И так укоризненно посмотрел, что я со стыда была сгореть готова». «Да, я тоже замечал, что чувство справедливости у него какое-то обостренное, что ли, – подтвердил Никита Филимонович, гладя жену по волосам, и усмехнулся: – Будешь знать, как жадничать в другой раз». «Чувствует мое сердце, монахом будет наш сын», – в словах женщины прозвучала спокойная уверенность.

Родиону было в то время семь лет.

Надо признать, что мать в какой-то мере сама способствовала стремлению Родиона стать монахом. Во всяком случае, когда мальчику было тринадцать лет, она взяла его с собой в паломничество к святыням Киево-Печерской Лавры. Там состоялось его первое знакомство с иноческой жизнью. Через четыре года они с матерью паломничество повторили.

Трудно сказать, как отнесся отец Родиона к пророчеству супруги, но с подросткового возраста начал обучать сына портновскому мастерству. Родион учеником был прилежным. Однако иноческая жизнь запала ему в душу, и он про себя решил, что портновское ремесло пригодится ему в монашеской жизни.

Постигая премудрости мастерства, юноша пришел к убеждению, что к любому делу нужно относиться добросовестно, все, что тобой сделано, должно быть сделано хорошо. А это и есть то самое правило, которое святые отцы в своих писаниях называют «хранением совести» и считают необходимым условием спасения.

В 1829 году, когда молодому человеку исполнилось двадцать четыре года, он вместе с родителями переехал в Саратов. К тому времени он настолько освоил портновское мастерство, что самостоятельно создал артель из тридцати человек. Хозяином он был, каких поискать. Родион терпеливо обучал работников сложному портновскому делу, хорошо оплачивал труд и достойно содержал артель. «На своих рабочих он смотрит, как на собственных детей, за которых ему должно отвечать перед Богом, – перешептывались Евфимия Никифоровна и Никита Филимонович. – В воскресные и праздничные дни артель в полном сборе присутствует в церкви на всенощной и обедне».

Но и этого Родиону Никитичу казалось мало. Он нанял дьячка Покровской церкви для обучения артельщиков церковному пению. Теперь работники Родиона коротали время за кройкой и шитьем, распевая духовные песни.

Молодой хозяин артели был спокоен и вежлив в обращении с рабочими, действовал не приказами и штрафами, а увещеванием и уговорами. Но несмотря на мягкость и кротость характера, когда дело касалось вопросов православной веры, Родион был тверд духом.

В Саратове в те времена существовали раскольничьи секты разных толков и направлений. Секты враждовали между собой, но в одном были едины – в ненависти к православию. Сектантов в Саратове появилось столько, что они уже намного превышали число православных христиан. Сектанты действовали на умы православных, вводили в сомнение, пополняя свои ряды сбитыми с толку, заблудшими христианами. Православная церковь обличала раскольников и сектантов, терпеливо разъясняла прихожанам пагубность их влияния и ложность учений. Но голоса отдельных священников заглушались многоголосицей сектантов.

Среди артельщиков Родиона несколько человек попали под влияние раскольников, но молодому хозяину силой убеждения и разъяснениями удалось направить их на путь истинный, вернуть в лоно православной церкви. Пользовавшийся в Саратовской губернии большим уважением старец Семен Климыч, узнав, как успешно молодой хозяин наставляет своих артельщиков, призвал Родиона к себе и сказал:

– Ты, Родион Никитич, мудро артелью управляешь, не только руками, но и душами и сердцами владеешь. Вокруг волчья стая раскольников, но посмотри, сколько в этой стае овец заблудших. Надо помочь вернуть их в ясли церкви православной. Сами они в церковь не пойдут, нужно идти к ним, спасать заблудшие души. Ты умеешь убеждать, терпелив, кроток – иди помоги заблудшим.

И Родион пошел. Он искал встречи с раскольниками, терпеливо разъяснял им, что оспаривающие Священное Писание сами становятся противниками Христа – антихристами. На раскольников доводы Родиона Никитича произвели сильное впечатление. Они были смущены и озадачены, стали сами искать встреч с Родионом, приглашали его на беседы, просили разъяснений. Родион Никитич возглавил братство, объединившее ищущих истины раскольников. Многих ему удалось вернуть на путь истины.

Заметив явные успехи Родиона Никитича, преосвященный Иаков испросил у Святейшего Синода позволения учредить в своей епархии миссию для обращенных раскольников. Миссия была учреждена. Естественно, одним из самых деятельных и активных миссионеров был Родион Пономарев. Правда, сам он, рассказывая впоследствии в Оптиной пустыни о своей жизни в Саратове, о своих успехах в обращении раскольников, скромно умалчивал, подчеркивая достижения других.

Родион Никитич стал уважаемым человеком, имел, говоря современным языком, успешный бизнес, был заметной фигурой в миссионерском движении. Он считался завидным женихом, и, само собой, его не раз пытались женить. Но каждый раз он вежливо, но твердо отказывался от женитьбы. Что-то мешало ему получать удовольствие от жизни. Позже он вспоминал об этом периоде духовного томления так: «Хотя мы и богоугодно старались жить и, казалось, будто и делами благочестивыми занимались, но чувствовалось мне, что мы еще не так живем, как бы следовало, что монахи лучше нас живут».

В тридцать два года – период духовного созревания – он все более серьезно стал задумываться о монашеской жизни. Эти мысли подвигли его на поездки по монастырям с подспудным желанием выбрать для себя обитель. В этих поездках Родион Никитич провел часть 1837 года и весь 1838 год. За это время он посетил множество монастырей,

побывал в обителях Сарова, Суздаля, Ростова Великого, Тихвина, добирался до Соловков и Валаама, бывал в Почаеве, в Глинской и Площанской пустынях. В одной из этих поездок он получил благословение побывать у оптинских старцев Льва и Макария.

Приехав в Оптину пустынь, Родион наконец понял: нашел то, что искал так долго и о чем томилась его душа. Огромное впечатление произвели на него оптинские старцы – Лев и Макарий. Отец Макарий сразу выделил Родиона среди множества посетителей, приглашал к себе в келью, беседовал, сам посещал его в гостинице, приносил духовные книги, терпеливо отвечал на все вопросы, разъяснял непонятное. Уезжал из пустыни Родион Никитич с легкой душой, сделав свой окончательный выбор. Завершив все дела в Саратове, он вернулся в Оптину пустынь. Навсегда.

Скитский садовник

13 марта 1839 года Родиона Никитича Пономарева приняли в число скитской братии. Поселили Родиона по соседству с кельей бывшего Валаамского игумена отца Варлаама, оказавшего на молодого инока благотворное влияние. Исповедовалась скитская братия у старца Макария, но Родион ежедневно ходил на откровение помыслов и к переведенному в монастырь старцу Льву (Леониду).

1 декабря 1839 года отец Макарий был назначен начальником скита. Он выбрал келейником Родиона, пребывавшего в этом послушании двадцать лет, до дня кончины старца Макария. 13 августа 1849 года Родион был пострижен в монахи с именем Иларион.

Ежедневно тесно общаясь со старцем, послушник учился на примере отца Макария истинному иночеству, получал бесценные наставления. Он был беспредельно предан своему старцу. Показателен следующий эпизод. Однажды в осеннюю распутицу старец Макарий выехал из обители к своим духовным детям. В дороге случилась авария: сломалось колесо и экипаж опрокинулся в ров. Старец получил сильные ушибы, вывихи. Сообщили в обитель. Отец Иларион в это время сам был серьезно болен, но, получив известие о несчастном случае со старцем Макарием, не раздумывая бросился сопровождать

врача. Им пришлось проехать на перекладных более трехсот верст по бездорожью.

Послушание келейника отнимало у отца Илариона много времени: нужно было заботиться о старце, быть его личным секретарем, содержать в чистоте кельи старца и свою, быть посредником между старцем и посетителями, паломниками, искавшими совета отца Макария и встречи с ним. Это доставляло множество хлопот. Кроме этих забот на нем возлежало длинное молитвенное скитское правило. Казалось бы, успевай поворачиваться, дня бы хватило. Но отец Илларион, кроме послушания келейника, добровольно возложил на себя и другие обязанности. Спал он при этом не более четырех часов в сутки. До своего посвящения в иеродиаконы Иларион брался за любое послушание: варил в скиту квасы и кислые щи, пек блины и хлебы, был пасечником, садоводом и огородником.

Вторым по значимости послушанием после главного – послушания келейника – было для отца Илариона садоводство и цветоводство. Сначала отец Иларион с удовольствием занялся садом, потом взялся и за цветы. Эти его занятия особо отмечал старец Макарий. Сам он не умел садовничать, но очень любил сад и цветы. Келейник Иларион устроил вдоль всех дорожек в скиту цветочные шпалеры, затейливо сочетая различные растения. На заре, когда вся братия спала в кельях, Иларион прививал деревья, вскапывал гряды, сажал цветы. Не случайно все, кто попадал в скит, в один голос утверждали, что там царила воистину райская красота. Никто поверить не мог, что это плоды труда одного человека.

Сад под присмотром инока Илариона давал столько плодов, что монахи до самой весны кормились монастырскими яблоками. Часто паломники и посетители просили в обители свежих и моченых яблок для больных. Никогда в этом не было отказа.

Заботами инока Илариона была восстановлена пасека, превратившаяся в образцовое хозяйство. Со временем заботы о скитской пасеке взял на себя ставший после смерти супруги монахом Оптиной пустыни отец инока Илариона, Никита Филимонович, в монашестве Нифонт. Он успешно трудился на скитской пасеке до 1849 года, до «встречи» со своей благоверной, заждавшейся его.

Отец Иларион начинал и разведение рыбы в монастырских прудах. Он никогда ранее этим не занимался, но сумел привлечь

знавших в этом толк монахов, и дело наладилось.

Не все послушания отца Илариона были каждодневными: хлеб ставился раз в неделю, квасы варились, а блины пеклись только несколько раз в год. Но все эти работы были физически тяжелые, утомительные, требовали внимания и бессонных ночей. Сад тоже отнимал немало физических сил. Вечерами в жаркую погоду, после многих других трудов, отец Иларион вместе со своим помощником, отцом Флавианом, разносил по саду до трехсот больших ведер воды для поливки фруктовых деревьев.

По благословению старца Макария отец Иларион собирал лекарственные травы. Он завел домашнюю аптечку, лечил больных монахов, посещая их в кельях, исполняя фельдшерские обязанности.

Много труда вложил отец Иларион в скитские постройки, немало потрудился над устроением иконостасов. Ко всему прочему он был искусным ложкорезом, но считал это отдыхом, проводя за этим занятием часть долгих осенних и зимних вечеров. Время же, предназначенное для отдыха, от дневной трапезы до двух часов пополудни, отец Иларион употреблял на чтение святоотеческих книг.

Со стороны могло показаться, что дни отца Илариона проходят исключительно в трудах физических. Духовная его жизнь протекала незаметно для окружающих: духовных детей у него не было, после посвящения его в иеромонахи исповедовались у него только немногие близкие знакомые.

Все изменилось в последние дни жизни старца Макария, когда тот, пребывая на смертном одре, благословил отца Илариона продолжать старческую деятельность Оптиной пустыни, поручил своих духовных детей духовному руководству старцев Илариона и Амвросия. Происходило это, по свидетельству многочисленных очевидцев, так. Возле умирающего старца находилась игуменья Белевская Павлина. Она, не скрывая слез, спросила: «На кого вы нас оставляете, батюшка?» Старец Макарий указал слабеющей рукой на отца Амвросия, бывшего рядом, и позвал из соседней комнаты отца Илариона, строго указав ему: «Не оставь игумений!» Дело в том, что среди духовных детей старца Макария, кроме игуменьи Павлины, были игуменьи Севского и других монастырей. Растерявшийся отец Иларион попытался робко возразить: «Батюшка, я недостоин и сам ничего не знаю». Старец молча погрозил отцу Илариону пальцем и

повторил: «Не оставь ее!» Мать игуменья Павлина, подчиняясь воле старца, поклонилась отцу Илариону в ноги, признавая его своим духовным отцом.

Духовными детьми отца Илариона стали и другие игумены, и Наталья Петровна Киреевская, и многие духовные дети старца Макария. Желающим иметь духовника после своей смерти, старец Макарий указывал на двух своих келейников – отца Илариона и отца Амвросия, благословляя их на продолжение старческой традиции и предоставляя выбор своим духовным детям, кто кому более по сердцу.

Старец Амвросий, во многом благодаря перу Федора Михайловича Достоевского, известен в России весьма широко. Известность старца Илариона меньше. Но согласитесь, измерять деяния старцев, как современных политиков по рейтингу популярности – дело неблагодарное. Старец Иларион был одарен духовно не менее старца Амвросия. Им обоим была дарована способность увещевать, назидать, утешать, облегчать страдания.

Старец Иларион принял это послушание от старца Макария и достойно нес его до конца своей жизни. Было ему тогда пятьдесят пять лет. А через три года, 8 апреля 1863 года, на старца Илариона возложили новое послушание: он был назначен начальником скита и общим духовником монастыря.

И в духовничестве, и в управлении старец Иларион строго придерживался порядков, заведенных его учителем, старцем Макарием. Во время пребывания начальником скита он более всего оправдал свое монашеское имя – Иларион, что в переводе с греческого означает «тихий», «радостный». В эти годы проявилась смиренная кротость его сердца. Как вспоминала монастырская братия, наставления его всегда были кратки, ясны, просты и убедительны. И тем более они были убедительны, что он первый неукоснительно исполнял то, что советовал монахам.

Старец учил, что по своей воле никто ничего делать не должен, какое бы доброе дело ни затевалось. Прежде всего, нужно объявить своему духовному отцу, просить совета и полностью довериться его рассуждению: для монаха это и есть главное условие спасения – отсечение своей воли. Старец Иларион поучал: «Послушание должно проходить с хранением совести, без небрежения, лености и невнимания, должно наблюдать за собой и быть внимательным ко всем

даже незначительным действиям, тогда и в важных делах будешь так же серьезен и послушлив. Каждое дело необходимо начинать с призывания в помощь Имени Божия, ибо занятия, освященные молитвой, будут благотворны для нашего душевного спасения».

Старец Иларион был истинным пастырем, заботливым и добрым, даже в последние дни своей тяжелой предсмертной болезни он заботился о своих подопечных, всегда был готов помочь их духовным и житейским нуждам. На его занятия с братством обители был открыт доступ всем желающим. Старец принимал любого, пришедшего в обитель в поисках истины, даже раскольников: им он уделял особое внимание, вразумляя и обращая к истинной православной вере.

Психотерапия от старца Илариона

Главную причину страданий душевных и телесных старец Иларион видел в греховной жизни, в отступлении от Бога. Исходя из этого, он и врачевал.

Обратился к нему за помощью некий молодой купец, страдающий манией преследования, доводящей его до приступов буйного безумия. Во время приступов купец избегал людей, не узнавал близких, пугал всех диким взором и бессмысленными выкриками. После долгих и терпеливых бесед и расспросов старец Иларион понял, что главной причиной болезни молодого купца является скрытая глубоко в его сердце ненависть к отцу. Однако свой ум в чужую голову не вставишь. Долго старец бился с купцом, увещевая, убеждая изгнать из своего сердца злость и вражду к родителю, попросить у отца прощение. Купец – ни в какую. Сначала непонимающие глаза делал: о какой вражде, батюшка, вы говорите, я от роду никому зла не желал, тем более отцу родному. А когда старец Иларион доказал ему на примерах, что прав, и он, старец, знает, чего требует, купец уперся: не могу, и все тут – хоть режьте! Старец все приемы перепробовал, наконец, видя, что уговоры и убеждения не действуют, заявил: «Знай: только после того как получишь отцовское прощение, сможешь надеяться на помощь Божию. Без нее же с болезнью тебе ни самому не справиться, ни врачи тебе не помогут, ни я, грешный». И купца проняло. Он искренне покаялся отцу в тайной ненависти и получил отцовское

прощение. Молитвами старца Илариона душа молодого человека очистилась покаянием. Вскоре он выздоровел.

Причины душевных недугов старец Иларион распознавал не только в беседах со страждущими, но и неведомыми другим путями. Как правило, причинами душевных болезней бывали негативные эмоции и чувства: вражда, зависть, злость, гнев; раздоры в семье, тяжкие нераскаянные грехи. Лечение старцем Иларионом таких болезней сводилось к тому, что страдающий человек искренне и глубоко раскаивался и сокрушался о своих грехах. Закреплялся положительный эффект водой из богоявленского источника и маслом от лампадок, горевших на могилах старцев Льва и Макария, – воду и масло старец давал с собой, «на дом».

Любовь к страдающим людям и терпение старца были безграничны. Сохранилось воспоминание об одной необычной исповеди. Однажды на исповедь к старцу Илариону привели душевнобольную. Он внимательно всмотрелся в ее лицо, задумчиво покачал головой и начал исповедь. Однако женщина исповедоваться не собиралась. Старец требовал, чтобы она осеняла себя крестным знамением и произносила вслух свои грехи. Женщина противилась, прятала руки за спину, кричала, низвергая на старца потоки непристойной брани. Старец Иларион бранных слов как будто не слышал, он увещевал, уговаривал, просил женщину покаяться в грехе, за который она так сильно страдала. Настойчивость и терпеливость старца принесли плоды: после длительных и настойчивых уговоров женщина созналась в грехе, покаялась и пришла в полное сознание.

Старец вышел на крыльцо очень усталый, но довольный исцелением. Сказал, добродушно улыбаясь:

– Поди ты, какая попалась злющая и сопротивная. Таких, кажется, у меня еще и не бывало. Однако Бог помог узнать и добиться толку, за что ей было такое попущено: хоть не напрасно трудился столько времени. Другие, верно, скорбят, что так долго я с нею пробыл. Но Бог поможет, со всеми займусь!

– Вы бы ее, батюшка, оставили, коли она такая, – сказал кто-то из заждавшихся посетителей.

Старец укоризненно покачал головой и ответил:

– А у нее ведь душа такая же, как и у нас с тобой. Весь мир не стоит одной души!

Старец Иларион был наделен не только даром исцелять. Как и многие старцы Оптиной пустыни, он обладал даром прозорливости, который по великому смирению своему тщательно скрывал. Но дар этот часто проявлялся непроизвольно. Человеческие сердца были для него открытой книгой. Как бы ни скрывал старец дар прозорливости, сохранилось много примеров явных проявлений этого дара.

Старец Захария, схиархимандрит Троице-Сергиевой лавры, особо поддерживавший старца Илариона, в дни своей юности посетил Оптину пустынь и побывал у него. Когда старец Захария подошел к дверям кельи старца Илариона, он остановился и про себя произнес молитву. Когда закончил, из-за закрытой двери старец Иларион ответил: «Аминь». Дверь открылась, и старец Иларион принял Захарию. Во время долгой беседы старец Иларион, совсем не зная жизни и намерений гостя, вдруг сказал: «Что, матушка твоя померла? Смотри же, теперь не женись, а отец твой отпустит тебя в монастырь». Так все впоследствии и случилось.

Часто к старцу обращались за советом, собираясь вступить в брак. В те времена это был вопрос очень серьезный, жизненно важный, часто предопределявший дальнейшую судьбу людей. Рассказывали множество случаев, когда советы старца были дальновидны, а пророчества сбывались.

Как-то обратился к старцу молодой купец, недавно внезапно овдовевший. Обратился не напрямую, а через своего брата, поехавшего в Оптину пустынь. Купец просил благословения на повторный брак. Старец Иларион дал неожиданный ответ: «Пусть он погодит еще годок да приедет к нам, и мы посмотрим, не годится ли он нам». Брат передал купцу ответ старца, но тот, по молодости, пропустил совет мимо ушей и женился еще раз. Но через три недели умерла и вторая его жена. А некоторое время спустя, купец сам явился в обитель, был принят в скит и пострижен в монашество.

Мать некоего благочестивого семейства ничего не делала без советов своего духовного отца старца Илариона. Естественно, когда настала пора выдавать единственную дочь замуж, мать привезла ее в Оптину пустынь за советом старца. Девица была видная, приданое – справное, и женихов собралось трое. Мать и дочь три дня ходили к старцу Илариону, надеясь, что он укажет, кого из трех женихов выбрать. Но старец упорно молчал. И только на четвертый день сказал:

«Ну, дочка! Когда уж плыть, так плыть. Переплывешь – будешь человек. Видно, Богу так угодно».

Келейники растолковали просительницам, что мудрый старец подразумевал: девице придется перенести множество скорбей по выходе замуж. Нужно суметь их выдержать.

Так и случилось. Первые три года девушке было очень трудно, в семействе мужа ее приняли неласково, неприятности сыпались одна за другой, даже ее крепкое здоровье расстроилось. С каждым днем слабела она телом и духом, но, помня наказ старца, терпеливо ожидала лучшего. И через три года все внезапно изменилось: к ней вернулось прежнее здоровье, муж стал с ней ласков, молодые зажили в мире и радости, не уставая благословлять мудрого старца.

Но не только прозорливостью прославился старец Иларион. Большое уважение и любовь он снискал кротостью и смирением. Так, однажды двое всерьез рассорившихся монахов попросили старца позволить им в его присутствии объясниться, чтобы мудрый наставник разрешил, кто из них прав, кто виноват. Старец Иларион внимательно выслушал доводы каждого из монахов и сказал: «Из слов ваших выходит, что вы оба правы». Монахи остались неудовлетворены его ответом, и каждый упорно стоял на своем, продолжая браниться. Видя, что спорщики не желают примириться, старец сказал: «Ну, не ожидал я от вас таких плодов!.. Остаюсь один я виноват, что не научил вас самоукорению». И к великому изумлению и смущению спорщиков, старец смиренно склонился перед ними в земном поклоне со словами: «Простите, Бога ради!» Монахи, глубоко тронутые неожиданным поклоном старца, осознали свое самолюбие и просили старца простить их, обещая прекратить бессмысленную вражду. Но опытный наставник простил их не сразу, а только после некоторого испытания.

Множество полезных советов хранится в письмах старца Илариона. Переписка его была обширна, наставлениями старца пользовались не только миряне, духовные его дети, но и многие послушницы и монахини женских монастырей.

С конца 1860 года по 18 сентября 1873 года по отметкам в его записной книжке было отправлено четыре тысячи четыреста сорок два письма. Кроме того, десятки писем рассылались еженедельно при различных оказиях. Дошедшие до нас письма старца не утратили своей духовной значимости до сегодняшних дней.

Но кроме множества последователей и почитателей были у отца Илариона и завистники. Много неприятностей доставили старцу их доносы и жалобы, но никогда отец Иларион не преследовал своих врагов, никогда не мстил им, пользуясь своим положением.

Болезнь и сны

Однако раны сердечные не проходят бесследно. На здоровье старца Илариона сказывался и многолетний изнурительный физический труд.

4 марта 1872 года старец Иларион отслужил последнюю свою литургию. Вернувшись в келью, он сел в кресло и сказал: «Никогда так не уставал, должно быть, пришел конец мой». Через несколько дней он принял пострижение в схиму, сохранив имя Иларион. После этого он слег.

Тяжелая, мучительная болезнь продолжалась больше полугода. Старец страдал от постоянной одышки, по ночам она переходила в удушье, во всем теле были сильные боли. Врачи опасались, что старцу грозит паралич сердца. Но сам старец Иларион сказал о себе так: «Не верю снам, но думаю, что на этот раз останусь жив. Приснилось мне, что вокруг меня сильнейшая гроза: разразился необыкновенный удар грома, но меня миновал, и я остался жив».

Старец был склонен считать свою болезнь следствием того, что как духовник больше занимался чужими грехами и мало каялся в своих. В сновидениях старцу Илариону и раньше часто являлся старец Макарий, но теперь видения участились и приносили страдальцу необыкновенное духовное утешение. В одном из видений старец Макарий сказал: «А я вот к тебе, Иларион, заехал. Я к тебе еще буду, заеду за тобой».

Несмотря на тяжесть болезни, старец до последних дней своих не прекращал положенного в скиту длинного молитвенного правила. Во время болезни старец причащался не реже, чем в два-три дня, а в последние, самые тяжелые тридцать три дня болезни, начиная с 17 августа 1873 года, стал причащаться уже ежедневно. В эти дни старец, предвидя скорую кончину, написал всем дальним духовным детям своим, чтобы приезжали проститься.

Состояние его все ухудшалось. Начиная с 21 августа, старец уже не мог ложиться в постель, не мог сам двигаться и до самой кончины сидел в кресле. Он говорил: «Старцы, бывшие в водяной, все сидели перед кончиною своею, а мне, грешному, отчего не посидеть?»

22 августа проститься со старцем приехала белевская игуменья мать Павлина. Он благословил ее иконой преподобного Илариона, а на вопрос ее о сестрах сказал, чтобы желающие проститься приезжали поочередно, по нескольку сестер. «Еще время терпит, – сказал он, – я еще несколько недель проживу в кресле; в водяной болезни недели по четыре сидят». Как впоследствии оказалось, он сам определил время своего сидения с 21 августа по 18 сентября, то есть четыре недели и один день.

18 сентября 1873 года старец причастился. Он скончался на рассвете, словно заснул в кресле, перебирая в руках четки. Погода в последние дни стояла дождливая и пасмурная, в день же кончины старца прояснилось, выглянуло солнце. При перенесении тела старца в монастырь было так тихо, что по дороге не погасла ни одна свеча. Отпевали старца Илариона в Введенском соборе, освещенном паникадилами и большими свечами. Свечи были розданы всем присутствующим, собор был полон народа, многие толпились в монастырском дворе.

Люди уже при жизни почитали его за святого. Вот одно из свидетельств: «Мне случалось не раз после беседы с ним испытывать на душе такое спокойствие, такой рай, что решительно забываешь все земное. Это испытывали мы на себе и после того, как он уже скончался. Только с той минуты, как мы узнали его, мы поняли, что такое спокойствие духа, что такое мир душевный; а теперь единственное, что поддерживает в великих постоянных скорбях житейских, – это память о нем. Вспомнишь его смирение, его терпение непостижимое, его любовь отеческую ко всем, его снисхождение к нашим великим недостаткам душевным, и невозможно не обратиться на себя, не видеть свою нищету духовную в сравнении с этим облагодатствованным отцом».

Советы и наставления Илариона Оптинского

Не стыдись обнажать струпы твои духовному наставнику и будь готов принять от него за грехи свои и посрамление, чтобы чрез него избежать вечного стыда.

Церковь есть для нас земное небо, где Сам Бог невидимо присутствует и назирает предстоящих, поэтому в церкви должно стоять чинно, с великим благоговением.

Будем любить Церковь и будем к ней усердны; она нам отрада и утешение в скорбях и радостях.

Для ободрения скорбящих старец часто говаривал: *«Если Господь за нас, кто против нас?» (Рим. 8:31).*

Каждое дело необходимо начинать с призывания в помощь имени Божия.

Часто говорил старец о хранении совести, о внимательном наблюдении за своими мыслями, действиями и словами и о покаянии в них. Учил немощи и недостатки нести благодушно. *«Замечания делай,* – наставлял старец, – *не давая пищи собственному самолюбию, соображая, мог ли бы ты сам понести то, что требуешь от другого».*

Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанной молитвой и самоукорением не утишится твое сердце.

Полезнее для души сознавать себя во всем виноватым и последним из всех, нежели прибегать к самооправданию, которое происходит от гордости, а гордым Бог противится, смиренным же дает благодать.

Часто старец приводил изречение апостола: *«Истинная любовь не раздражается, не мыслит зла, николиже отпадает».*

Глава седьмая
Любовь и мудрость преподобного Амвросия Оптинского

Амвросий Оптинский

Преподобный иеросхимонах Амвросий, в миру Александр Михайлович Гренков (23 ноября/7 декабря 1812 – 10/23 октября 1891)

Я зажег фитиль, теперь ваше дело – поддерживать огонь.

Амвросий Оптинский

Во второй половине XIX века тридцать лет жил в келье, встроенной в скитскую ограду с правой стороны от колокольни, старец Амвросий – удивительный человек даже по меркам святой Оптиной пустыни. Кому посчастливилось его знать, запомнили старца благообразным чистеньким старичком, очень согбенным, опирающимся на палку, носившим всегда теплый черный ватный кафтанчик и черную теплую шапочку-камилавку. Было столько щедрой доброты в участливой улыбке, столько любви в выразительных и необычайно живых черных глазах, столько мудрости в советах и рассуждениях.

За помощью, советом, поддержкой, участием, благословением, наставлением стекались к нему люди со всей России. Для каждого нашлось у старца Амвросия нужное слово и, что немаловажно, сказанное вовремя. Старцу было открыто прошлое и будущее каждого пришедшего к нему и страны, в которой тот жил. Но что стоит дар прозорливости без переполненного любовью сердца? Старец Амвросий не давал повода задуматься над этим вопросом. Однако путь его к подвигу служения страждущим выдался многотрудным.

«Борьба со страстями»

В селе Большая Липовица в Липецком уезде Тамбовской губернии в большой семье Гренковых – у сельского пономаря Михаила Федоровича и Марии (Марфы) Николаевны – 23 ноября 1812 года родился шестой ребенок, Александр. Накануне рождения младенца к его деду, священнику этого села, съехалось много гостей на храмовый праздник, была большая суматоха, и в доме, и перед домом толпился народ. Позже старец шутливо приговаривал: «Как на людях я родился, так все на людях и живу». Родителям редко дано знать судьбу своих детей. Не знали ее и Гренковы.

В детстве Александр был очень смышленым, бойким и веселым мальчиком. В двенадцать лет его отдали в первый класс Тамбовского духовного училища. Учился он хорошо и по окончании училища, в 1830 году, поступил в Тамбовскую духовную семинарию. Учеба и там давалась ему легко. Товарищам казалось, что Гренков и не учится вовсе, однако он отвечал всегда лучше всех, «как по книжке читал».

В последнем классе семинарии Александр опасно заболел и дал обет постричься в монахи, если выздоровеет. Он выздоровел, но обет выполнять не спешил, все «жался», по собственному выражению. В июле 1836 года Александр Гренков успешно окончил семинарию, но не пошел ни в Духовную академию, ни в священники, ни в монахи. Некоторое время он был домашним учителем в помещичьей семье, затем преподавал в Липецком духовном училище. Коллеги и товарищи любили его за живой и веселый характер, остроумие и доброту, и все было хорошо, кроме одного: Александру Михайловичу Гренкову не давали покоя укоры совести.

Однажды, гуляя по лесу, в журчании ручья он ясно расслышал слова: «Хвалите Бога, любите Бога…» Александр отправился в село Троекурово за советом к старцу Илариону и услышал: «Иди в Оптину пустынь – и будешь опытен. Можно бы пойти и в Саров, но там уже нет теперь никаких опытных старцев, как прежде» (преподобный Серафим Саровский незадолго перед этим скончался).

В 1839 году, в летние каникулы, Гренков с товарищем отправился на богомолье в Троице-Сергиеву лавру поклониться мощам преподобного Сергия Радонежского – игумена земли Русской. Вернувшись в Липецк, он продолжал сомневаться и никак не мог решиться даже не порвать с миром, а просто сделать шаг в эту сторону. Но видно всему свое время. После одного из вечеров в гостях, когда

Александр Михайлович был особенно в ударе и беспрерывно веселил присутствующих, вернувшись домой, он вспомнил про свой обет и почувствовал искреннее раскаяние. Его решимость зрела всю ночь, и утром, еще не доверяя себе полностью, тайно от всех, не поставив в известность даже епархиальное начальство, он ушел в Оптину пустынь. Позже в письме к Тамбовскому архиерею он объяснит свою дерзость опасениями, что не устоит перед отговорами родных и близких. Кстати, уже будучи старцем, он говорил своим духовным детям: «Вы должны слушаться меня с первого слова. Я – человек уступчивый. Если будете спорить со мной, я могу уступить, но это не будет вам на пользу».

8 октября 1839 года Александр Гренков приехал в Оптину и попросил благословения у старца Льва на жительство в монастыре. Однако теперь не спешила принимать его Оптина, и Гренков получил благословение первое время жить в гостинице, переписывая книгу «Грешных спасение» о борьбе со страстями.

Только в апреле 1840 года Александр Гренков стал послушником Оптиной пустыни.

Химера или…

Некоторое время он был келейником старца Льва и его чтецом. Работал в монастырской пекарне, варил хмелины (дрожжи), пек булки. Через полгода его перевели в скит, год он был помощником повара. Старец Лев любил молодого послушника, ласково называл Сашей. Но воспитывал его сурово: дал прозвище Химера, подразумевая пустоцвет, который бывает на огурцах, при людях испытывал его смирение, делая вид, что гневается на него за дело. Но другим про него говорил: «Великий будет человек». После смерти старца Льва брат Александр стал келейником старца Макария.

В 1842 году он был пострижен в мантию и наречен Амвросием в честь святителя Амвросия Медиоланского. В 1843 году последовало иеродиаконство, а через два года – рукоположение в иеромонахи. Это было время ученичества, тесного общения со старцем Макарием, который «воспитывал в нем строгого подвижника, украшенного нищетой, смирением, терпением и другими иноческими добродетелями». Когда старец Макарий начал книгоиздательскую деятельность, отец Амвросий стал его незаменимым помощником, занимался переводом духовных книг. В частности, он переложил с

древнеславянского и подготовил к печати знаменитую «Лествицу» преподобного Иоанна Лествичника, игумена Синайского.

Предвидя свою кончину, старец Макарий постепенно знакомил отца Амвросия с посетителями обители, искавшими советов и утешения. Видя его беседующего с ними, старец Макарий, бывало, шутливо промолвит: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий-то у меня хлеб отнимает!» А близким говаривал: «Отец Амвросий вас не бросит».

Наблюдательный, любознательный и сметливый от природы, отец Амвросий умел удивительно легко разговаривать с людьми и занимался приемом посетителей Оптиной пустыни с большой любовью. Тогда же впервые стал проявляться его дар прозорливости.

Однажды старец Макарий послал отца Амвросия в гостиницу к приезжей богатой госпоже, которая готовилась причаститься – говела. Будучи наслышанной об отце Амвросии много хорошего, она стала говорить ему о своих неудачах, ожидая услышать сочувственное слово. Однако отец Амвросий, выслушав даму, спокойно сказал: «По делам вору и мука». Госпожа обиделась и прекратила разговор. На следующий день старец Макарий пошел в гостиницу поздравить госпожу с причащением и взял отца Амвросия с собой. Увидев вчерашнего гостя, дама призналась, что много думала над его словами и, разволновавшись, поняла, что он сказал про нее правду. Старец Макарий знал, что готовит себе достойного преемника.

«Как на людях я родился, так все на людях и живу»

После кончины старца Макария 7 сентября 1860 года, отец Амвросий был избран старцем. Теперь он жил в небольшом домике, встроенном в скитскую ограду с правой стороны колокольни. К западной стороне домика была сделана пристройка, называемая хибаркой, для приема женщин, которых в скит не пускали. Начинался долгий тридцатилетний путь служения старца Амвросия людям.

С раннего утра и до позднего вечера к нему приходили посетители с бедами, скорбями, проблемами. Людей привлекали мудрость и безграничная доброта, огромная любовь и желание помочь, и, что немаловажно, необыкновенная прозорливость старца Амвросия,

которую, впрочем, он всячески скрывал. Однако скрыть такой редкий дар сложно, и примеров его прозорливости множество.

Для него не было тайн, он видел своего собеседника, что называется, насквозь: мысли, чувства, желания, слабости. Любовь, такт и огромная вера в человека позволяли ему найти к каждому верный подход, а его слова заставляли серьезно задуматься над недостатками. Современники отмечали его удивительную способность воздействовать на души. Его меткие загадки, притчи, шутки, образные выражения надолго оставались в памяти. Например:

«Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного».

«Не хвались горох, что ты лучше бобов, размокнешь – сам лопнешь».

«Отчего человек бывает плох? – Оттого, что забывает, что над ним Бог».

«Кто мнит о себе, что имеет нечто, тот потеряет».

«Жить – не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем мое почтение».

Одна дама, часто бывавшая у старца Амвросия, пристрастилась к игре в карты и стеснялась сознаться ему в этом. Однажды на общем приеме она попросила у старца карточку, имея в виду фото. Старец внимательно посмотрел на нее и сказал: «Что ты, мать? Разве мы в монастыре играем в карточки?» Дама поняла намек и покаялась старцу в своей слабости.

Конечно, он расспрашивал посетителей, но очень часто по тому, какие вопросы он задавал, внимательному человеку нетрудно было догадаться, что старцу все известно. Иногда, по живости характера, он невольно обнаруживал это свое знание, но тут же очень смущался. Однажды к отцу Амвросию подошел молодой человек из мещан с рукой на перевязи и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. Не успел он договорить: «Все болит, шибко болит», – как старец его перебил: «И будет болеть, зачем мать обидел?» Но тут же смутился и продолжил уже другим тоном: «Ты ведешь-то себя хорошо ли, хороший ли ты сын? Не обидел ли мать?»

Сам от природы живой и сообразительный, с крепкой практической жилкой, старец Амвросий любил людей деятельных, энергичных, бодрых, живущих в соответствии с принципами: «На Бога

надейся, да сам не плошай» и «Боже-то поможи, да сам, мужик, не лежи!». Благословлял самые смелые начинания, с увлечением обсуждал подробности предприятия, давал пояснения и советы, скрывая многознание и прозорливость за словами «люди говорят». Его благословение всегда означало будущую удачу «прожекта».

Пришел как-то к старцу богатый орловский помещик и между прочим обмолвился, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. Отец Амвросий тут же загорелся, он уже живет этим водопроводом, видит его. «Люди говорят, – начинает он как обычно в таких случаях, – что вот как всего лучше» – и подробно описывает водопровод. Помещик, вернувшись в деревню, начинает читать специальную литературу и оказывается, что старец описал последние изобретения по этой части. Помещик снова в Оптиной. «Ну, что водопровод?» – с горящими глазами спрашивает отец Амвросий помещика. Оказывается, в округе только у него одного богатый урожай прекрасных яблок.

Или другой пример. У одного монаха сестра была замужем за помещиком, часто посещавшим Оптину. Однажды старец Амвросий завел с ним такой разговор:

– Говорят, около тебя имение выгодно продается. Купи.

Помещик удивился:

– Продается, батюшка. И как бы хорошо купить, сам бы того желал, да это мечта одна: имение большое, просят чистыми деньгами, хоть и дешево, а у меня денег нет.

– Денег нет, – повторил тихо батюшка, – деньги-то будут.

Они еще поговорили о другом и на прощание отец Амвросий сказал:

– Слышишь – имение-то купи.

Помещик отправился домой. По дороге жил его дядя, богатый, но скупой старик, избегаемый родней. Лошадям нужен был отдых, пришлось заехать к дяде. Во время беседы он спросил племянника:

– Отчего не купишь имение, которое около тебя продается, хорошая покупка!

– Что спрашивать, дядюшка. Откуда мне столько денег взять?

– А если деньги найдутся? Хочешь, я тебе взаймы дам?

Племянник принял это за шутку, но дядя не шутил. Имение было куплено. Недели не прошло, подоспели купцы покупать часть леса.

Торговаться не стали, купцы сразу назвали ту цену, за которую было куплено все имение, и помещик смог вернуть долг дяде.

Когда строили Шамординскую обитель, о ней речь пойдет дальше, отец Амвросий вникал во все подробности, нередко удивляя окружающих. Не выходя из кельи, старец знал каждый угол Шамордина и все подробности ведущегося строительства. Приходит монах, заведующий постройкой, заходит речь о песке.

– Ну, отец Иоиль, песок у тебя теперь свален, аршина. (точно прикидывает в уме) аршина два с половиной глубины будет, или не будет?

– Не знаю, батюшка, смерить не успел.

Еще два раза спрашивает отец Амвросий о песке, и «все не мерили», а как смерили наконец – два с половиной аршина. Или примется старец прикидывать план здания. Взглянет на длину и скажет: «Аршин сорок шесть тут будет?» Потом план переиначивают, делают пристройки, укорачивают, а как здание готово – непременно сорок шесть аршин окажется.

Но чаще всего, конечно, к старцу Амвросию шли с житейскими вопросами. Его спрашивали о замужестве и женитьбе, детях, жизненных намерениях и проблемах. Мелочей для отца Амвросия не существовало. Он знал, что все в жизни имеет свою цену и свои последствия. Не было ни одного вопроса, на который бы он не ответил с неизменным участием.

Своей прозорливостью старец Амвросий удивлял многих, после чего люди полностью отдавались его руководству, веря, что он лучше, чем они сами, знает, что для них полезно. Так было и с одной образованной девушкой, окончившей высшие курсы в Москве. Она никогда не видела старца Амвросия, но заочно его не любила, называла лицемером. Мать уговорила ее побывать у старца Амвросия. Придя к старцу на общий прием, девушка стала позади всех, у самой двери. Вошел старец и, отворив дверь, закрыл ею молодую девушку. Помолившись и оглядев всех, он вдруг заглянул за дверь и говорит: «А это что за великан стоит? Это Вера пришла смотреть лицемера!» После этого он побеседовал с ней, и отношение к нему девушки совершенно переменилось, позже она даже поступила в Шамординский монастырь.

Приведем слова писателя Евгения Николаевича Поселянина: «Среди тех жизненных предположений, которые я открыл старцу и на которые он меня благословил, некоторые казались совершенно неисполнимыми. А между тем жизнь шла – вернее, Божья воля постепенно приближала исполнение того, что он считал возможным и нужным. И если я вижу, что надо приступать к какому-нибудь делу, благословленному старцем – соберись тут полки знатоков этого дела с пророчеством неудачи, – я знаю, что оно удастся. И мало-помалу я совершенно свыкся с тем, чтобы ничего важного не делать, не спросясь наперед старца».

Из столицы приехали к старцу две сестры. Младшая – влюбленная счастливая невеста, просила благословить ее выбор. Старшая – тихая, задумчивая, богомольная, мечтала о пострижении. Отец Амвросий протянул младшей четки, а старшей сказал: «Какой монастырь! Ты замуж выйдешь, да не дома, вот тебе что!» И назвал губернию, куда сестры никогда не ездили. Девушки в полном недоумении возвратились в Петербург, где младшая узнала, что жених ей изменил. Она не смогла справиться с потрясением, что и привело ее в монастырь. Тем временем сестра получила письмо из дальней губернии от забытой тетки, набожной женщины, жившей рядом с какой-то обителью. Она звала девушку в гости присмотреться к жизни монахинь. Та поехала, у тетки познакомилась с мужчиной, уже немолодым, но близким ей по характеру, и вышла за него замуж. Надо ли говорить, что это произошло в губернии, названной старцем?

Удивительный случай произошел с неким мастеровым, делавшим иконостас в оптинской церкви. Работу он выполнил, получил за нее у настоятеля крупную сумму денег и перед отъездом зашел к старцу Амвросию получить благословение на обратный путь. Ехать надо было срочно: дома ожидался большой заказ «тысяч на десять». Пока ожидал приема в толпе страждущих, к нему вышел келейник и передал, что старец Амвросий ожидает его вечером чай пить. Как не надо было торопиться мастеровому, а ради «чести и радости пить чай у старца» он отложил поездку до вечера. Вечером старец Амвросий угостил его чаем, да и, находя предлог за предлогом, задержал, на три дня: то всенощная, то обедня, то чай пить. Мужик извелся: отказать старцу не может, и ехать надо – заказчики ждать не будут, верный заработок из рук уплывает. На четвертые сутки отпустил старец

Амвросий мастерового со словами: «Ступай с Богом! Бог благословит! Да по времени не забудь Бога поблагодарить!» Приехал мужик домой, за ним следом приехали опоздавшие на три дня заказчики. Но этим дело не закончилось. Года через четыре смертельно заболел его старший мастер: золотой работник, доверенный человек, живший в хозяйском доме более двадцати лет. И перед смертью признался, что в ту ночь, когда должен был мастеровой возвращаться из Оптиной с заработанными деньгами, его, по наводке мастера, позарившегося на деньги, под мостом ждали трое разбойников с ножами. Три ночи ждали. Молитвы старца Амвросия и провидение предотвратили убийство.

Подобные примеры можно продолжать бесконечно, их действительно множество. Однако старец мог не только дать дельный совет, но и облегчить самое тяжелое горе и утешить самую скорбную душу.

Одна женщина рассказывала: «У меня был сын, служил на телеграфе, разносил телеграммы. Батюшка знал и его, и меня. Сын часто носил ему телеграммы, а я ходила за благословением. Но вот мой сын заболел чахоткой и умер. Пришла я к нему – мы все шли к нему со своим горем. Он погладил меня по голове и говорит: „Оборвалась твоя телеграмма!" „Оборвалась, – говорю, – батюшка!" – и заплакала. И так мне легко на душе стало от его ласки, как будто камень свалился. Мы жили при нем, как при отце родном».

Как скрывал старец Амвросий свой провидческий дар, так скрывал он и дар исцеления. В основном посылал больных к святому источнику в Тихонову пустынь к преподобному Тихону Калужскому или к святому Митрофану Воронежскому. Но больные часто исцелялись в пути и возвращались обратно благодарить старца. И здесь отец Амвросий иногда «забывался»: стукнет, бывало, посетителя как бы в шутку рукой по голове, болезнь и проходит.

«Это не я, это – мой ангел»

Были исключительные случаи. Рассказывали, что однажды старец Амвросий, согбенный, опираясь на палочку, шел откуда-то по дороге в скит. Видит: стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, над

ней плачет крестьянин. Потеря лошади, кормилицы в крестьянском быту, – огромная беда, часто непоправимая потеря. Приблизившись к павшей лошади, старец стал медленно ее обходить. Потом взял хворостину и стегнул лошадь, прикрикнув на нее: «Вставай, лентяйка» – и лошадь послушно поднялась на ноги.

Случалось, что еще при жизни своей старец являлся за сотню верст людям, его никогда не видевшим и даже никогда о нем не слышавшим. Это были именно явления, потому что отец Амвросий по болезни практически не выходил из своей кельи в Оптиной, в последние годы жизни посещал только Шамординский монастырь, да и то только летом.

Во время этих явлений старец Амвросий предостерегал от опасности, давал советы, наставлял, как исцелиться от болезни, или исцелял. Жена сельского священника, приехав в Оптину, рассказывала, что однажды ночью, когда и она, и муж спали в отдельных комнатах, она почувствовала, что ее будят. «Вставай скорее, – говорил голос, – а то мужа убьют!» Открыв глаза, женщина увидела, что перед нею стоит монах. Думая, что это сон, она закрыла глаза и снова заснула, опять была разбужена тем же монахом, но снова не поверила глазам. Когда она снова заснула, монах стал дергать за одеяло со словами: «Скорей, как можно скорей беги: вот, сейчас беги!» Вскочив с постели, она побежала через зал в кабинет мужа и в дверях кабинета увидела кухарку, шедшую туда с большим ножом, чтобы зарезать священника. Приход жены спас его. Через некоторое время, приехав к своей сестре, она увидела на стене портрет являвшегося ей монаха и тут в первый раз в жизни услышала об отце Амвросии и Оптиной пустыни.

Жительница города Козельска А. Д. Карбоньер была тяжко больна и лежала, не вставая, в постели. Однажды она увидела, как отец Амвросий входит в ее комнату, приближается к постели, берет ее за руку, говорит: «Вставай! Полно тебе болеть!» – и становится невидимым. Женщина действительно встала с постели и пешком пошла в Шамордино благодарить исцелителя. Старец Амвросий принял ее, велев молчать о случившемся до своей смерти.

Пожилая женщина рассказывала группе ожидающих приема, что с больными ногами шла из Воронежа, надеясь, что старец исцелит ее. В семи верстах от монастыря заблудилась, выбилась из сил, попав на занесенные снегом тропинки, и в слезах упала на сваленное бревно. В

это время к ней подошел старичок в подряснике и скуфейке и, спросив о причине слез, указал клюкой направление пути. Она пошла в указанную сторону и за кустами сразу увидела монастырь. В момент рассказа на крыльцо вышел келейник старца и спросил: «Где тут Авдотья из Воронежа?» Все молчали, переглядываясь. «Голубушки мои! – подхватилась только что пришедшая рассказчица с больными ногами. – Да ведь Авдотья из Воронежа я сама и есть!» Все расступились, и странница, проковыляв до крылечка, скрылась в дверях. Минут через пятнадцать она вышла из домика в слезах и, рыдая, отвечала, что старичок, указавший ей дорогу в лесу, был не кто иной, как сам отец Амвросий или кто-либо уж очень на него похожий. Но в монастыре не было никого похожего на отца Амвросия, а сам он в зимнее время из-за нездоровья не мог выходить из кельи.

Помог старец и бедному многодетному дворянину, служившему в имении у помещика. Помещик имение продал и служащего рассчитал. Положение отца семейства оказалось крайне тяжелым, он и собрался в Оптину за советом. Пока собирался, мимо дома проходил странник в монашеском одеянии. Хозяин зазвал странника к себе, угостил, чем мог, рассказал о своем горе и о намерении идти в Оптину. Странник сказал, что отец Амвросий переехал в Шамордино, посоветовал поспешить, чтобы застать его, и ушел. Придя в Шамордино и попав к старцу Амвросию, бедняк узнал в нем встреченного странника. «Молчи, молчи!» – сказал ему старец и указал на стоявшую тут же барыню: «Вот у нее служить будешь и успокоишься». Барыня оказалась богатой помещицей и дала ему хорошую должность в своем имении.

Когда старца Амвросия спросили, как он, не выходя из кельи, является некоторым наяву, он ответил: «Это не я, это – мой ангел».

«Мне кажется, что для всех, прибегавших к отцу Амвросию, он представляется в двойном виде: во-первых, великий старец, прославленный подвижник, с ореолом святости, с дивными дарами, чудотворивший еще при жизни; и потом для всякого в отдельности – самый близкий, самый ласковый, самый трогательный человек, какого можно себе вообразить. И обе эти стороны в отце Амвросии дополняли и возвышали друг друга», – писал русский духовный писатель Евгений Николаевич Поселянин (Погожев). Думается, что под этими словами мог бы подписаться практически каждый из

посетителей старца, среди которых были представители всех слоев общества: от нищих крестьян до членов царской фамилии. Его посещали известные общественные деятели и писатели: Федор Михайлович Достоевский, Владимир Сергеевич Соловьев, Константин Николаевич Леонтьев, Лев Николаевич Толстой, Михаил Петрович Погодин, Николай Николаевич Страхов и другие. Он принимал всех с одинаковой любовью и расположением.

«Неузнанный гений» Константин Николаевич Леонтьев и Оптина пустынь

Религиозный философ, писатель, публицист, литературный критик, Константин Николаевич Леонтьев имел возможность, узнав монашескую жизнь изнутри, сравнивать старцев русского Пантелеймонова монастыря на Афоне и Оптиной пустыни.

Сын небогатого калужского дворянина, Константин Николаевич родился в имении Кудиново Калужской губернии недалеко от Оптиной пустыни. Учился на медицинском факультете Московского университета. Досрочно добился звания военного врача и уехал на фронт участвовать в Крымской кампании 1853 года. Работал в госпиталях Керчи и Феодосии. Десять лет в качестве российского консула провел в Турции. Объездил и обошел весь Балканский полуостров, близко познакомившись с жизнью населявших его многочисленных народов. Знакомство с политическими и национальными проблемами региона коренным образом повлияло на формирование историко-философских и политических взглядов Константина Николаевича.

Во время одной из дальних поездок он внезапно заболел холерой и, вылечившись чудом, дал обет перед иконой Божьей Матери постричься в монахи. При этом Константин Николаевич был человеком глубоко неверующим. В смятении чувств от ответственности перед данным обещанием и внутренней неготовности к его выполнению он отправился в русский Пантелеймонов монастырь на Афоне, к известному старцу Иерониму.

Старец в ответ на просьбу Леонтьева срочно постричь в монахи его, неверующего в Бога, постарался гостя успокоить и объяснить, что

невозможно так сразу постригаться, необходимо сначала устроить свои дела в миру, чтобы быть свободным, подготовиться, пройти послушание. Сказал и разные другие слова, которые принято говорить в подобных случаях. После нескольких бесед со старцем Иеронимом о Боге, вере и неверии, о монашестве Константин Николаевич принял решение об отставке и на год остался в Афонском монастыре.

Этот год был наполнен трудной духовной работой, постоянным общением со старцем Иеронимом, который был не только опытным и мудрым руководителем, но и великолепным собеседником. Всю жизнь Константин Николаевич с теплым, светлым чувством вспоминал своего первого наставника. Но добиться пострижения в Афонском монастыре ему не удалось. Тогда он еще не знал, что исполнение обета пострижения постепенно затянется у него на двадцать лет. В качестве сдерживающих обстоятельств выступят и связавшая по рукам и ногам любимая, но беспомощная душевнобольная жена, и невозможность оставить литературно-публицистическое творчество, и ограниченность в средствах к существованию.

В 1872 году Леонтьев возвращается в Россию, в свое калужское имение. С этого времени он начинает посещать Оптину пустынь в полумонашеском положении ученика отца Климента (Зедергольма) и отца Амвросия. За четыре года он очень возмужал духовно, дошел до счастья веры в Бога.

Но литературное творчество не давало достаточно средств, а срок прежней службы не позволял рассчитывать на пенсию. Поэтому Леонтьев решил снова поступить на службу. Несколько лет он пробыл членом Московского цензурного комитета, пока в 1887 году не вышел вторично в отставку. На этот раз влиятельные друзья в Петербурге выхлопотали ему пенсию, и Константин Николаевич поселился в Оптиной пустыни. Он жил в полумонашеском положении, на собственной квартире. Климента (Зедергольма) уже не было в живых, и Леонтьев поступил полностью под духовное руководство старца Амвросия.

Константин Николаевич считал, что для духовной жизни необходимы катехизатор (учитель теории) и старец (руководитель самой жизни в ее частностях). И, сравнивая афонского старца Иеронима с оптинским Амвросием, приходил к выводу, что отец Иероним был для него и катехизатор, и старец, а отец Амвросий –

только старец. При этом Леонтьев признавал, что в духовных дарованиях оба старца были равны, нравственно высоки, оба – святой жизни. Как известно, почитание первого учителя, преклонение перед ним всегда самое сильное, яркое. Константин Николаевич искал у старца Амвросия тех же философских и богословских наклонностей, какими обладал отец Иероним, и, не находя, расстраивался. Он переживал даже, что старец Амвросий, в отличие от неулыбчивого афонского старца, «всегда был весел, часто шутил, любил разные поговорки и рифмы в народном вкусе».

Позже Лев Александрович Тихомиров, хорошо знавший Константина Николаевича, писал: «Раз он говорил со мной о прозорливости, о таинственном влиянии, проявляющихся у старцев вроде Иеронима Афонского, Амвросия Оптинского, Варнаввы и т. п. Потом вдруг запнулся и неожиданно заметил:

– Да это наш христианский гипнотизм… Признаюсь, меня смущают явления гипнотизма. Я стараюсь об этом не думать…

Почему он смущался? Вера хотела видеть чудо в прозорливости и духовном влиянии, видеть действие особых божественных сил. А разум медика и естественника задавал лукавый вопрос: какая же объективная разница между гипнотизмом „христианским" и обыкновенным? Леонтьев не умел определить разницы и „старался не думать" о неприятном вопросе.

Впрочем, вера его не подрывалась такими недоумениями. Он давно жил в атмосфере уверенности, что во всем, великом и малом, мистическом и естественном, совершается воля Божия, без которой ничего не может с ним случиться, ни приятного, ни скорбного. <…>

Леонтьев очень настойчиво проповедовал страх Божий, но, собственно, потому, что в этом чувстве проявляется полное убеждение в реальности бытия Бога, а потому и сознание, что возбудить Его гнев – очень опасно. Конечный же результат веры – это любовь. Леонтьев уже имел ее, и потому ему было жаль меня, для которого, при сухости сердечной веры, недоступно оставалось счастье, ею даваемое. Он и старался мне всячески помочь, и, можно сказать, не оставлял меня в покое настояниями, чтобы я пошел в духовной жизни таким путем, который приводит к сердечной вере. Для этого нужно прежде всего руководство „старца"».

В письме к Тихомирову Леонтьев признается: «В Вас я вижу нечто такое, что меня за Вас тревожит. Боюсь быть откровенным, боюсь оскорбить как-нибудь, боюсь лишиться Вашего доброго расположения. Но в надежде на то, что Господь расположит сердце Ваше принять слова мои так же искренно и просто, как я их говорю, – буду откровенен. Вы на прекрасном пути, Вы ищете именно того, что нужно искать, но я замечаю в Вас какую-то нерешительность и вредную медленность. В чем же? Да хоть бы и в том, например, что Вы, вероятно, и могли бы побывать в Оптиной и видеть от. Амвросия. но откладывали и теперь жалеете. И еще, Вы чувствуете потребность найти духовника и говорите, что „страшно". Почему же страшно? Во-первых, наши русские духовники и даже знаменитые старцы скорее слишком снисходительны, чем чересчур строги в своих требованиях. Или потому страшно, что вдруг он, духовник, не понравится, а менять нехорошо? Так ли? Или еще что-нибудь, чего я не придумаю? Многое, многое можно по этому поводу Вам сказать. Но вот что: сделайте опыт послушания (т. е. против воли, против расположения). Послушайтесь для опыта меня, окаянного и многогрешного, только один раз, не по убеждению практического разума, а по другому чувству. <…> по правде сказать, я думаю, что Вам пока нужнее катехизатор (учитель теории), чем старец (руководитель жизни самой в ее частностях). В старцы я, разумеется, не гожусь, и смешно даже мне и думать об этом! Но катехизатором, не лишенным пригодности, сам от. Амвросий удостоивал меня признавать. Для старчества нужна особая благодатная сила. Для проповеди и обучения теории достаточно искренней собственной веры и некоторых умственных способностей. Иногда эти свойства соединяются в одном лице, иногда они раздельны».

Между тем старец Амвросий, несмотря на настоятельные просьбы Константина Николаевича о постриге, все оттягивал таинство. О причинах этого мы уже никогда не узнаем. Возможно, имеет смысл провести параллели между судьбами Леонтьева и самого старца. Ведь и Александр Михайлович Гренков долгие годы «жался» с выполнением собственного обета пострига, а потом его не спешили принять в Оптиной. Но это только догадки. Как бы там ни было, из каких-то своих духовнических соображений старец Амвросий согласился на тайный постриг Константина Николаевича только за несколько недель до своей смерти и до смерти Леонтьева. Учитывая

прозорливость старца, трудно поверить, что он не знал об этом. Более того, благословив на тайный постриг, старец Амвросий поставил условие: покинуть навсегда Оптину пустынь, переселившись в Троице-Сергиеву лавру.

23 августа 1891 года Константин Николаевич Леонтьев, наконец, добился того, чего ждал два десятилетия. В скиту Оптиной пустыни он принял тайный постриг с именем Климент. Через два с половиной месяца, 12 ноября 1891 года, в возрасте шестидесяти лет он скончался в Троице-Сергиевой лавре от воспаления легких.

В начале 1920 годов, когда развернулась кампания борьбы с «идеологами российской реакции» и «адептами церковного „мракобесия"», его могила была уничтожена, а умница Константин Николаевич Леонтьев для нескольких поколений соотечественников остался, по определению Дмитрия Лихачева, «неузнанным гением».

Знаменитый «ересиарх» граф Лев Николаевич Толстой

В 1896 году граф Лев Николаевич Толстой был занят делом, которое казалось ему очень важным, – он «редактировал». Евангелие, откидывая чудеса и все, что ему казалось лишним. Параллельно шла работа над «Христианским учением» и статьей «Как читать Евангелие и в чем его сущность?».

В статье Толстой откровенничает: «Ко мне часто обращались и обращаются молодые люди и люди из народа, усомнившиеся в истине учения церкви, в которой они воспитаны, спрашивая меня, в чем состоит мое учение, как я понимаю христианское учение? Такие вопросы всегда огорчают и даже оскорбляют меня. Я отвечаю: у меня нет никакого учения, а понимаю я христианское учение так, как оно изложено в Евангелиях. Если я писал книги о христианском учении, то только для того, чтобы доказать неверность тех объяснений, которые делаются толкователями Евангелий». Далее он советует в Евангелиях взять то, что просто и понятно, и пометить синим карандашом; потом в синем подчеркнуть красным слова самого Христа и с помощью этого красного попытаться понять запутанное и непонятное. Именно этой работой граф Лев Николаевич и занялся. «В моем Евангелии отметки сделаны мною соответственно моему пониманию», – признавался он.

Оставим на совести писателя его кокетство по поводу отрицания собственного учения. Ведь именно к этому он и стремился – к созданию нового учения, и ни какого-нибудь философского, а всеобъемлющего – нравственно-религиозного. Однако создать что-то принципиально новое, по-настоящему оригинальное – дело невероятно трудное, гораздо проще «отредактировать» уже существующее в соответствии с собственным разумением. Именно на этом и «поймала» графа Толстого Церковь. Да и не только она.

В 1878 году через общих знакомых Толстой познакомился с идеями библиотекаря Румянцевской библиотеки Николаем Федоровичем Федоровым. Идеи Федорова показались ему «несимпатичными», но личность и образ жизни заинтересовали. В 1881 году, находясь в Москве и переживая духовный кризис, Толстой вспомнил о Федорове и сам пришел к нему в библиотеку знакомиться. Николай Федорович писал: «В конце сентября 1881 года я познакомился с Толстым, слушал чтение его Евангелия. <…> В этом же году началось превращение великого художника Толстого в плохого философа».

Запись в дневнике Толстого от 5 октября 1881 года: «Николай Федорович – святой.» Толстого изумляет в Федорове и неудержимо притягивает к нему непосредственная естественность. То, что Толстому – самоназванному пророку опрощения и любви к ближнему давалось с огромным трудом, – для Федорова было образом жизни.

Современники называли Николая Федорова русским Сократом XIX века. По Федорову, все люди земли должны объединиться для общего великого дела – воскрешения предков: нет более высокой цели и более нравственной задачи, нежели вернуть жизнь тем, кто дал ее нам. Кстати, философия Федорова потрясла Федора Михайловича Достоевского созвучностью его собственной мысли о необходимости собственного дела и громадностью, всечеловеческой охватностью, дерзостью нравственной, хотя и вполне утопической мысли.

Несмотря на то что Толстому философские идеи Федорова близки не были, сближение между двумя большими личностями сначала пошло очень быстро. Но чем лучше узнавали они друг друга, тем Толстой больше проникался уважением к скромному библиотекарю, а Федоров, любя и высоко оценивая талант писателя Льва Толстого, все сильнее сторонился Льва Толстого – новоявленного мессию. Особенно

непримирим был Федоров к учению Толстого о неделании и непротивлении. Как только он не называл Льва Николаевича, «величайшим лицемером нашего времени», представителем «опошлевшего иконоборства», «иностранцем, пишущем о России», «панегиристом смерти».

Основной слабостью учения Толстого Николай Федоров считал отсутствие в нем четкой целевой установки, созидательного идеала, его по сути своей отрицательный характер: учит лишь тому, чего не надо делать («не противься злу», «не убий», «не суди» и т. д.). Кроме того, Николай Федоров неоднократно недоумевал по поводу кричащего противоречия: с одной стороны, Толстой резко отрицал иконы, называя их дощечками. (Больше всего Николая Федоровича возмущало, что любимый народом образ Иверской Божьей Матери Толстой считал «злым».) С другой стороны, Толстой необычайно любил позировать художникам и фотографам, даже успел запечатлеться на киноленте. «Отвергая почитание икон, священных изображений – свои изображения, свои иконы Толстой распространяет всюду, так что, если бы собрать все разнообразные иконы Толстого – а это и будет когда-либо сделано, – получится громадный иконостас», – сердился Федоров.

Со временем Федоров все чаще отказывался вступать в общение с Толстым, несмотря на просьбы, и наконец окончательно с ним порвал. При этом сам Толстой, как известно, чрезвычайно дорожил мнением Николая Федоровича, чуть не трепетал перед ним, бегал жаловаться директору Румянцевской библиотеки, что Федоров не хочет иметь с ним дела, не подает руки.

Чтение писем, дневниковых записей Льва Толстого, воспоминаний о нем близких и современников создает впечатление выдуманной, насквозь фальшивой, несчастливой жизни. «Очень, очень грустно, – пишет Толстой знакомому, прося письмо разорвать. – Кажется, что запутался, живу не так, как надо (и даже наверное знаю), и выпутаться не знаю как: и направо дурно, и налево дурно, и так остаться дурно. Одно облегченье, когда подумаешь и почувствуешь, что это крест, и надо нести. В чем крест, трудно сказать: в своих слабостях и последствиях греха. И тяжело, тяжело иногда бывает». Из дневника: «Мне тяжело, гадко. Не могу преодолеть себя. Хочется подвига. Хочется остаток жизни отдать на служение Богу. Но Он не

хочет меня. Или не туда, куда я хочу. И я ропщу. <…> Не могу преодолеть тоски. Главное, хочу страдать, хочу кричать истину, которая жжет меня».

Граф Лев Николаевич Толстой был в Оптиной пустыни несколько раз. Первая поездка состоялась в 1877 году вместе с Николаем Николаевичем Страховым. «Очень горд», – сказал после беседы с писателем старец Амвросий. А Толстой сделал вид, что его больше, чем беседа со старцем, заинтересовал келейник Пимен, который спал во время их беседы.

Следующий визит в Оптину состоялся через несколько лет. На этот раз Толстой взял с собой слугу С. Арбузова. В летописи Оптиной пустыни сохранилась любопытная запись. «У старца Амвросия был и граф Лев Николаевич Толстой. Пришел он в Оптину пешком в крестьянской одежде, в лаптях, с котомкой за плечами. Впрочем, скоро открылось его графское достоинство. Пришел он что-то купить в монастырскую лавку и начал при всех раскрывать свой туго набитый деньгами кошелек, а потому вскоре узнали, кто он таков. Он остановился в простонародной гостинице. Когда Толстой был у старца Амвросия, то указал ему на свою крестьянскую одежду. „Да что из этого?" – воскликнул старец с улыбкой». В это посещение Толстой развил старцу свои «духовные открытия» и получил должный отпор.

В 1890 году Толстой снова посетил Оптину, когда ездил в Шамордино навестить свою монашествующую сестру Марию Николаевну. Войдя к старцу Амвросию, граф принял благословение и поцеловал старцу руку, а выходя поцеловал в щеку, чтобы избежать благословения после трудного разговора. «Он крайне горд», – вынес вердикт старец. А у Толстого с этого времени возникла сильная неприязнь к старцу Амвросию.

Скорее всего, тогда же в Оптиной пустыни происходит его встреча с Константином Леонтьевым. Леонтьев оценил эту встречу коротко: «Сейчас ушел от меня граф Л. Н. Толстой. Был ужасно любезен, но два часа спорил. Он неисправим».

– Жаль, Лев Николаевич, – посетовал Леонтьев во время беседы, – что у меня мало фанатизма. А то бы написал в Петербург, где у меня есть связи, чтобы вас сослали в Томск и чтобы не позволили ни графине, ни дочерям вашим посещать вас, и чтобы денег вам высылали мало. А то вы положительно вредны.

– Голубчик, Константин Николаевич! – с жаром воскликнул Толстой. – Напишите, ради Бога, чтобы меня сослали. Это моя мечта. Я делаю все возможное, чтобы компрометировать себя в глазах правительства, и все сходит мне с рук. Прошу вас, напишите.

Сохранилась короткая дневниковая запись Толстого об этой встрече: «Он сказал: вы безнадежны. А я сказал ему: а вы надежны. Это выражает вполне наше отношение к вере». «Православие наше есть первый и злейший враг Христа и его учения», – проповедовал Толстой.

«У Бога милостей много, – утешал старец Амвросий сестру Толстого, Марию Николаевну. – Он, может быть, и твоего брата простит. Но для этого ему нужно покаяться и покаяние свое принести перед целым светом. Как грешил на целый свет, так и каяться перед ним должен. Но когда говорят о милости Божией люди, то о правосудии его забывают, а между тем Бог не только милостив, но и правосуден. Подумайте только: Сына Своего Единородного, возлюбленного Сына Своего, на крестную смерть от руки твари во исполнение правосудия отдал!..»

А Лев Николаевич заявлял сестре: «С какой радостью я жил бы в Оптиной, исполняя самые низкие и трудные дела; только бы поставил условием не принуждать меня ходить в церковь». Мария Николаевна, хорошо знавшая брата, возражала: «Но и с тебя взяли бы условие ничего не проповедовать и не учить».

Лев Николаевич бывал в Оптиной и после смерти старца Амвросия. В основном в то время, когда гостил у сестры в Шамордино. Приезжал в Оптину верхом, привязывал коня у скитской ограды и, не заходя ни в скит, ни в монастырь, уходил по тропинке в лес к речке Железинке, чудесным реликтовым соснам, тишине и одиночеству.

В августе 1896 года Лев Николаевич был в Оптиной вместе с женой, Софьей Андреевной. Супруги посетили могилы А. И. Остен-Сакен, тетки Толстого, закончившей свои дни в Оптиной пустыни, и Е. А. Толстой. Лев Николаевич нашел большой упадок и во внешнем устройстве, и во внутреннем духе монастыря. И привел в ужас монаха.

– Отчего не исповедуетесь? – спросил монах Толстого, ожидающего с исповеди Софью Андреевну.

– Грех делать посредником между собой и Богом человека, – отрезал граф.

– Грех причащаться? – не поверил ушам монах.

– Грех.

Оптина пустынь была открыта для всех, кто был готов прийти. Но получить ответ можно только на заданный или, по крайней мере, сформулированный для себя вопрос. И еще для этого нужно уметь слушать. Граф Лев Николаевич Толстой слушать никого не хотел, ему нужно было, чтобы слушали его – с восхищением, почитанием, восхвалением. Однако, в отличие от художественной литературы, в которой он был несомненный гений, в создаваемом им учении сказать, как оказалось, ему было нечего. Оптинские старцы знали это. И он знал, что они знали. Поэтому и приехал сюда перед смертью, но это – другая история.

И тем не менее большой писатель Лев Толстой, несмотря на вражду к «официальной Церкви», не мог не почувствовать оптинский дух. В одном из писем 1902 года он рассказывал: «В Оптиной пустыне в продолжение более 30 лет лежал на полу разбитый параличом монах, владевший только левой рукой. Доктор говорил, что он должен был сильно страдать, но он не только не жаловался на свое положение, но, постоянно крестясь, глядя на иконы, улыбаясь, выражал свою благодарность Богу и радость за ту искру жизни, которая теплилась в нем. Десятки тысяч посетителей бывали у него, и трудно представить себе все то добро, которое распространилось на мир от этого лишенного всякой возможности деятельности человека. Наверное, этот человек сделал больше добра, чем тысячи и тысячи здоровых людей, воображающих, что они в разных учреждениях служат миру».

Старец Зосима Федора Михайловича Достоевского

Сын Федора Михайловича Достоевского, Алеша, не дожив до трехлетнего возраста, 16 апреля 1878 года умер от внезапного приступа эпилепсии, унаследованной от отца. Эту правду Федор Михайлович вымолил у профессора Успенского, крупного специалиста по нервным болезням.

Мысль о том, что он, пусть и невольно, был виновен в смерти своего ребенка, потрясла Достоевского. Душа страдала. Он мучился молча. Никого не хотел видеть, ни с кем не желал говорить. Его супруга, Анна Григорьевна, страдала не меньше. Но, «Чтобы хоть несколько успокоить Федора Михайловича и отвлечь его от грустных дум, – вспоминала Анна Григорьевна, – я упросила Вл. С. Соловьева, посещавшего нас в эти дни нашей скорби, уговорить Федора Михайловича поехать с ним в Оптину пустынь, куда Соловьев собирался ехать этим летом. Посещение Оптиной пустыни было давнишнею мечтою Федора Михайловича…»

Достоевскому все равно надо было ехать в Москву улаживать литературные дела. Решив все московские вопросы, в пятницу 23 июня Достоевский с Владимиром Соловьевым отправился в Оптину. Сначала ехали по Курской дороге поездом до станции Сергиево (верст триста от Москвы), потом два дня тряслись на перекладных до Козельска, ночуя в деревнях.

Федор Михайлович чувствовал потребность в общении с человеком духовно более умудренном, нежели он сам, надорвавшийся и отчаявшийся. Будучи наслышан о сердечной мудрости старца Амвросия, он мечтал с ним побеседовать.

Старец, как представлял себе Федор Михайлович, тот же монах, живущий общим со всей братией уставом, но вместе с тем еще и своею собственной, особой, более внутренней, нежели внешней жизнью. И авторитет старца не в высоте его духовного чина, а в его духовной премудрости, личном благочестии, подвижничестве. Он – учитель жизни, врачеватель нравственных недугов, наставник заблудших душ, потерявших покой, страждущих утешения, нуждающихся в искреннем, бескорыстном слове, идущем из чистой, ничего не желавшей для себя лично души.

Федор Михайлович ехал в Оптину, скорбя по умершему сыну, томясь безысходной виной за случившееся с Алешей. И вместе с тем ему, как писателю, хотелось своими глазами увидеть одного из героев будущего романа, он уже решил назвать его старцем Зосимой. Услышать его, потому что писателю в романе нужен был живой образ проповедника, народного «святого». Старец должен был стать духовным наставником главного героя, которому он даст имя своего сына Алеши, «Алексея – человека Божия». Другим наставником будет

ему сама жизнь со всеми искушениями. В нем воплотится истинная судьба будущей России.

В Оптиной Достоевский пробыл два дня и трижды беседовал со старцем Амвросием.

«Вернулся Ф. М. из Оптиной пустыни как бы умиротворенный и значительно успокоившийся, – вспоминала Анна Григорьевна, – и много рассказывал мне про обычаи Пустыни, где ему привелось пробыть двое суток. С тогдашним знаменитым „старцем" о. Амвросием Федор Михайлович виделся три раза: раз в толпе при народе и два раза наедине и вынес из его бесед глубокое и проникновенное впечатление. Из рассказов Ф. М. видно было, каким глубоким сердцеведом и провидцем был этот всеми уважаемый „старец"».

Федор Михайлович, действительно, выглядел несколько посветлевшим. «Может, и вправду, – думал он, – послано было и ему самому, отцу, пережить смерть любимого сына как великое испытание, ибо сказано: всякому подвигу души предшествует страшное искушение и великая скорбь. Аще падшее зерно не умрет, то останется одно, но ежели умрет, то даст много плода».

Звучало в ушах недавнее, из Оптиной вынесенное: «По имени будет и житие твое…»

Впечатление от знакомства с отцом Амвросием было так сильно и глубоко, что, преломленное в творческом сознании писателя, вызвало к жизни яркий, полный психологической правды художественный образ старца Зосимы. Трудное дело человеку кающемуся, как определил сам старец личность гениального писателя, в точности изобразить суть святого подвижника. «Про старца Зосиму говорили многие, – описывал своего литературного героя Достоевский, – что он допуская к себе столь многие годы всех приходивших к нему исповедовать сердце свое и жаждавших от него совета и врачебного слова, до того много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, что под конец приобрел прозорливость столь тонкую, что с первого взгляда на лицо незнакомого, приходившего к нему, мог угадывать: с чем тот пришел, чего тому нужно, и даже какого рода мучение терзает его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово».

Прозорливость старца Зосимы, как объясняет автор, идет от опыта, памяти, наблюдательности, а помощь при недугах – от знания лечебных средств. Не принимается во внимание божественный дар, действующий в человеке зачастую вопреки опыту, наблюдательности и здравому смыслу.

Кстати, вся внешняя обстановка монастырской жизни, запечатленная в «Братьях Карамазовых», описание обители, где жил старец Зосима, взяты из реалий Оптиной 1878 года. Скит, описанный как «долина роз», где «было множество редких и прекрасных осенних цветов везде, где только можно их насадить. Лелеяла их, видимо, опытная рука. Цветники устроены были в оградах церквей и между могил. Домик, в котором находилась келья старца, деревянный, одноэтажный, с галереей перед входом, был тоже обсажен цветами».

В литературе о Достоевском давно ведется спор о том, можно ли считать старца Амвросия прототипом старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Этот спор начал Константин Леонтьев еще при жизни Достоевского в статье «О всемирной любви». Позже он же этот спор продолжил, в частности, в письме к Василию Васильевичу Розанову, которое часто цитируется в комментариях к роману: «В Оптиной „Братьев Карамазовых" правильным православным сочинением не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож. Достоевский описал только его наружность, но говорить его заставил совершенно не то, что он говорит, и не в том стиле, в каком Амвросий выражается». Свидетельство Леонтьева, много лет жившего в Оптиной и в конце жизни постриженного в монашество старцем Амвросием, разумеется, достойно внимания. Но существуют и свидетельства самих оптинцев – составителей «Собрания писем оптинского старца иеросхомонаха Амвросия к монашествующим». Современники старца Амвросия хоть и прохладно отнеслись к образу старца Зосимы, но в предисловии к «Собранию писем…» говорится, что письма «напомнят знаменитый роман Ф. М. Достоевского „Братья Карамазовы" и покажут, что изображенный там старец Зосима не один только плод фантазии художника, а живое лицо, заимствованное им из действительности».

Сам Достоевский, к слову, никогда не утверждал, что его Зосима – точный портрет великого оптинского старца. Но этот литературный персонаж оказался настолько пленительным, что приводил читателей к

познанию веры. По меткому замечанию философа Василия Васильевича Розанова: «Вся Россия прочла „Братьев Карамазовых" и изображению старца Зосимы поверила. „Русский инок" [термин Достоевского. – *Е.* Ф.] появился как родной и как обаятельный образ в глазах всей России, даже неверующих ее частей».

Пророчества

«Материалистическое» объяснение Достоевским «способностей» старца Амвросия не учитывает, прежде всего, его предвидение судьбы России и Оптиной пустыни в то время, когда, как казалось, «ничто не предвещало беды».

«Что-то около 1882-го или 1883 года – точно не упомню, – рассказывал Сергею Александровичу Нилусу современник старца Амвросия, – я был у старца с ответными письмами для отправки их многочисленным духовным чадам его и почитателям. Вдруг старец взглянул на меня.

– Ныне, – сказал он, – настоящий Антихрист народился в мир!

И, увидев мое недоумение и испуг, старец вновь повторил ту же фразу».

«Насколько Оптина пустынь прославилась, настолько же впоследствии обесславится», – говорил старец, когда монастырь находился в самом цветущем состоянии.

В 80-х годах XIX века отец Амвросий писал одному из своих корреспондентов: «Не хлопочи о ризе; я передумал, решил, что лучше теперь не делать ризу на Калужскую икону Божией Матери. Первое, у нас денег мало. Второе, вспомнил я слова покойного митрополита Филарета, который не советовал делать ризы на иконы, потому что „приближается время, когда неблагонамеренные люди будут снимать ризы с икон"».

Иногда так хочется, чтобы пророчества не сбывались.

Но чудеса чудесами, а представьте себе, что в течение тридцати лет, вплоть до весьма почтенного возраста (он стал старцем в сорок восемь), каждый день по двенадцать часов общаться со страждущими и страдающими людьми. Его день начинался в четыре утра с утренних молитв и заканчивался поздним вечером молитвами вечерними.

Практически все остальное время – для посетителей. И всегда веселый, всегда с улыбкой, как будто и не было двух смертельных болезней, после которых он так полностью и не оправился, не было болезни ног, из-за которой он почти не выходил из кельи, разве что на десять минут с трудом прогуляться по дорожкам сада. Он даже подшучивал над своим здоровьем, признаваясь, что телесная немощь благотворно действует на его душу. «Монаху полезно болеть, – любил повторять старец Амвросий, – и в болезни не надо лечиться, а только подлечиваться». «В монастыре болеющие скоро не умирают, а тянутся и тянутся до тех пор, пока болезнь принесет им настоящую пользу. В монастыре полезно быть немного больным, чтобы менее бунтовала плоть, особенно у молодых, и пустяки менее приходили в голову». И другим в утешение говорил: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения». Между прочим, от беспрерывных докладов келейники, то и дело приводившие к старцу и выводившие от него посетителей, к вечеру едва держались на ногах. Сам старец, принимая, особенно в последние годы, полулежа на своей постели, временами почти лишался чувств. Но никому он не дал почувствовать себя обделенным вниманием и заботой. И нужно было найти время для ответов на письма, которых каждый день приходило не меньше тридцати-сорока. Отец Амвросий брал пачку писем в руки и, не открывая их, отбирал – какие более спешные, какие могут ждать, или пред ним раскладывали их на полу ковром, и он палочкой прямо указывал, какие ему подать. Ответы он диктовал. Кстати, главным письмоводителем до самой его смерти был К. К. Зедергольм (впоследствии иеромонах Климент), сын протестантского пастора, перешедший в православие, человек известный в ученом мире, выпускник Московского университета, магистр греческой словесности. Эти письма «многогр. и. Амвросия» – многогрешного иеромонаха Амвросия – несли ту же мудрость, прозорливость и заботу. Одним из корреспондентов старца был великий князь Константин Константинович. Переписка между ними завязалась после первого же посещения великим князем Оптиной и отца Амвросия в мае 1887 года, продолжалась до самой смерти старца и состояла из нескольких корреспонденций в год.

Трудно представить себе, где отец Амвросий находил время на сон и еду, откуда брал силы физические, – силы духовной ему было не

занимать. Ее хватило и на то, чтобы устроить уже в последние годы жизни в двенадцати верстах от Оптиной Шамординскую Казанскую женскую пустынь и приют для беспризорных детей. В обитель, в отличие от других женских монастырей того времени, принимали в основном неимущих, больных и беспомощных женщин. 1 октября 1884 года в общине освящен был первый храм, а к 90-м годам XIX века число инокинь в ней достигло пятьсот человек.

При его же непосредственном участии были созданы Предтеченская женская обитель в городе Кромы Орловской губернии, Ахтырская Гусеевская в Саратовской губернии, Козельщанская в Полтавской губернии и Николо-Тихвинская в Воронежской.

В Шамордино старец проводил летние месяцы. В первое свое посещение шамординской усадьбы, войдя в дом и увидев в зале большую Казанскую икону, старец остановился перед ней, долго на нее смотрел и, наконец, сказал: «Ваша Казанская икона Божией Матери, несомненно, чудотворная. Молитесь ей».

Старца Амвросия не стало 10 октября 1891 года в Шамордино, откуда он не смог выехать из-за резко ухудшившегося здоровья, боялся умереть по дороге. 15 октября тело старца было предано земле в Оптиной пустыни с юго-восточной стороны Введенского собора рядом с его учителем иеросхимонахом Макарием.

Сразу же после кончины начались чудеса: старец, как и при жизни, исцелял, наставлял, призывал к покаянию.

После разорения Оптиной пустыни была уничтожена и часовня на могиле старца, но люди наугад обозначили место часовни и продолжали притекать к своему наставнику.

В ноябре 1987 года Оптина пустынь была возвращена Церкви, и в июне 1988 года Поместным Собором Русской православной церкви старец Амвросий Оптинский был причислен к лику святых. Чудеса продолжаются: в годовщину возрождения обители ночью после службы во Введенском соборе мироточили Казанская икона Божьей Матери, мощи и икона преподобного Амвросия. Значит, он по-прежнему не оставляет всех нуждающихся в своей любви и помощи, и кто-нибудь еще обязательно услышит его слова, например такие: «Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, чуть одной точкой касается земли, а остальным стремится вверх; а мы, как заляжем, так и встать не можем».

«Я знаю даже таких, у которых личное к нему чувство было сильней самой веры в Церковь, – писал Константин Леонтьев Василию Розанову. – Я уверен, что есть люди (особенно пожилые монахини), которые надолго его не переживут; да есть и молодые мужчины, за веру и будущность которых я несколько боюсь, – для них отец Амвросий был все…»

Советы и наставления Амвросия Оптинского

Не будь как докучливая муха, которая иногда без толку около летает, а иногда и кусает, и тем и другим надоедает; а будь как мудрая пчела, которая весной усердно дело свое начала и к осени кончила медовые соты, которые так хороши, как правильно изложенные ноты. Одно – сладко, а другое – приятно.

Мы должны жить на земле так, как колесо вертится, только чуть одной точкой касается земли, а остальными непрестанно вверх стремится; а мы, как заляжем на землю, и встать не можем.

Нужно жить нелицемерно и вести себя примерно, тогда наше дело будет верно, а иначе выйдет скверно.

Нужно заставлять себя, хотя и против воли, делать какое-нибудь добро врагам своим; а главное – не мстить им и быть осторожными, чтобы как-нибудь не обидеть их видом презрения и уничижения.

Всегда лучше уступать. Если будешь настаивать справедливо – это все равно, что рубль ассигнаций, а если уступишь – рубль серебром.

Если оставим свои хотения и разумения и потщимся исполнить хотения и разумения Божии, то во всяком месте и во всяком состоянии спасемся. А если будем держаться своих хотений и разумений, то никакое место, никакое состояние нам не поможет. Ева и в раю преступила заповедь Божию, а Иуде злосчастному жизнь при самом Спасителе не принесла никакой пользы. Везде потребно терпение и понуждение к благочестивой жизни, как читаем в Святом Евангелии.

…Напрасно будем обвинять, что будто бы живущие с нами и окружающие нас мешают и препятствуют нашему спасению или

совершенству духовному. неудовлетворительность наша душевная и духовная происходят от нас самих, от нашего неискусства и от неправильно составленного мнения, с которым никак не хотим расстаться. А оно-то и наводит на нас и смущение, и сомнение, и разное недоумение; а все это нас томит и отягощает, и приводит в безотрадное состояние. Хорошо было бы, если бы мы могли понять простое святоотеческое слово: аще смиримся, то на всяком месте обрящем покой, не обходя умом многие иные места, на которых может быть с нами то же, если не худшее.

Главное средство ко спасению – претерпевание многоразличных скорбей, кому какие пригодны, по сказанному в «Деяниях апостольских»: «Многими скорбями подобает нам внити в Царствие Небесное…»

Хотящему спастись должно помнить и не забывать апостольскую заповедь: «Друг друга тяготы носите, и тако исполните Закон Христов». Много других заповедей, но ни при одной такого добавления нет, то есть «так исполните Закон Христов». Великое значение имеет заповедь эта, и прежде других должно заботиться об исполнении оной.

Господь готов помогать человеку в приобретении смирения, как и во всем добром, но нужно, чтобы и сам человек заботился о себе.

Кто имеет дурное сердце, не должен отчаиваться, потому что с Божией помощью человек может исправить свое сердце. Нужно только внимательно следить за собой и не упускать случая быть полезным ближним, часто открываться старцу и творить посильную милостыню. Этого, конечно, нельзя сделать вдруг, но Господь долго терпит. Он тогда только прекращает жизнь человека, когда видит его готовым к переходу в вечность или же когда не видит никакой надежды на его исправление.

Нужно иметь внимание к своей внутренней жизни так, чтобы не замечать того, что делается вокруг тебя. Тогда осуждать не будешь.

Когда нападет гордость, скажи себе: «Чудачка ходит».

Всякий, хоть и маленький грешок надо записывать, как вспомнишь, а после каяться. Оттого некоторые долго не умирают, что задерживает какой-нибудь нераскаянный грех, а как покаются, так облегчаются… Непременно нужно грехи записывать, как

вспомнишь, а то мы откладываем: то грех мал, то стыдно сказать или после скажу, а придем каяться – и нечего сказать.

Три колечка цепляются друг за друга: ненависть от гнева, гнев от гордости. Отчего люди грешат? – Или оттого, что не знают, что должно делать и чего избегать; или, если знают, то забывают; если же не забывают, то ленятся, унывают… Это три исполина – уныние или леность, забвение и неведение, – от которых связан весь род человеческий неразрешимыми узами. А затем уже следует нерадение со всем сонмищем злых страстей. Потому мы и молимся Царице Небесной: «Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене, смиреннаго и окаяннаго раба Твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение и вся скверная, лукавая и хульная помышления».

Глава восьмая
«Только потерпеть надо»

Анатолий Старший Оптинский

Преподобный иеросхимонах Анатолий Старший, Оптинский скитоначальник, в миру Алексей Моисеевич Зерцалов (24 марта/6 апреля 1824 – 25 января/7 февраля 1894)

Мы обязаны, чтобы всех любить, но чтоб нас любили, мы не смеем требовать.

Анатолий Оптинский

В жаркий июльский день 1853 года в ворота оптинского скита вошли двое: пожилая женщина в темных одеждах паломницы и высокий бледный молодой мужчина. Перекрестились на купола храма, огляделись и направились к келье старца Макария, у крыльца которой толпились посетители. Не успели вновь прибывшие освоиться в незнакомой обстановке, как отворилась дверь кельи и из нее медленно вышла толстая барыня, укрывая кружевным платком зареванное лицо. За женщиной выскочил на крыльцо келейник Иларион (будущий старец), высматривая кого-то в толпе, встретился взглядом с высоким мужчиной и поманил его к себе. Тот растерянно оглянулся на спутницу, и женщина ободряюще подтолкнула его в спину: иди, мол, раз зовут. Под перекрестным огнем многочисленных взглядов, спотыкаясь, мужчина поднялся по ступенькам, а келейник, открыв перед ним дверь и пропуская вперед, тихо сообщил, что старец Макарий его примет. Дверь закрылась. И все любопытные взоры обратились на новенькую. Все время, пока старец Макарий беседовал с ее сыном, она рассказывала окружающим о своем Алеше. В Оптиной умели слушать.

«Высочайший»

Алексей Моисеевич Зерцалов родился 24 марта 1824 года в семье дьякона села Бобыли Калужской губернии. Родители с детства лелеяли надежду, что мальчик пойдет по стопам отца и выберет путь служения Богу.

Алексей ожидания родителей вроде бы оправдывал: окончил Боровское духовное училище и Калужскую духовную семинарию. Но после окончания учебы поступил на службу в калужскую Казенную палату. В XIX веке Казенные палаты находились в ведении Министерства финансов по Департаменту государственного казначейства: ведали учетом государственных доходов и расходов по уездным и губернским казначействам, проводили торги на любую сумму, налагали взыскания за нарушения уставов казенного управления и вели ревизские дела.

Однако чиновником Алексею Зерцалову удалось побыть недолго. Вскоре после поступления на службу он вместе с двумя товарищами-сослуживцами тяжело заболел чахоткой. Туберкулез легких, который раньше именовали чахоткой, и при современном развитии медицины заболевание не слишком приятное (если, конечно, вообще существуют приятные болезни), а в первой половине XIX века он считался неизлечимой смертельной болезнью. Хотя, почему считался, он был таким.

Наверное, в молодости, переполненной жизненными устремлениями, силами, желаниями и надеждами, умирать, как никогда, тяжело. Алексей Зерцалов не хотел умирать. И он дал обет, что, если Господь пошлет ему исцеление, он поступит в монастырь и примет монашеский постриг.

– День и ночь молила Господа даровать жизнь моему сыну, – рассказывала женщина внимательным слушателям, – с колен, можно сказать, не вставала. Вымолила! Даровал Господь жизнь моему Алешеньке. А он все про товарищей спрашивал. Оттягивали, не рассказывали, пока совсем на поправку не пошел. Тогда и пришлось признаться, что Господь к Себе их забрал. Только выходить стал, отслужили мы панихиду по его товарищам, съездили на кладбище могилкам поклониться, там он мне и рассказал об обете. Я его благословила. Он отказался от своей службы в Казенной палате, мы с ним сходили на богомолье.

Все головы обернулись на звук открывающейся двери. На пороге стоял старец Макарий, положив руку на плечо смущенного Алексея. Люди расступились перед матерью, и она кинулась к ним, пала перед старцем на колени.

– Благословенна ты, добрая женщина, – мягко сказал старец, благословляя ее, – на такой хороший путь отпустила сына!

И с этого дня старец Макарий стал руководить духовной жизнью молодого послушника.

Старец Макарий благоволил к Алексею, в шутку называл его «высочайшим», не только из-за его высокого роста, но имея в виду и его высокие духовные дарования, замеченные мудрым старцем. Доброе расположение старца не давало послушнику никаких поблажек в монастырской жизни. Старец Макарий искусно вел его опасной для большинства тропой, готовя к восхождению к высотам иноческого подвига.

Жизнь послушника Алексея в монастыре с первых дней была посвящена трудам в пользу ближних. Началось его послушание работами на кухне. Забот-хлопот было много, спать приходилось мало и урывками, не покидая кухни, на дровах. У него долго не было более-менее постоянного угла – его регулярно переводили из кельи в келью. Только привыкнет к новому месту – снова переезд. Потом его, по распоряжению старца Макария, поселили в башне вместе с монахом, не признававшим старчества, который был груб с послушником.

От постоянного недосыпа и тяжелого физического труда у Алексея часто болела голова. Иногда он днями лежал без движения, и некому было подать ему стакан воды.

Так приучали его вырабатывать в себе дух смирения, терпения и кротости, преодолевая и претерпевая нелегкие испытания.

Карьера

Однажды Оптину пустынь посетил будущий святитель Игнатий Брянчанинов. Он выразил желание побеседовать с кем-нибудь, кто проходил святоотеческое учение о молитве Иисусовой. Оптинские старцы направили к нему послушника Алексея. Игнатий долго беседовал с послушником, а закончив беседу, выразил удивление и с

уважением сказал, что рад встретить такого образованного и опытного в духовных предметах инока, да еще и хорошо знакомого со светскими науками.

Счастливый послушник чуть ли не бегом отправился в скит к старцу и на полдороге встретил его в окружении множества народа. Находясь под сильным впечатлением от беседы и оценки отцом Игнатием его прилежания, Алексей по простоте душевной взахлеб пересказал старцу Макарию все только что слышанные похвалы, не замечая, как грозно хмурятся у того брови. Дождавшись паузы, взятой Алексеем, чтобы набрать в грудь побольше воздуха перед новой тирадой, старец Макарий при всех разбранил послушника, а напоследок добавил:

– И ты вообразил о себе, что такой умный! Ведь преосвященный – аристократ, на комплиментах вырос, он из любезности сказал тебе так, а ты уши и развесил, думая, что это правда!

Пристыженный Алексей отправился в свою келью, а старец Макарий сказал окружающим:

– Ведь вот как не пробрать? Он монах внимательный, умный, образованный, уважаемый людьми. Долго ли загордиться?

Кстати, почетный гость расхваливал своего собеседника и старцам, пославшим к нему послушника.

Когда старец Макарий уезжал по делам из обители либо был занят неотложными делами, он благословлял послушника Алексея ходить за разрешением духовных вопросов к старцу Амвросию.

17 ноября 1862 года послушник Алексей был пострижен в монахи с именем Анатолий. К этому времени старец Макарий умер, и отец Анатолий был на послушании у старца Амвросия. После смерти старца Макария старец Амвросий и отец Анатолий особенно сблизились, поскольку оба потеряли любимого старца и духовного наставника.

Старец Амвросий стал поручать отцу Анатолию посещать монастырскую гостиницу, чтобы утешать скорбящих. Мудрый старец Амвросий видел, что отец Анатолий духовно готов наставлять других. Постепенно старец Амвросий стал вводить отца Анатолия в курс старческого служения, видя в нем своего ближайшего сотрудника и первейшего помощника.

В 1870 году отец Анатолий был рукоположен в сан иеромонаха, а в следующем году по утверждению Святейшего Синода был определен на должность настоятеля Спасо-Орловского мужского монастыря с возведением в сан архимандрита. Это была блестящая церковная карьера, но отец Анатолий отказался от почетной должности из любви к Оптиной пустыни и старцу Амвросию.

Старец Амвросий назначил его благочинным скита, а в 1874 году за послушание старцу Амвросию отец Анатолий принял должность начальника скита. Старец Амвросий поручил ему также и попечительство своим любимым детищем – новосозданной Шамординской женской обителью.

«Наш апостол»

Игуменья София, первая настоятельница Шамординского монастыря, была особо расположена к отцу Анатолию. Старца Амвросия она называла «великим», а отца Анатолия – «наш апостол». Большинство сестер Шамординской обители старец Амвросий поручил своему помощнику, и отец Анатолий стал духовником-утешителем монахинь Шамординского монастыря.

Отец Анатолий всегда переживал за всех, кто нуждался в его утешении, наставлении, совете. Особенно он любил детей, и когда в Шамордине организовали приют, отец Анатолий, несмотря на большую занятость, стал усердным попечителем приюта. Дети его обожали. Он имел на них огромное нравственное влияние. Дети доверяли ему и были с ним откровенны настолько, что если после исповеди кто-то из них вспоминал какой-нибудь грех, о котором забыл рассказать отцу Анатолию, то сразу писал ему письмо. Разумеется, отец Анатолий всегда отвечал на письма, давая наставления ребенку.

Монастырская жизнь очень трудна, особенно для женщин. Многие из сестер Шамординского монастыря остались в обители только благодаря непрестанной заботе, влиянию и утешению отца Анатолия. Двадцать один год был отец Анатолий им духовным отцом. Он поучал и наставлял их, но первым его вопросом всегда оставалось: «У тебя все есть?» Неудивительно, что сестры относились к нему так, как не к каждому родному отцу относятся. Старец Амвросий говорил

сестрам Шамординской обители: «Я редко с вами беседую потому, что я за вас спокоен: вы с отцом Анатолием».

Старец Анатолий был наделен даром прозорливости и духовного исцеления, ему были открыты судьбы его духовных детей. Предвидя близкую кончину кого-то из них, тяжелую болезнь либо суровые житейские испытания, он очень осторожно и деликатно предупреждал о грядущих несчастьях, старался подготовить к ним, укрепить дух. Он внушал принимать с покорностью любые ниспосланные испытания.

Однако предупреждения его не всегда были услышаны. Рассказывали историю о послушнице, которая получила благословение на пострижение в монахини Шамординской обители, но в последний момент без видимой причины отказалась. Старец Анатолий, не скрывая огорчения, трижды задавал ей вопрос: «Что, приехала в монахини постригаться?» И послушница трижды отвечала: «Нет, но думаю, что слова ваши так не пройдут». Старец посмотрел на нее затуманенным взором, вздохнул и сказал: «Нет, пройдут». Так и случилось: старец вскоре умер, а послушница так и не была пострижена в монахини.

Для старца Анатолия не было чужой беды, каждую беду он принимал как свою. Если узнавал о чьем-то горе, грядущих несчастьях, у него начинались сильные головные боли и болело сердце.

Одна монахиня вспоминала: «Я, поступив в монастырь, заболела. Мне было пятнадцать лет, доктора нашли у меня порок сердца и горловую чахотку и сказали, что я скоро умру, но мне не хотелось умирать. Батюшка сказал мне: „Читай, как можешь – и сидя, и лежа, молитву Иисусову и все пройдет". Так я и сделала, и за святыми его молитвами выздоровела. С тех пор прошло двадцать три года. Я живу и послушание несу по силам, и делаю все для себя, хотя и не имею большого здоровья, а прежде не могла и по келье ходить».

Старец Анатолий был очень любим мирянами. Кто хотя бы однажды побывал у него в келье, искал его советов в дальнейшей жизни. Ежедневно старцу Анатолию приходило до двухсот писем. И на все письма он старался отвечать незамедлительно.

О великой силе молитвы старца Анатолия свидетельствовал старец Амвросий: «Ему такая дана молитва и благодать, какая единому из тысячи дается». Сам старец Анатолий говорил о том, что истинная

молитва должна рождаться не под впечатлением хорошего чтения и пения, а быть плодом великого труда и любви к Богу.

Тяжелым ударом для старца Анатолия стала кончина старца Амвросия, последовавшая 10 октября 1891 года. Она подорвала здоровье старца Анатолия. Он чувствовал себя осиротевшим. Приближение заката собственной жизни стало для него очевидным. Началась изнурительная болезнь.

Тем не менее, в 1892 году он сумел съездить в Петербург и Кронштадт, где встретился с отцом Иоанном Кронштадтским. Оба старца сразу почувствовали друг к другу симпатию и взаимное уважение.

10 октября старец Анатолий вместе с отцом Иоанном Кронштадтским отслужили литургию в память старца Амвросия, после чего старец Анатолий имел длительную беседу с отцом Иоанном. Со слов оптинского старца Варсонофия, отец Иоанн Кронштадтский, когда началась литургия, ясно увидел, что со старцем Анатолием правят службу два ангела.

Болезнь не отпускала старца Анатолия. Приглашенные к нему в Оптину пустынь столичные врачи единодушно констатировали диагноз – отек легких, и прогноз – болезнь приняла необратимый характер.

Старец Анатолий угасал, но болезнь переносил кротко и смиренно. 15 декабря 1893 года старец тайно был пострижен в схиму, а через сорок дней, 25 января 1894 года, мирно почил во время чтения отходной.

Старец Анатолий был похоронен у стен Введенского собора рядом с любимыми и чтимыми им учителями и наставниками.

Советы и наставления Анатолия Старшего Оптинского

Видно, что стараешься и желаешь спастись, – только не умеешь, не понимаешь духовной жизни.

Тут весь секрет в том, чтобы терпеть, что Бог посылает. И не увидишь, как в рай войдешь.

Считай себя хуже всех, и будешь лучше всех.

…Терпение твое не должно быть нерассудное, то есть безотрадное, а терпение с разумом, – что Господь зрит во все дела твои, в самую душу твою, как мы зрим в лицо любимого человека… Зрит и испытует: каковою ты окажешься в скорбях? Если потерпишь, то будешь Его возлюбленною. А если не стерпишь и поропщешь, но покаешься, все-таки будешь Его возлюбленною.

Молитва к Богу всякая доходна. А какая именно – об этом мы не знаем. Он – Один Судия праведный, а мы можем ложь признать за истину. Молись и веруй.

…Сказываю по секрету, сказываю тебе самое лучшее средство обрести смирение. Это вот что: всякую боль, которая колет гордое сердце, потерпеть.

И ждать день и ночь милости от Всемилостивого Спаса. Кто так ждет, непременно получит.

Учись быть кроткой и молчаливой, и будешь любима всеми. А раскрытые чувства то же, что ворота растворенные: туда бежит и собака, и кошка… и гадят.

Глава девятая
Жизнь по совести

Исаакий I Оптинский

Преподобный схиархимандрит Исаакий I, в миру Иван Иванович Антимонов (31 мая 1810 – 22 августа/4 сентября 1894)

В 1860 году старец Макарий отправился в Москву на аудиенцию к митрополиту Филарету. Благодаря дару прозорливости старец Макарий предвидел скорую кончину нынешнего настоятеля Оптиной пустыни старца Моисея, да и прочувствованные на себе подступающие болезнь и упадок физических и духовных сил не позволяли ему питать иллюзий по поводу продолжительности собственной жизни. Благоволивший к старцам Оптиной пустыни митрополит Филарет встретил старца Макария милостиво. Во время продолжительной беседы с митрополитом старец Макарий попросил, чтобы место настоятеля Оптиной пустыни после кончины игумена Моисея занял скитский иеромонах Исаакий. И подкрепил свою просьбу подробным рассказом об отце Исаакии.

Рассказ старца Макария

31 мая 1810 года в городе Курске в семье потомственного купца и почетного гражданина Ивана Васильевича Антимонова родился пятый ребенок, сын, названный при крещении Иваном. Семья Антимоновых была старой купеческой закваски и по традиции вела строгий и суровый патриархальный образ жизни. Антимоновых любили и уважали за купеческую честность, благотворительное милосердие к бедным, постоянные пожертвования на украшение городского храма.

Неудивительно, что Ивана воспитывали в строгом соответствии с семейными традициями, в послушании родителям, уважении к старшим, любви к Церкви и молитве. Дед мальчика по отцу был человеком глубоко верующим. Любовь к посещению храмов дед привил и отцу Ивана, и всем другим членам семейства. Но сердцем он

прикипел к младшему внуку и часто брал его с собой в храм, куда ходил ежедневно к утрене и обедне.

Иван рос скромным и добрым. Он был общителен, умел и любил пошутить, легко находил общий язык с другими детьми. Постепенно отец переложил на него практически все хозяйственные обязанности. С делами Иван управлялся умело, в этом помогал ему ясный ум и легкость в общении, как со своими работниками, так и с поставщиками и другими клиентами. Со всеми он был приветлив, мягок в обращении, чем снискал ответное уважение. На практике постигая хитрую купеческую науку – торговля, склады, управление хозяйством, людьми, – во всем добиваясь успехов; он тогда еще не знал, что все эти навыки пригодятся ему в монашеской жизни.

К монашеству Иван стремился всей душой, но скрывал это стремление от близких. Для отца он уже стал незаменимым помощником в делах. В нем было очень развито послушание, а послушание родителям стояло на первом месте. Однако он строго соблюдал все посты, а становясь на молитву, ежедневно клал по тысяче поклонов.

Долгие годы трудился Иван на благо семьи, и все это время зрела у него мысль об уходе в монастырь. Отец неоднократно находил ему невест, но каждый раз сватовство по разным причинам расстраивалось. Иван, которому шел уже тридцать шестой год, посчитал это знамением, особенным знаком свыше и окончательно принял решение покинуть мирскую жизнь и уйти в монастырь. Тем более что немногим раньше его старший брат, Михаил Иванович, поступил в Оптину пустынь.

Иван часто и с удовольствием навещал брата в обители. Во время этих приездов он знакомился с монастырской жизнью. Ему посчастливилось лично узнать старца Льва, который произвел на него огромное впечатление. Старец Лев побеседовал с Иваном Ивановичем, с отеческой любовью выслушал все его сомнения и, когда настало время прощания, предсказал, что в недалеком будущем тот обязательно станет монахом.

Познакомился Иван Иванович и с настоятелем обители – старцем Моисеем, и со старцем Макарием. Оптинские старцы сразу расположились к приветливому и пытливому гостю обители, отмечая его доверие к ним. После смерти старца Льва особо сердечные и

доверительные отношения сложились у Ивана Ивановича со старцем Макарием. Он даже состоял с ним в переписке.

Решимость уйти в монастырь крепла в Иване Ивановиче. В 1847 году отец послал его по торговым делам на Украину. Выполнив все порученные ему дела, Иван Иванович написал письмо отцу. Он ставил отца в известность, что решил порвать с миром и отправляется в Оптину пустынь, чтобы стать монахом.

Прибыв в Оптину пустынь, Иван Иванович не застал в ней своего брата, тот был переведен в Тихонову пустынь, а позже в Киево-Печерскую лавру (там достиг сана архимандрита и должности наместника лавры).

– Отец, разумеется, был очень рассержен решением сына? – утвердительно спросил митрополит старца Макария.

– Очень! – подтвердил старец. – Конечно, мы приняли Ивана Ивановича в Оптину. Я посоветовал игумену Моисею дозволить поступить ему в скит. Все-таки по всему было видно, наш человек. Игумен не возражал. Послушника Иоанна определили сначала на пасеку, заодно поручили и послушание печь хлеб. Некоторое время он был и поваром. Все послушания Иоанн выполнял с радостью и старанием. Видим, что не ошиблись в нем, по своему пути человек идет. Через год я вызвал его и настоятельно посоветовал отправиться в Курск просить у отца прощения за самовольный поступок. И, предчувствуя, что тяжелое это будет дело, как его духовный отец вызвался сопровождать послушника. Да и интересно было познакомиться с отцом, который двух таких монахов воспитал.

Я не ошибся, дело действительно выдалось непростое. Иван Васильевич был очень обижен на сына. На него возлагал отец большие надежды, думая, что он унаследует купеческое дело Антимоновых, продолжит и сохранит славные купеческие и семейные традиции. Он мне рассказал, что еще до рождения Ивана, в 1809 году, по совету своего отца совершил паломничество в Киев к старцу иеромонаху отцу Парфению. Прозорливый старец встретил незнакомого купца словами: «Блаженно чрево, родившее монаха». Иван Васильевич постеснялся спросить старца о смысле высказывания и понял его значительно позже, когда его старший сын, Михаил, ушел в Оптину пустынь и стал монахом. Но внутренне он уже был готов к такому решению старшего сына, возможно, поэтому и не готовил его в преемники. Поступок же

младшего сына застал его врасплох, Иван Васильевич чувствовал себя обманутым в своих ожиданиях.

– Полагаю, примирение отца и сына состоялось не без вашего горячего участия, молитв, заступничества и ходатайства? – снова утвердительно спросил митрополит.

– Благословение отца послушник Иоанн получил, – спрятал улыбку старец и продолжил рассказ.

В обители послушник Иоанн не только исправно выполнял возложенные на него послушания, но и пел на клиросе, по благословению старца Макария келейно выполнял переплетные работы. На все службы в храме являлся первым и уходил последним.

Семь лет он был послушником. Порой ему приходилось очень трудно, он признавался, что исконный враг человечества сильно возмущал его душу помыслами покинуть святую обитель. Помогали усердные молитвы и строгий пост. В его келье, хоть и пришел он в монастырь человеком состоятельным, не было ничего лишнего, даже ценных икон.

5 октября 1854 года послушник Иоанн принял монашеский постриг с новым именем Исаакий. С этого времени он еще более ревностно стал относиться к совершенствованию своего внутреннего духовного мира, ограничивал себя в еде и отдыхе. Он оставил даже невинные шутки, которыми по природному своему остроумию прежде любил веселить монастырскую братию, стал уклоняться от лишних разговоров, постепенно привыкая к безмолвию. Отец Исаакий думал только о спасении своей души, всячески уклоняясь даже от принятия сана священства. И только многолетняя привычка беспрекословно подчиняться воле своего духовного отца, старца Макария, заставила послушаться его убеждений, и против своей воли, со слезами на глазах, отец Исаакий согласился на посвящение, после чего был рукоположен в иеродиакона, а 19 июня 1858 года в иеромонаха.

Старец Макарий вернулся из Москвы в Оптину с благословением митрополита Филарета готовить в преемники игумену Моисею отца Исаакия.

Не гордись!

Эта новость недолго была тайной для монахов Оптиной. Когда слух дошел до иеромонаха Исаакия, он тотчас отправился к старцу Макарию, полный решимости отказаться от столь высокой должности. Но старец Макарий, выслушав возражения иеромонаха Исаакия, ответил: «Если воля Божия будет на это и будут тебя избирать, то не отказывайся. Только не гордись!»

Старец Макарий скончался в конце 1860 года, препоручив отца Исаакия на попечение своему ученику и преемнику старцу Амвросию. Отец Исаакий, послушный воле своего умершего духовного наставника, с готовностью вручил себя духовному руководству старца Амвросия. И хотя старец Амвросий был на два года моложе отца Исаакия, он относился к своему новому духовному наставнику с неизменной преданностью, сыновней любовью и послушанием. Уже занимая высокие посты в монастырской иерархии, он каждую субботу, накануне служения, отправлялся в скит для исповеди. На исповедь к старцу Амвросию приходило много народа, и отец Исаакий стоял со всеми в очереди, терпеливо дожидаясь, когда придет его черед. Ждать иногда приходилось очень подолгу. Послушание отца Исаакия было образцовым. Будучи даже настоятелем обители, он никогда не принимал важных решений и не приступал ни к каким делам без совета и благословения своего старца. И следовал этому неукоснительно. Будучи уже в преклонном возрасте игуменом обители, а позже, в 1885 году, архимандритом, ходил он на исповеди к своему духовнику и беседовал с ним, стоя на коленях, как простой послушник. И не только сам регулярно исповедовался у старца, но и призывал к этому монастырскую братию: «Отцы и братья! Нужно ходить к старцу для очищения совести», – повторял он при каждом удобном случае.

Через два года после смерти старца Макария, в 1862 году, скончался и старец Моисей. Помня суровый наказ старца Макария, отцу Исаакию пришлось заменить старца Моисея в управлении обителью. 8 сентября 1864 года отец Исаакий был возведен архиепископом Гермогеном в сан игумена.

««На один гривенник»

Игумен Исаакий впоследствии с горькой иронией говорил: «Я принял обитель с одним гривенником». Так оно было на самом деле: монастырская казна состояла действительно из гривенника, да и то случайно завалившегося в трещину денежного ящика старца Моисея. Однако это не значит, что монастырь вовсе не имел доходов, просто не было свободных денег: Оптина активно строилась и развивалась, львиная доля поступлений в монастырскую казну уходила на пополнение библиотеки и издательскую деятельность.

Новый игумен продолжил дело старца Моисея и прежде всего достроил храм во имя Всех Святых на новом кладбище. В историю Оптиной пустыни игумен Исаакий вошел как великий строитель и устроитель обители. При нем было завершено строительство водопровода, Казанский собор был значительно расширен, и в нем устроен новый иконостас. Обновили иконостас и в Введенском соборе.

В 1874 году, по завещанию умершего в 1873 году скитоначальника старца Илариона, на пожертвованные деньги за стенами монастыря было выстроено большое здание для больницы с церковью во имя Святого Илариона Великого. При этой больнице была обустроена аптека, снабженная необходимыми медицинскими средствами для общего бесплатного пользования братии и посетителей обители. Аптека находилась под наблюдением врачей из числа братии.

В память старца Макария в скиту был устроен придел во имя преподобного Макария Египетского и приобретен колокол в семьсот пятьдесят пудов весом. Были воздвигнуты здания хлебной, настоятельской кухни, братской, прачечной, переделаны братский корпус, настоятельские покои, скотный двор. Игумен Исаакий поощрял и поддерживал усердие отца-казначея Флавиана в разведении в обители садов и огородов.

Вся эта бурная деятельность требовала огромных материальных затрат. В первое время отсутствие свободных средств тяжелым бременем легло на плечи нового настоятеля. Бывали такие времена, что не на что было содержать братию, кладовые пустели. Однако все как-то благополучно разрешалось: то богатый помещик совершит благотворительный дар и уплатит все долги монастыря, то щедрый жертвователь завещает обители пятнадцать тысяч рублей.

Конечно, настоятель и сам не плошал. Пригодились в управлении огромным монастырским хозяйством навыки, приобретенные отцом

Исаакием во времена его мирской жизни, когда он успешно вел дела купеческого дома Антимоновых. Купеческая сметка помогала ему искать дополнительные доходы для обители. Он догадался устроить в монастыре собственный свечной завод, начавший действовать и приносить доход с 1865 года. Заметив возросший спрос паломников на духовную литературу, благословил строительство нового большого корпуса для книжной лавки. С выгодой для обители были куплены лесные участки, что раз и навсегда решило проблемы с топливом и строевым лесом. По случаю были приобретены и луговые земли на Болховской мельнице. Оптина пустынь стала одним из самых процветающих монастырей России второй половины XIX века.

Но за заботами о материальном благе обители не забывал настоятель и о благотворительности. Простому народу, приходившему в обитель во множестве, бесплатно раздавались крестики, священные изображения, книжки нравственного содержания.

Многие доходы приносили обители великие старцы оптинские, слава о которых распространилась по всей России, привлекая нескончаемый приток паломников, которые несли в монастырь посильные пожертвования. Старцы Амвросий и Иларион имели множество духовных детей, многие из которых были весьма состоятельными людьми, поддерживавшими обитель щедрыми дарами и денежными взносами.

Если старцы Амвросий и Иларион без устали утешали скорбящих, наставляли сомневающихся в вере, то отец Исаакий заботился о самих старцах, стараясь доставить им всевозможные удобства для облегчения их многотрудного и многополезного служения людям. Заботился отец настоятель и о богомольцах: была выстроена новая гостиница, корпуса старых гостиниц переделаны и снабжены максимальными удобствами.

Для монахинь из разных монастырей, находившихся под духовным руководством старцев, отец Исаакий выделил к уже существующим дополнительный корпус и благословлял их жить по несколько дней безвозмездно. Для странников, убогих и неимущих отец Исаакий построил особое здание странноприимного дома. Там, по его распоряжению, каждую субботу кормили по триста человек, раздавая при этом милостыню.

Положив много сил на внешний порядок и внешнее устройство монастыря, еще больше пекся отец Исаакий о душевном благоустройстве монашествующих. Деятельность настоятеля не ограничивалась хозяйственными заботами. Главным для него всегда было отечески строгое попечение об исполнении монашествующей братией послушаний и устава.

Познав на своем опыте великую пользу и силу старчества, отец Исаакий предоставил духовное руководство братией старцам Амвросию, Иосифу, Анатолию, Илариону. Но и сам не оставил монахов без наставлений. Всеми силами поддерживал отец настоятель Исаакий старчество Оптиной пустыни. О благотворном влиянии старцев на братию обители говорили мир и согласие, царившие в Оптиной пустыни.

Если же кто-то выражал недовольство тяжестью порученного послушания, роптал и хулил монастырские порядки, отец Исаакий говорил ему: «Брат! Возьми мои ключи и начальствуй, а я пойду исполнять твое послушание». Как правило, таким образом ему удавалось усовестить и вразумить недовольного.

«Дедушка»

Отец Исаакий был строг, но в то же время прост в обращении с «подчиненными». Вне начальственных отношений считал всех равными себе. Он старался не выказывать кому-то особой любви, чтобы не возбудить зависть в других, а в том, кого отличил, не вызвать гордыню. Особое внимание настоятель уделял постоянному посещению монахами храма Божьего, являя собой пример, строго соблюдая церковный устав, чинное пение, неспешное, ясное чтение и благоговейное поведение в храме. Того же требовал и от монахов, прекрасно зная, что исправление монаха идет от внутреннего к внешнему.

Были вещи, которые отец Исаакий на дух не переносил: гордость, тщеславие, желание поставить себя выше других. Настоятель строго напоминал о монашеском обете: плакать о грехах своих, а не кичиться Богом данными, природными талантами. Особо строго отец Исаакий карал дерзость и упрямство. Если кто-то из монахов, даже после

старческого внушения и наложенного на него наказания, не исправлялся, настоятель незамедлительно высылал упрямца из обители, чтобы у неокрепших духом иноков не было перед глазами примера дурного поведения и недопустимого в монашестве непослушания. Бывали такие случаи редко. Если изгнанный из обители осознавал греховность своих поступков и чистосердечно раскаивался, его принимали обратно.

Отец Исаакий неохотно отпускал монахов из монастыря, особенно на длительные сроки. Он полагал, что пребывание в миру вредно отражается на внутреннем устроении монаха, требующем сосредоточения и погружения в молитвы. Исключения делались крайне редко и только в случае необходимости, исключительно для поездок по монастырским делам по послушанию, сила которого способна сохранить инока от мирских искушений.

Монахи ценили бережное попечительство отца настоятеля и любили его, отдавая дань уважения строгому начальнику и сердечную любовь любвеобильному отцу. Между собой братия любовно называла его «дедушкой». Многие иноки на себе познали силу действия его слова. Если на исповедь или беседу к старцу Исаакию инок входил расстроенным, чем-то огорченным, то выходил от него всегда успокоенным, с радостным сердцем, позабыв про все свои заботы. Когда кто-то из иноков излагал отцу Исаакию свои скорби, мудрый настоятель делал удивленное лицо: «Какие у нас скорби? У нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру скорби так скорби: жена, дети, обо всем забота, а у нас что? Полно Бога гневить, надо только благодарить Его – живем на всем готовом».

Принимая в монастырь желающего присоединиться к братству, отец Исаакий действовал по обычаю, заведенному со времен старца Моисея: все приходящие принимались в монастырь по благословению старца и с согласия настоятеля. Отец настоятель Исаакий был всегда расположен к каждому, желавшему стать сыном обители. Ко всем он относился как к своим духовным детям, не допуская никаких сословных различий, хотя и снисходил к слабостям и с каждым старался поступать, учитывая его духовную зрелость и даже мирские привычки.

Поначалу отец Исаакий хотел не только следовать сам, но и вести братию по старым правилам строгого монашества, но в годы его

управления обителью времена изменились. В миру царило всеобщее ослабление нравов, упадок веры и уважения к Церкви. Поскольку в монастырь приходили люди, жившие до этого в миру, они волей-неволей вносили в обитель свои человеческие слабости. Меры строгости, существовавшие в обители прежде, все более и более сменялись снисхождением к слабостям, послаблениями.

Когда этого требовала обстановка, игумен Исаакий мог отнестись к ситуации с иронией. Был случай, когда из монастыря ушел некий послушник. Он был образован, окончил курс Московского университета, прожил какое-то время в монастыре, но его замучила гордыня. Долго скитался бывший послушник по стране и через некоторое время явился в Оптину пустынь, озлобленный и взвинченный. Он пришел к настоятелю Исаакию, выбрав момент, когда вокруг было много монахов, и наговорил почтенному отцу настоятелю множество дерзостей, закончив свой гневный монолог так: «Вот ты игумен, а не умен». Отец Исаакий выслушал гневную и дерзкую тираду отступника спокойно и терпеливо и лишь последнюю реплику удостоил ответом: «А ты вот хоть и умен, да не игумен».

Но если по отношению к вновь поступающим в обитель инокам отец Исаакий допускал послабления, то в отношении себя оставался строг. Не отличаясь от простых монахов, ходил в простой поношенной одежде: подряснике, рясе и мантии для служения церковных служб. Сам, не допуская келейников, чинил свою одежду, штопал носки. Столь же неприхотлив и воздержан он был в еде, всегда ходил в общую трапезную, не допускал излишеств. Строго и неукоснительно соблюдал все посты.

Будучи еще послушником, он воспитал в себе молчаливость и старался не говорить без крайней необходимости. Был случай. На торжественном обеде в Шамординском монастыре, проходившем в присутствии архиерея, во время оживленной застольной беседы отец Исаакий по своему обыкновению в разговоры не вступал. Когда же владыка пригласил его принять участие в общей беседе, отец Исаакий ответил, что уже принимает участие тем, что слушает других, поскольку должен кто-то исполнять и эту обязанность.

После кончины своего духовного отца, старца Амвросия, отец Исаакий продолжал каждую субботу посещать преемника старца Амвросия – старца Иосифа, так же терпеливо дожидаясь своей

очереди, несмотря на то что старец Иосиф был из числа его, отца Исаакия, постриженников. И только незадолго до собственной кончины, когда силы телесные окончательно покинули его, он стал приглашать нового старца к себе.

Отец Исаакий прославился благотворительностью. Кроме всевозможной монастырской помощи нищим, он от себя раздавал щедрую милостыню, стараясь утаить содеянное им доброе дело. После его смерти не осталось никаких материальных ценностей, ему принадлежащих, хотя распоряжался он огромными деньгами да и в мирской жизни был человеком богатым.

Полностью отрекшись от мирской суеты, отец Исаакий к наградам и повышениям в церковной иерархии относился равнодушно, стараясь по возможности отказываться от них.

В 1877 году Оптину пустынь посетил президент Российской академии наук великий князь Константин Константинович, внук императора Николая I, поэт, известный в истории русской литературы под криптонимом К. Р. Простота и духовная мудрость отца настоятеля Исаакия произвели на высокого гостя глубочайшее впечатление. Впоследствии великий князь неоднократно говорил, что подобных людей ему не доводилось видеть. Общение между Константином Константиновичем и отцом Исаакием не прекращалось до самой кончины последнего. В библиотеке Мраморного дворца, где жил великий князь, находились духовные книги, присланные из Оптиной. А в монастырской библиотеке Оптиной пустыни хранились книги и письма великого князя.

Великий князь Константин Константинович и сам подумывал о монашестве, а за год до женитьбы даже обращался к императору Александру III, своему двоюродному брату, с просьбой отпустить его в монастырь постричься в иночество. Император не отпустил.

В последние годы жизни настоятелю Исаакию были посланы тяжкие испытания. Самым тяжелым из них был отъезд старца Амвросия в Шамординскую общину. Отец Исаакий говорил: «Двадцать девять лет провел я настоятелем при старце и скорбей не видел, теперь же, должно быть, угодно Господу посетить меня, грешного, скорбями».

Здоровье отца настоятеля, ослабленное печалями и многими заботами, заметно ослабело. И он келейно принял пострижение в

схиму, которое свершил над ним братский духовник, скитоначальник старец Анатолий.

Вскоре скончался старец Амвросий, и после его кончины на отца Исаакия во все инстанции последовали тайные жалобы и доносы о его неспособности управлять обителью по преклонным летам его и постоянным болезням. В обитель зачастили комиссии, но вся братия горой стояла за своего настоятеля, однако здоровье отца Исаакия было безвозвратно подорвано.

В июне 1894 года началась предсмертная болезнь отца настоятеля. Братия, с печалью убедившись в неминуемом исходе, пошла к отцу Исаакию за последним благословением. Умирал он тихо, в окружении своих плачущих духовных детей. Когда кто-то из них со слезами спросил: «Как, батюшка, жить после вас?», – он ответил: «Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо».

Последним наставлением его братии было: «Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию, в службе церковной, в молитве ищите благ не земных, а небесных; здесь, в этой святой обители, где вы положили начало иноческой жизни и оканчивайте дни свои». 20 августа с отцом Исаакием случился удар, с этого дня он больше не мог говорить. Господь перед кончиной наградил его безмолвием.

Скончался отец Исаакий 22 августа 1894 года в глубокой старости, восьмидесяти пяти лет от роду.

Жизнь его стала достойным примером и продолжением духовного подвига великих старцев оптинских.

14 февраля 1995 года во время восстановления Казанского собора состоялось обретение святых мощей старца Исаакия, погребенного здесь под спудом. После освящения храма в день канонизации преподобных оптинских старцев 26–27 июля 1996 года святые мощи преподобного Исаакия находятся в Казанском соборе под спудом.

Глава десятая
Жизнь под знаком чудесных видений

Иосиф Оптинский Преподобный иеросхимонах Иосиф,

скитоначальник и духовник, в миру Иван Ефимович Литовкин (2/15 ноября 1837 – 9/22 мая 1911)

Что трудом приобретается, то и бывает полезно.

Иосиф Оптинский

В 1890 году старец Амвросий уезжал в Шамординский женский монастырь. «Подумать только, – пришло ему в голову, – это сколько же мы прожили бок о бок с моим келейником отцом Иосифом? Так, посчитаем, без малого тридцать лет! Да-а-а, стаж солидный». Отец Иосиф был ближайшим учеником старца Амвросия – по духу, по силе послушания, преданности и любви. Как на него ни посмотришь: смиренная поступь, опущенные глаза, краткий ответ с поклоном на приветствие, всегда неизменная скромно-приветливая улыбка.

Старец Амвросий доверял отцу Иосифу во всем, называл его своей правой рукой. Все, кто узнавал отца Иосифа, проникались к нему искренним уважением, а он говорил: «Что я значу без батюшки? Нуль – и больше ничего». Вспомнив характерный ответ своего келейника, старец Амвросий улыбнулся. «Ну, это мы как раз и посмотрим, что за „нуль" я воспитал, – подумал он. – Хоть никогда мы не разлучались прежде, пришло время расстаться». В поездку в Шамординский монастырь старец Амвросий келейника с собой не взял, сказав:

– Тебе нужно здесь оставаться, ты здесь нужен. И переходи-ка жить в мою келью.

И в ответ на возражения коротко ответил:

– Прими послушание, отец Иосиф.

К послушаниям отцу Иосифу было не привыкать. Жизнь так сложилась.

Жизнь сироты

2 ноября 1837 года в селе Городищи Харьковской губернии в семье сельского головы Ефима Литовкина родился сын. Мальчика назвали Иваном. В семье было шестеро детей. Родители мальчика, люди глубоко верующие, детей воспитывали в почитании Бога.

В четыре года Ваня потерял отца, скончавшегося от болезни. Все заботы о семье легли на плечи матери, Марии Литовкиной.

Когда Ване было восемь лет, произошел случай, долго вызывавший пересуды односельчан Литовкиных. Ваня играл с ребятишками на улице, вдруг побледнел лицом, поднял руки вверх и без чувств упал на землю. Прибежали взрослые, отнесли Ваню в избу, уложили. Когда мальчик пришел в себя, мать озабоченно стала расспрашивать, что с ним случилось.

– Я увидел в воздухе Царицу Небесную, – широко распахнул глаза мальчик.

– Почему ты думаешь, что это была Царица Небесная? – удивилась мать.

– Потому, что на Ней была корона с крестиком, – ответил мальчик.

– Ты упал без чувств, я так за тебя испугалась, – мать прижала сына к груди. А он, уткнувшись ей в теплую шею, прошептал:

– Около Нее было такое солнце, я не знаю, не знаю, как сказать! – и от бессилия выразить словами увиденное, заплакал.

Это чудесное видение оставило ярчайший след в душе ребенка. Он очень изменился, стал тихим и задумчивым, сторонился шумных игр и забав, старался быть возле своей матери. В его сердце навсегда поселилась живая вера и любовь к Божьей Матери Царице Небесной.

Вскоре после этого случая Литовкины переехали в новый, только что отстроенный дом. Не успели они обжиться, как в их селе случился большой пожар, с которым никак не могли справиться. Огонь перекидывался с дома на дом. Мария Литовкина вывела детей на улицу и с ужасом наблюдала, как огонь неотвратимо подбирается к их дому. Ваня видел испуг матери, бессилие взрослых перед разбушевавшейся стихией. Не зная, как помочь, у кого просить помощи, мальчик протянул руки в сторону сельской церкви во имя Покрова Пресвятой Богородицы и стал просить: «Царица Небесная! Оставь нам наш домик, ведь он совсем новенький!» И случилось чудо.

Детская молитва была услышана, и огонь, спаливший почти все село, остановился возле ограды дома Литовкиных.

В одиннадцать лет Ваня остался круглым сиротой. Потеряв мать, мальчик вынужден был сам зарабатывать себе на жизнь. Нелегкая жизнь у сироты, горек его хлеб. Мальчику приходилось жить по чужим углам, браться за любую работу. Он с утра до ночи работал в трактире, бакалейной лавке, терпя унижения и грубость хозяев. Таскал пятипудовые мешки, выполнял черную работу, сопровождал обозы с товаром. Он узнал и нужду, и голод, и скитания, бывал жестоко бит хозяином. Но эта грубая и страшная жизнь не сломила и не озлобила мальчика: молитва стала его защитой, а храм – местом утешения.

Как известно, мир не без добрых людей. Повезло наконец и Ивану. Поступил он на службу к таганрогскому купцу Рафаилову, оценившему трудолюбие и честность юноши. Купец хотел даже выдать за Ивана свою дочь, но сватовство по каким-то причинам не состоялось. Позже, когда он уже был старцем Иосифом, на вопрос, нравился ли ему кто-то, пока он жил в миру, простодушно отвечал: «Да ведь я был близорук и никого не мог хорошо рассмотреть издали, а близко подходить совестился – был застенчив».

Постепенно Иван осознал, что больше всего на свете мечтает о монашеской жизни. Решив проверить себя, он отпросился у купца Рафаилова на богомолье в Киев. Купец отпустил работящего парня с большой неохотой.

«Оставайся здесь!»

По дороге в Киев Иван посетил Борисовскую женскую обитель, в которой жила его сестра Александра, принявшая к тому времени постриг с именем Леонида. Старица Борисовской обители прозорливая Алипия посоветовала юноше посетить старцев Оптиной пустыни. Тут же нашлись и попутчицы. Монахини Белевского монастыря, останавливавшиеся в Борисовской обители, направлялись как раз в Оптину пустынь и взяли Ивана с собой. Когда попутчики добрались до Оптиной, монахини шутя сказали старцу Амвросию, что привезли с собой «брата Ивана». Амвросий вполне серьезно ответил: «Этот брат Иван пригодится и нам, и вам».

Иван попросил старца Амвросия: «Батюшка, благословите в Киев», – на что прозорливый старец дал неожиданный ответ: «Зачем тебе в Киев? Оставайся здесь». Иван поклонился старцу: «Благословите». И 1 марта 1861 года по благословению старца Амвросия Иван был принят в обитель.

По заведенному в Оптиной пустыни обычаю, каждый вновь принятый в обитель должен был пройти послушание в трапезной. Послушание было не из легких, но Иван с детства не боялся никакой черной работы. Во время этого послушания брат Иван укрепил лучшие качества своей души: беспрекословное послушание, трудолюбие, беззлобие. Он легко справлялся с самой трудной работой. Натерпевшийся в миру, он наслаждался покоем и тишиной обители, понимая, что это бесценный дар Божий.

Вскоре он был определен в келейники к старцу Амвросию. Возможность находиться рядом с великим старцем радовала молодого келейника, но бесконечный поток посетителей, жаждавших видеть старца, утомлял. Почувствовав, что лишается душевного покоя, он решил тайком покинуть Оптину и уйти на святую Афонскую гору.

Однажды старец Амвросий подозвал к себе молодого келейника и сказал: «Брат Иван, у нас лучше, чем на Афоне, оставайся с нами». Прозорливость мудрого старца настолько поразила молодого послушника, что более он не помышлял об уходе.

И впредь, прежде чем принять какое-то решение, всегда сначала советовался со старцем Амвросием.

Послушание келейника – трудное послушание, часто ему некогда было отдохнуть. Спать приходилось урывками в приемной, в которой было всегда множество посетителей, а в час ночи уже надо было вставать к утрени. Но испытания только закалили душу послушника. В 1872 году он был пострижен в монахи с именем Иосиф, в 1877 году рукоположен в иеродиакона, а 1 октября 1884 года за литургией в честь торжественного открытия Шамординской женской обители отец Иосиф был рукоположен в иеромонаха. К этому времени он был уже старейшим келейником старца Амвросия.

Достойный преемник

Старец, предвидя в своем келейнике и ученике достойного преемника, с любовью приготовлял его к высочайшему служению. Отец Амвросий доверял ему входить в общение с посетителями. Отец Иосиф внимательно выслушивал их нужды, передавал старцу и возвращался с ответом, ничего не добавляя от себя. Нередко старец Амвросий приходящих к нему посетителей посылал с вопросами к отцу Иосифу, и многие убедились, что его ответы всегда были одинаковы с мнением старца. Со временем старец Амвросий стал благословлять некоторых посетителей ходить со своими духовными нуждами к своему келейнику, отцу Иосифу, готовя тем самым достойного продолжателя высоких традиций оптинских старцев.

В 1888 году иеромонах Иосиф тяжело заболел тифом. Его отвезли в больницу. Врачи предсказали скорый печальный исход. 14 февраля, по благословению старца Амвросия, отца Иосифа постригли в схиму. Он был так плох, что на следующий день над ним прочли отходную. После этого отец Иосиф попросил ухаживавшего за ним брата пойти к старцу Амвросию и передать ему, что он просит отпустить его с миром. Но старец велел посланнику передать отцу Иосифу: «Свят, свят, свят Господь Саваоф». Как только посланный отцом Иосифом брат вернулся в больницу и повторил эти величественные слова над постелью больного, тот сразу же попросил чая и с этой минуты быстро пошел на поправку, прожив после болезни еще двадцать пять лет. Так благодаря молитвам старца Амвросия смертельная болезнь отступила.

Во время этой болезни отца Иосифа опять посетила Матерь Божья. Она встала у его изголовья и сказала: «Потерпи, любимче мой, немного осталось». Эти слова ясно слышал послушник, ухаживавший за отцом Иосифом. Думая, что за ширмой, где лежал больной, кто-то есть, он заглянул туда и очень удивился, увидев, что кроме больного, там никого нет. Послушник потом рассказывал старцу Амвросию: «А батюшка Иосиф лежал как пласт с закрытыми глазами. Меня такой объял страх, что волосы дыбом встали». Позже старец Амвросий с глубоким уважением говорил некоторым своим духовным детям, что отец Иосиф во время болезни сподобился видеть Царицу Небесную. Кстати, таким же ласковым именем «любимче мой» Матерь Божья называла при своем явлении великого старца Серафима Саровского.

«К отцу Иосифу все мои немощи перешли», – говорил старец Амвросий. Но, несмотря на болезненность и слабость, отец Иосиф

никогда не отдыхал днем, в свободные минуты читая книги и отвечая на многочисленные письма духовных детей.

«Чистое вино» старца Иосифа

После отъезда старца Амвросия в Шамординский монастырь монахи стали ходить на исповедь к отцу Иосифу, позже старец Амвросий стал присылать к нему и шамординских монахинь.

С кончиной старца Амвросия на отца Иосифа легли многие обязанности. В тяжелые дни после потери великого старца Амвросия проявилась сила духа старца Иосифа. Пребывая в скорби о своем наставнике, он сумел найти слова утешения и оказать поддержку осиротевшим духовным детям старца Амвросия. Многие монахи обители, шамординские сестры и миряне стали духовными детьми старца Иосифа, почувствовав, что дух старца Амвросия живет в новом старце. Рассказывали, как одна помещица особенно печалилась и скорбела о смерти старца Амвросия, ее духовника. И однажды, когда она сидела дома, погрузившись в грустные мысли, вдруг ясно услышала голос старца Амвросия: «Держись отца Иосифа – это будет великий светильник». Знакомый голос привел помещицу в чувства, положил конец ее сомнениям и колебаниям, и она с радостью в сердце вручила себя новому духовнику – старцу Иосифу.

В 1893 году старец Иосиф по единодушному выбору и желанию всей братии стал духовником Оптиной пустыни. В 1894 году он был назначен начальником скита.

До конца жизни старец Иосиф строго соблюдал все посты, очень мало спал, ходил в поношенной бедной одежде. В обращении он был всегда деликатен и уступчив. Его неизменное радушие привлекало к нему окружающих, будь то миряне или монахи. Самых непослушных он умел смирять кротостью. Если он учил, то не властью начальника, а любовью отца. Монахи про него говорили: «Наш батюшка чего не сделает приказанием, то доделает своим смирением. Так скажет и взглянет, что и не хотелось бы смириться, да смиришься».

Особо ценили его за умение несколькими словами выразить самое главное, утешить, наставить. Не случайно старец Амвросий при жизни говорил о нем: «Я поил вас вином, разбавленным водою, а отец Иосиф

будет поить вас одним чистым вином». Старец не ошибался. Язык старца Иосифа был лаконичен, прост, доходчив и убедителен и в устной речи, и в письмах.

Старец Иосиф обладал многими духовными дарами, в том числе прозорливостью и даром исцеления. Веруя в силу его молитвы, к старцу в скит приводили многих немощных, и многим он помог исцелиться.

Однажды на прием к старцу пришла женщина, от которой отказались врачи. У нее была опухоль шейных лимфатических узлов. Женщина перенесла операцию, но облегчения та не принесла: шею невозможно было повернуть. Состояние ухудшалось, и больная обратилась к старцу Иосифу с последней надеждой. Старец посоветовал ей отслужить молебен великомученику Пантелеимону и обещал молиться за нее. Благодаря молитвам тяжелый недуг удалось преодолеть, и, к удивлению врачей, женщина выздоровела.

Вспоминали, как еще одну женщину, тяжело заболевшую в Оптиной, старец Иосиф вылечил, дав ей в руки свои четки. Хотя нет, сначала он ее внимательно выслушал, успокоил ласковым словом, затем дал ей в руки свои четки и сказал, что ему нужно отлучиться в келью, предупредив ее: «Подожди». «И только батюшка вышел, – рассказывала она потом, счастливо улыбаясь, – как я сразу почувствовала себя совершенно здоровой и насилу дождалась батюшку, чтобы поблагодарить».

Многим он помог и на расстоянии силой своей молитвы. Свидетельство тому – множество писем с благодарностями. «Батюшка, писала вам о Н., что он был горький пьяница; ваши вздохи дошли до Господа: не пьет теперь, в храм ходит, раньше и слушать не хотел, читает хорошие книги, собирает свое хозяйство…» Или такое письмо: «Через ваше ходатайство перед Богом сколько отрады, сколько утешения бывает в семьях! Писала я об одном П. – страшно пил и был жесток с семьей. Переменил себя во всем по вашим святым молитвам, семья счастлива. Об одной писано было, что больна, теперь ей хорошо. У другой муж пропал безнадежно, писала вам о нем, и вот пришел: дети и жена счастливы. Невольно слезы льются при виде всего этого. И как не благодарить Господа, что Он через ваши святые молитвы так щедро посылает подобные утешения! Где же неверующие в Бога? Пришли бы и уверовали, когда бы все проследили. И еще, еще много

случаев на моих глазах: все утешены, кто бы ни прибегал к вашим святым молитвам».

О прозорливости старца Иосифа ходили легенды. Те, кому старец помог, с удовольствием и благодарностью рассказывали об этом и близким людям, и случайным знакомым.

Одну из духовных дочерей отца Иосифа мучили сильные боли в желудке. Она обошла всех известных специалистов в этой области, перепробовала все рекомендованные лекарства – ничего не помогало. Приехала в Оптину пустынь и рассказала старцу, что поскольку проходит очередной курс лечения и строго следует рекомендациям врачей, то по постным дням ей приходится есть скоромное. Старец Иосиф внимательно посмотрел на нее и сказал: «Займись-ка ты лучше своим горлом, полечи его, а постное все же есть надо». Вернувшись домой, женщина отправилась к своему лечащему врачу и попросила внимательно обследовать горло. У нее обнаружили горловую чахотку в начальной форме. Если бы не совет старца, спустя некоторое время помочь ей уже не удалось бы.

Сестра из Шамординской обители рассказывала о своем зяте, который приехал в Оптину пустынь, чтобы на другой день встретить здесь свой день ангела. Однако старец Иосиф, услышав о его желании, строго велел: «Нет, уезжай ранним поездом домой: как бы чего не случилось – сильная буря». Мужчина, понятное дело, очень не хотел уезжать, но старец почти силком его выпроводил, дав с собой просфору, на которой были написаны пять женских имен. Поскольку именинник вернулся домой раньше времени, жена и гости удивились, стали расспрашивать, что случилось.

– Если бы сам понимал, – недоуменно развел руками именинник. – Старец Иосиф меня из обители выпроводил ни свет, ни заря, а в дорогу дал просфору. Вот, смотрите.

Гости посмотрели – пять женских имен. Посмеялись, так и не поняв смысла этого послания, пальцем погрозили, жене посоветовали за мужем смотреть внимательнее. Отпраздновали именины и легли спать.

В полночь разразилась страшная буря. От удара молнии загорелся дом. Гости и хозяева спали как убитые. Так бы и погибли в огне, если бы не проходили мимо пять женщин, которые увидели пожар и стали стучать в окна и двери. С трудом, но добудились. Хозяева и гости

выбежали на улицу, им даже удалось не только самим спастись, но и отстоять у огня дом и лавку с товарами. Разбудившие женщины помогли им. Когда стали расспрашивать, как звать этих женщин, оказалось, что имена их совпадают с именами, которые старец Иосиф начертал на просфоре.

Другая послушница Шамординского монастыря вспоминала, как на четвертом году после поступления в обитель она по благословению батюшки уехала на родину определить брата в духовное училище, а мать – в монастырь.

– Пишу с родины батюшке, как обстоят у меня дела, а он отвечает: «Помогай матери, кончай дело и с ней приезжай». Но обстоятельства заставили меня вернуться одной, без матери. Приезжаю к батюшке и рассказываю ему все, а он говорит: «Опасно ей там жить». И что же случилось? Этим же годом в принадлежащем нам другом доме убили четырех человек. Прошло более года, как один преступник попался за малую кражу, его посадили в тюрьму. Тут он сознался, что был участником в убийстве наших квартирантов: его приводили к нашему дому, и он все показал, где двери прорезали, где кого убили – все верно. Притом он сказал: «Мы подходили и к вдове Тимошенковой и хотели захватить ее спящую, но как подойдем к окну – видим, что она не спит: или на диване сидит с котенком играет, или еще что делает, и на нас нападал какой-то страх». Так повторялось несколько раз, и в конце концов они пошли к нашим квартирантам. Но удивительно, моя мама никогда не любила кошек в руках держать, очевидно, разбойникам так представлялось. Не батюшкины ли молитвы защитили маму? Квартирантов четырех убили, а мама осталась одна с мальчиком, разбойников же было шесть человек. Всем было на диво.

Федор Михайлович Достоевский в романе «Братья Карамазовы» описал реальный случай, введя ставший хрестоматийным образ «старенькой старушонки». К старцу Иосифу обратилась пожилая женщина, у которой пропал сын. Он служил где-то в комиссариате, поехал в Сибирь, прислал несколько писем, да и замолчал на четыре года. Она о нем справлялась, да по правде, не знает, где и стравляться. Начала привыкать считать его умершим.

– Соседка мне присоветовала, – робко говорила женщина, словно раздумывая, стоит ли рассказывать, – возьми, говорит, и запиши своего сыночка в поминание, снеси в церковь, да и помяни за упокой. Душа

его затоскует, и он напишет письмо. Средство вроде как верное, многократно испытанное. Да только я сомневаюсь. Батюшка, правда ли оно? Хорошо ли так будет?

Старец даже руками на нее замахал:

– И не думай! Стыдно и спрашивать такое! Да и как это возможно, чтобы живую душу да еще родная мать за упокой поминала?! Это великий грех! Только по незнанию твоему прощается. Ты лучше отслужи молебен Казанской Божьей Матери, молись о здравии сына, он и найдется. А заодно моли Царицу Небесную, чтобы и тебя простила за неправильное размышление твое. Жив твой сынок.

Через некоторое время сын, действительно, написал матери письмо, сообщил, где он, и прислал ей десять рублей.

«Нет, я не умер…»

С 1905 года старец Иосиф стал часто болеть, сильно ослаб сказались тяжелые труды в детстве. Но, слабея телом, старец креп и возвышался духовно. Он пребывал в состоянии постоянной молитвы, которую не прекращал, даже лежа на смертном одре. Слабеющей рукой перебирал четки и шептал: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного».

Постоянное пребывание старца Иосифа в молитве отражалось на его внешнем облике. Это не могли не замечать окружающие. «Достаточно показаться на пороге его светлому с ангельской улыбкой лицу, чтобы сами собой разгладились морщины на моем лице, скорбь оставила прежде, чем высказал ее». «От одного воспоминания о выражении лица его делается веселее на сердце».

Священник из Гомеля, духовный сын старца, отец Павел (Левашов) оставил интересное свидетельство. «В 1907 году я первый раз посетил Оптину Пустынь. Расспросив дорогу в скит, а там в келью старца Иосифа, я наконец пришел в приемную хибарки. Когда я пришел, там был только один посетитель – чиновник из Петербурга. В скором времени пришел келейник и пригласил чиновника к батюшке. Чиновник пробыл минуты три и возвратился, я увидел: от его головы отлетали клочки необыкновенного света, а он взволнованный, со слезами на глазах рассказал мне, что в этот день утром из скита выносили чудотворный образ Калужской Божией Матери, батюшка выходил из хибарки и молился. Тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него, молящегося. Через

несколько минут и меня позвали к старцу. Вошел я в убогую келейку, увидел глубокого старца, изможденного беспрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались, через мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высотою, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок кельи раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому так был поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове: наконец я сообразил, что хотел у него исповедоваться, и начал, сказав: „Батюшка, я великий грешник". Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал голову, скрылся. Так продолжалось недолго. Опять заблистал свет вокруг его головы, и опять появился такой же луч света, но теперь в несколько раз ярче и сильнее.

Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой, и все смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я и оставил его. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости – это отличительные качества старца, – стоит и терпеливо ждет, что я скажу, а я, пораженный, не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного видения. Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и т. п., ничего подобного в видимой природе я не видел. Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении и благодать Божия, видимо, сошла на избранника своего. Мой рассказ истинен уже потому, что я после сего видения чувствовал себя несказанно радостно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя перед тем, как идти к старцу, подобного чувства у меня не было. Все вышесказанное передаю как чистую истину: нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью».

Монахине Исаковской Богородичной пустыни Лидии, духовной дочери старца Иосифа, перед ее кончиной было чудесное видение. Она увидела Царицу Небесную и Самого Господа с ликом святых. Но

мгновенно озарившая ее лицо радость сменилась выражением ужаса. Больная долго смотрела как-то странно вверх, словно ожидая чего-то, затем радостно перекрестилась, с облегчением сказав: «Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! Умолил, умолил, теперь я ничего не боюсь, теперь и мне будет хорошо!» Когда она пришла в себя, ее спросили: кто и за кого умолил? Она ответила: «За меня батюшка Иосиф. Как он молился и умолил! Теперь уж мне будет хорошо, только батюшку я здесь не увижу, я скоро умру. Напишите ему поклон и поблагодарите за все». Больная повернула голову, взглянула на портрет старца Амвросия и прибавила: «И этот угодничек Божий тоже за меня молился».

Старец Иосиф все старался делать по воле Господа. Он часто любил повторять: «Если не от Бога дело сие, то само разорится». И если что-то из задуманного не удавалось, он никогда не расстраивался.

Двенадцать лет исполнял старец Иосиф трудные обязанности духовника обители и скитоначальника. Даже истощенный болезнями принимал он людей. Старец был настолько слаб, что не мог вести длительные беседы, но помогало его умение выражать в нескольких словах то, что другие целой речью высказать не могли. Духом он до конца оставался бодр.

«Умираю», – говорил он радостно, погруженный в молитву. Почил он мирно и тихо. Очевидцы описали последние минуты жизни старца: «Лицо его было озарено таким неземным светом, что все присутствующие были поражены: мир и глубокое спокойствие запечатлелись на нем. Дыхание становилось все реже, губы чуть заметно шевелились, что свидетельствовало, что истинный делатель молитвы окончит ее только тогда, когда дыхание смерти заключит его уста. 9 мая 1911 года в 10 часов 45 минут старец испустил последний вздох. Ангельская улыбка озарила его благородный лик и застыла на нем. В эту ночь некоторые из иноков, не зная еще, что старец скончался, видели его во сне светлым, сияющим и радостным. В последующие дни он также являлся многим и на вопрос: „Как же, батюшка, ведь вы умерли?" – отвечал: „Нет, я не умер, а напротив, я теперь совсем здоров"».

Еще одно посмертное явление старца Иосифа было белевской монахине, жившей крайне бедно, получавшей помощь только от старца Иосифа. Когда до нее дошла весть о кончине старца, монахиня

искренне сожалела и в то же время горько задумывалась, на что она теперь будет существовать. И вот она видит во сне старца Иосифа, светлого и радостного. И старец говорит ей, утешая: «Не скорби, вот тебе батюшка Амвросий посылает на нужды двадцать пять рублей». Проснувшись, монахиня было возрадовалась, но тут же вспомнила, что и старец Амвросий, а теперь и старец Иосиф умерли, и никто из них никогда больше не пришлет ей денег. Но каково было ее удивление, когда через несколько дней некая благодетельная помещица прислала ей по почте двадцать пять рублей. А через некоторое время эта же благодетельница прислала еще такую же сумму, в связи с кончиной старца Иосифа вспомнив, что старец когда-то просил ее помочь этой бедной монахине.

Когда старца готовили к погребению, рука усопшего была теплой и мягкой, как у живого. На девятый день на могиле старца произошло исцеление. Одна бесноватая, которую привезли в Оптину пустынь в день похорон старца Иосифа, оказалась в церкви и приложилась к его мертвой руке. Тотчас она начала так кричать, что ее пришлось выводить из храма. После она не могла спокойно проходить мимо свежей могилы старца, упиралась и кричала: «Боюсь, боюсь его!» На девятый день сопровождавшие ее крестьянки насильно уложили больную на могилу старца. Полежав так какое-то время, бесноватая успокоилась и встала совершенно здоровой.

16 октября 1988 года произошло обретение святых мощей старца Иосифа. Ныне святые мощи преподобного Иосифа хранятся во Владимирском храме.

Советы и наставления Иосифа Оптинского

Скорби – наш путь, будем идти, пока дойдем до назначенного нам отечества вечности, но только то горе, что мало заботимся о вечности и не терпим и малого упрека словом. Мы сами увеличиваем свои скорби, когда начинаем роптать.

Наложенное правило всегда трудно, а делание со смирением еще труднее.

Что трудом приобретается, то и бывает полезно.

Если видишь погрешность ближнего, которую ты бы хотел исправить, если она нарушает твой душевный покой и раздражает тебя, то и ты погрешаешь и, следовательно, не исправишь погрешности погрешностью – она исправляется кротостью.

Что легко для тела, то неполезно для души, а что полезно для души, то трудно для тела.

Спрашиваешь: «Как сделать, чтобы считать себя за ничто?» Помыслы высокоумия приходят, и нельзя, чтобы они не приходили. Но должно им противоборствовать помыслами смиренномудрия. Как ты и делаешь, припоминая свои грехи и разные недостатки. Так и впредь поступай и всегда помни, что и вся наша земная жизнь должна проходить в борьбе со злом. Кроме рассматривания своих недостатков, можешь еще и так смиренно мудрствовать: «Ничего доброго у меня нет… Тело у меня не мое, оно сотворено Богом во чреве матернем. Душа дана мне от Господа. Потому и все способности душевные и телесные суть дары Божии. А моя собственность – только одни мои бесчисленные грехи, которыми я ежедневно прогневляла и прогневляю Милосердного Господа. Чем же мне после этого тщеславиться и гордиться? Нечем». И при таких размышлениях молитвенно проси помилования от Господа. Во всех греховных поползновениях одно врачевство – искреннее покаяние и смирение.

Совесть человека похожа на будильник. Если будильник позвонил и, зная, что надо идти на послушание, сейчас же встанешь, то и после всегда будешь его слышать, а если сразу не встанешь несколько дней подряд, говоря: «Полежу еще немножко», то в конце концов просыпаться от звона его не будешь.

Много есть плачущих, но не о том, о чем нужно, много скорбящих, но не о грехах, много есть как бы смиренных, но не истинно. Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие.

Как луч солнечный не может проникнуть сквозь туман, так и речи человека только образованного, но не победившего страсти, не могут действовать на душу. А кто сам победил страсти и стяжал разум духовный, тот и без образования внешнего имеет доступ к сердцу каждого.

Не отбивайся от Оптиной. Верую в то, что каждый, приходящий в Оптину пустынь… найдет удовлетворение милостию Божиею и за молитвы великих наших отец… Они весьма многих и многих воспитали духовно для Небесного Отечества. Не перестают и теперь духовно воспитывать, особенно тех, которые приходят в Оптину на поклонение.

Глава одиннадцатая
Искусство исповеди от старца Варсонофия

Варсонофий Оптинский

Преподобный схиархимандрит Варсонофий, в миру Павел Иванович Плиханков (5/18 июля 1845 – 1/14 апреля 1913)

> Вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу, нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, все промыслительно.
>
> *Варсонофий Оптинский*

В конце августа 1889 года красавец полковник Плиханков впервые ехал в Оптину на встречу к старцу Амвросию. Он еще только подходил к монастырской гостинице, а беседовавшая со старцем блаженная мать Параскева неожиданно с радостью произнесла:

– Павел Иванович приехали.

– Вот и слава Богу, – спокойно отозвался старец Амвросий.

Они оба знали, какое будущее ожидает этого сорокачетырехлетнего офицера. Павел Иванович не знал. Он приехал просить благословения на постриг в монастырь. Старец Амвросий благословения не дал. Пока. – Искус должен продолжаться еще два года, а после приезжайте ко мне, вас приму. Эти два года в жизни полковника Плиханкова будут наполнены испытаниями и соблазнами. Однако откуда у кадрового офицера с блестящей карьерой и головокружительными перспективами появились мысли о монашестве? Возможно, из детства.

Детство, отрочество, юность, зрелость

Паша Плиханков родился в Самаре 5 июля 1845 года в состоятельной дворянской семье. Отец происходил из оренбургских казаков. Мать рано умерла, и мальчика воспитывала мачеха, которая вопреки стереотипам была доброй и любящей.

«Моя мачеха была глубоко верующей и необычайно доброй женщиной, так что вполне заменила мне мать. Вставала она очень рано и каждый день бывала со мной у утрени. Любила она и дома молиться. Читает, бывало, акафист, а я распеваю тоненьким голоском на всю квартиру: „Пресвятая Богородице, спаси нас!" Однажды, когда мне было 6 лет, был такой случай. Мы жили на даче в своем имении под Оренбургом. Наш дом стоял в огромном саду-парке и был охраняем сторожами и собаками, так что проникнуть в парк незаметным постороннему лицу было невозможно. Однажды мы гуляли с отцом по парку, и вдруг, откуда ни возьмись, перед нами появился какой-то старец. Подойдя к моему отцу, он сказал:

– Помни, отец, что дитя в свое время будет таскать души из ада.

Сказав это, он повернулся и исчез. Напрасно потом его везде разыскивали, никто из сторожей не видел его…»

Павел обучался в Полоцкой военной гимназии (бывшем кадетском корпусе) и в Оренбургском военном училище. Окончил казачьи офицерские штабные курсы в Петербурге, участвовал в пограничных боях в Туркестане, дослужился до чина полковника Оренбургского казачьего войска и стал старшим адъютантом штаба Казанского военного округа.

Молод, образован, красив, с хорошей карьерой и состоянием – завидный жених. Но то ли не встретилась ему та, к ногам которой можно было сложить все эти достоинства: настоящие и будущие, то ли голова у офицера Плиханкова уже была другим занята, жениться он так и не собрался. Однажды даже на званном вечере, вместо того чтобы приглядываться к невестам, Павел Иванович увлекся беседой со священником. И решил никогда не жениться, а посвятить жизнь Богу. Он даже писал стихи духовного содержания и публиковал их под псевдонимом Странник.

Ясней здесь небеса, и чище их лазурь…
Мирской ярем неся, и скорбный совершая
Средь мрака и стремнин тернистый жизни путь,

Сподобился я видеть отблеск рая.

Идея стать монахом потихоньку зрела в нем. Однажды по долгу службы он оказался в Москве. Еще на вокзале узнал, что в одном из храмов служит Иоанн Кронштадтский. Когда Плиханков прибежал в храм, литургия заканчивалась. Неожиданно для всех священник подошел к офицеру, поцеловал его руку и молча отошел к престолу. Иоанн Кронштадтский, как и оптинские старцы, видел будущее полковника.

Пройдет еще какое-то время, и в руки Павла Ивановича попадет книга «Вера и разум», из которой он узнает, что в Калужской губернии недалеко от города Козельска находится Оптина пустынь, а в ней – старец Амвросий.

Искус

Через несколько недель после визита в Оптину Павел Иванович Плиханков серьезно заболел воспалением легких. Настолько серьезно, что врачи посчитали его положение безнадежным. Неожиданно для всех он выжил и начал улаживать свои дела, чтобы уйти в монастырь. Можно сказать, что во время болезни для мира он все-таки умер. Однако мир так не считал.

В Петербурге взамен отставки ему предложили генеральскую должность. Сослуживцы, узнав о его намерениях, многозначительно крутили пальцем у виска, а знакомые сватали красавицу-невесту. И самое неприятное: не было денег, чтобы расплатиться с долгами. Внезапно все благополучно разрешилось к Рождеству 1891 года, и Павел Иванович снова приехал в Оптину, чтобы остаться. Старца Амвросия уже не было в живых.

Новая жизнь

10 февраля 1892 года Павел Иванович был зачислен в братство Иоанно-Предтеченского скита. Началась новая жизнь. С первых дней

он был определен к иеромонаху Нектарию на келейное послушание.

Каждый вечер в течение трех лет ходил он для бесед к старцам: сначала к отцу Анатолию (Зерцалову), а затем, после кончины старца, – к отцу Иосифу.

«Будем познавать здесь свои немощи и смиряться. Подрясник и внешние подвиги не главное в монастыре», – учил послушника его духовный отец старец Анатолий.

Он же скептически отнесся к желанию своего неопытного ученика «жить поуединеннее».

– В затворе? – вскинул брови старец, услышав просьбу.

– Да, – кивнул послушник.

– Что, теперь и в баню ходить не будете? – нарочито удивился старец.

– Конечно, – подтвердил ученик.

– Да, вот я про то и говорю, что в баню ходить не будете, – задумчиво сказал старец Анатолий и внимательно посмотрел на собеседника.

И тот понял, что речь идет вовсе не о телесном мытье.

С благословения старца Иосифа послушник Павел вел «Летопись скита» и собирал материалы для жизнеописания оптинских старцев Макария, Амвросия и Анатолия.

26 марта 1893 года он принял постриг и десять лет провел в затворе. В декабре 1900 года он по болезни был пострижен в мантию с именем Варсонофий, а через два года – рукоположен в иеродиакона. Еще через год подоспел сан иеромонаха. В 1903 году отец Варсонофий был назначен помощником скитоначальника, духовником скита и одновременно духовником Шамординской женской пустыни.

Прозорливость отца Варсонофия особенно ярко проявлялась при совершении им таинства исповеди. Он учил исповедоваться своих посетителей, открывая все их грехи, год за годом, точно указывая даты и обстоятельства. Но делал это с большой любовью, очень осторожно и бережно. В конце такой «исповеди» старец велел: «Завтра ты придешь ко мне и повторишь мне сам все, что я тебе сказал. Я хотел тебя научить, как надо исповедоваться…»

Одному из своих учеников он говорил: «Нас называют прозорливцами, указывая тем, что мы можем видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству – дар рассуждения. Это

наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас кроме физических очей имеются еще и очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, мы видим ее духовными очами, мы видим даже причину возникновения такой мысли. И от нас не скрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь. Для нас нет пространства и времени».

Его пророчества о будущем России в начале прошлого века были мрачны.

«Гонения и мучения первых христиан, возможно, повторятся. Ад разрушен, но не уничтожен, придет время, когда он даст о себе знать. Все монастыри будут разрушены, и имеющие власть христиане будут свергнуты. Это время – не за горами…».

«Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными силами человека. Это сила посторонняя, злая сила. Что-то мрачное, ужасное грядет в мир, человек остается как бы беззащитным. Настолько им овладевает эта злая сила, что он не осознает, что делает».

«Мы-то уж уйдем, а вы будете участниками и современниками всех этих ужасов. До ужасных времен доживете вы. Помяните мое слово, что увидите вы „день лют"».

Как ни глубоко был погружен старец Варсонофий в заботы Оптиной пустыни, мирская жизнь не забывала о нем. В 1904 году он был направлен в Манчжурию фронтовым священником: бывший отставной полковник все-таки участвовал в русско-японской войне. И как у простого солдата смерть не раз стояла за его левым плечом. А он, как прежде, продолжал служить Отечеству, за что был награжден наперстным крестом. В ноябре 1905 года старец Варсонофий вернулся в Оптину к своим обязанностям. «Рука Господня была со мною, и я возвратился благополучно в родную мне Оптину пустынь. Чаял я тогда, оставив все попечения внешние, в тишине келейного безмолвия оплакивать грехи мои, слезами очищать и уготовлять свою душу к переходу в вечность, но Бог судил иначе», – вспоминал он позже.

В 1907 году отец Варсонофий был возведен в сан игумена и назначен скитоначальником. К этому времени слава о нем разносится уже по всей России. Старец Варсонофий впоследствии напишет: «Все

мои действия и желания сводились к одному – охранить святые заветы и установления древних отцев-подвижников и великих наших старцев, во всей их Божественной красоте, от различных тлетворных веяний мира сего…»

Старожилы Оптиной отмечали, что старец Варсонофий имел характер, несколько сходный с характерами великих оптинских старцев Льва и Анатолия. Его отличали неподкупная справедливость, простота и прямота, неумение лукавить. Сам всегда очень искренний, он не выносил двоедушия. Продолжая традицию старчества, старец Варсонофий принимал ежедневно для духовных бесед лиц самых разных сословий, отвечал на множество приходящих к нему писем.

Один благоговейный почитатель вспоминал первую встречу со старцем Варсонофием: «Я онемел от ужаса, видя перед собою не человека, а ангела во плоти, который читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл, лица и прочее. Я был одержим неземным страхом. Он меня ободрил и сказал: „Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытываешь, а после моей смерти можешь говорить"».

Он учил своих духовных детей, что не следует читать писания святых отцов из любопытства или как учебник без твердого намерения на практике воплотить то, чему они учат, в соответствии с духовным уровнем каждого. Поэтому, когда его спрашивали, что называется, по тексту, старец Варсонофий отвечал: «Заботящемуся о своем спасении отнюдь не следует спрашивать только о приобретении знаний, а более пристало вопрошать о страстях, о том, как прожить свою жизнь, то есть как спастись. Это необходимо, это ведет к спасению».

Многие видели старцев, озаренных светом при их молитве. Не был исключением и отец Варсонофий. «Однажды я присутствовала при служении отцом Варсонофием литургии, – вспоминала одна монахиня, – мне пришлось увидеть и испытать нечто неописуемое: Батюшка был просветлен ярким светом. Он был как бы средоточием этого огня и испускал лучи. Лучом исходившего от него света было озарено лицо служившего с ним диакона».

В июле 1910 года здоровье старца Варсонофия вдруг резко ухудшилось, ему стало так плохо, что его постригли келейно в великую схиму. «Схима – это край: или смерть, или выздоровление. Я

чувствую, что схима меня подняла. Мне надлежало умереть, но дана отсрочка», – говорил старец Варсонофий иноку Николаю Беляеву, будущему старцу Никону.

Несостоявшаяся исповедь

Осенью 1910 года старшие монахи Оптиной пустыни собрались на совет. Поводом послужила телеграмма, полученная от графа Льва Николаевича Толстого, несколько лет назад преданного Церковью анафеме. В телеграмме была просьба старцу Иосифу приехать на станцию Астапово, где находился больной граф.

Просьбу необходимо было уважить. Однако здоровье самого старца Иосифа в то время оставляло желать лучшего, от слабости он почти не выходил из кельи. На встречу к графу Толстому отправился отец Варсонофий.

В конце октября 1910 года граф Лев Николаевич Толстой задумал тайный побег из дома. Он приготовил мужицкую рубаху, портки, кафтан, шапку, продумывая, как оденется, острижет волосы и уйдет. 28 октября он втайне от родных и близких бежал из дома. Путь его лежал в Шамординский монастырь к сестре Марии Николаевне, рядом с которой он намеревался пожить. О побеге знал только врач Толстого, Д. П. Маковицкий, да и то только потому, что Лев Николаевич взял его с собой. По дороге к сестре Толстой решил заехать в Оптину пустынь, посетить старцев.

В пустынь Лев Николаевич действительно заехал, вот только до старцев не дошел. Не решился. Постоял на дорожке между кельями старцев Иосифа и Варсонофия и пошел к реке Жиздре. Вечером другого дня на вопрос сестры, виделся ли он со старцами, Толстой ответит: «Нет. Разве ты думаешь, они меня приняли бы? Ты забыла, что я отлучен». Слукавит граф. Побоится личной встречи с оптинскими старцами, потому что видят они его насквозь. Еще свежи в памяти графа тяжелые разговоры со старцем Амвросием, хоть и прошло с тех пор несколько лет. Написана повесть «Отец Сергий», отразившая несостоятельность духовных метаний автора и оставившая горький осадок.

К сожалению, есть возможности, которые даются лишь однажды. Знал бы Лев Николаевич, что через пару дней перед лицом смерти больше всего на свете он будет мечтать о встрече с оптинским старцем, и она снова не состоится. Но графу Толстому не дано предвидеть будущее, он неспешно разворачивает складной стул на живописном берегу реки Жиздры и после продолжительного созерцания окрестностей возвращается в гостиницу. На другой день он уезжает к сестре, расписавшись в книге посетителей: «Лев Толстой благодарит за прием».

Позже старец Варсонофий рассказывал: «Приезду его в Оптину мы, признаться, удивились. Гостинник пришел ко мне и говорит, что приехал Лев Николаевич Толстой и хочет повидаться со старцами. „Кто тебе сказал?" – спрашиваю. „Сам сказал". Что ж, если так, примем его с почтением и радостью. Иначе нельзя. Хоть Толстой и отлучен, но, раз пришел в скит, иначе нельзя. У калитки стоял, а повидаться так и не пришлось. Спешно уехал. А жалко. Как я понимаю, Толстой искал выхода. Мучился, чувствовал, что перед ним вырастает стена…»

Хоть и тайно бежал Лев Николаевич из дому, дочь нашла его быстро: он и суток не успел погостить у сестры. Александра Львовна без разговоров повезла отца домой. То ли погода была на редкость скверная, то ли душевные мучения дали о себе знать, то ли просто время пришло – в дороге здоровье Толстого резко ухудшилось. Больного сняли с поезда на станции Астапово. Толстой сразу распорядился отправить телеграмму в Оптину пустынь.

«Ездил я в Астапово, – докладывал монастырской братии старец Варсонофий о поездке, – не допустили к Толстому. Молил врачей, родных, ничего не помогло. Железное кольцо сковало покойного Толстого. Хоть и Лев был, но ни разорвать кольца, не выйти из него не мог…»

Старец Варсонофий написал письмо дочери графа, Александре Львовне: «Почтительно благодарю Ваше Сиятельство за письмо Ваше, в котором Вы пишите, что воля родителя Вашего и для всей семьи Вашей поставляется на первом плане. Но Вам, графиня, известно, что граф выражал сестре своей, а вашей тетушке, монахине матери Марии, желание видеть нас и беседовать с нами». Желание старца напутствовать Толстого, принять его исповедь и покаяние так и

осталось желанием. Лев Николаевич умер без примирения с Церковью и причастия.

До конца жизни старец Варсонофий скорбел о несбывшемся желании.

Терновый венец

В 1909 году в монастырском гостиничном корпусе поселился со своим семейством Сергей Нилус – новоявленный «русский мистик» и писатель. Духовником четы Нилусов был старец Варсонофий. А в 1911 году в Оптиной начались волнения, если не сказать смута.

Сергей Александрович Нилус и стал возмутителем умиротворенной монастырской жизни. Приняв близко к сердцу пророчества своего духовника о грядущем в мир Антихристе, он запаниковал и с фанатичной одержимостью развернул бурную деятельность по предотвращению катастрофы. В очередной раз переиздав свою книгу «Великое в малом», Нилус включил в нее свои «свидетельства» наступления Антихриста, коих набралось немало, поскольку «сатанинская печать» виделась ему повсюду, в том числе и во многих заводских клеймах. Кстати, в эту же книгу «русский мистик» включил и печально известные «Протоколы сионских мудрецов», поскольку был «по совместительству» черносотенцем. Нилус обращался к восточным патриархам, Святейшему Синоду и Папе Римскому с посланием, требуя созыва Вселенского Собора для принятия согласованных мер защиты от Антихриста. И страстно проповедовал монахам Оптиной пустыни, что в 1920 году в мир явится Антихрист, цитируя свои «свидетельства».

Паника – вещь заразная. Хоть и стойкий народ монахи, да и рождение Антихриста многие старцы предсказывали, но под натиском фанатизма Нилуса Оптина оказалась на грани истерики. В результате Нилусу предложили покинуть Оптину навсегда. А его духовник, старец Варсонофий, был отправлен Синодом в почетную ссылку: настоятелем СтароГолутвинского монастыря с возведением в сан архимандрита. Старец Варсонофий был согласен на статус простого послушника, только бы остаться в Оптиной, но монахи послушания не обсуждают.

Жить старцу оставалось ровно год – триста шестьдесят пять дней с момента отъезда из Оптиной. Так предсказала в Дивеевском монастыре стодвадцатилетняя блаженная Паша Саровская.

Старо-Голутвинский монастырь оказался столь же запущенным, сколь и древним. За отпущенный ему год отец Варсонофий как смог наладил хозяйственную и духовную жизнь монастыря. И в сане архимандрита он остался старцем, продолжая «таскать души из ада». Рассказывают, как исцелил он глухонемого юношу, которого привела к старцу мать. «Диагноз» старец поставил сразу: страшная болезнь – результат тяжкого греха, совершенного в детстве. И к удивлению всех, принялся что-то очень тихо шептать на ухо больному парню.

– Батюшка, он же вас не слышит, – растерялась мать, – он же глухой.

– Это он тебя не слышит, – отрезал отец Варсонофий, – а меня слышит.

И продолжал шептать. Вдруг глаза глухонемого расширились от ужаса, и он кивнул головой. После исповеди старец Варсонофий причастил уже здорового парня.

Предсказание Паши Саровской сбылось в точности. Перед смертью старец Варсонофий вспоминал, как золотая митра архимандрита, возложенная на него в московском Богоявленском соборе, ощущалась терновым венцом. И отказывался от врачебной помощи, отмахиваясь: «Оставьте меня, я уже на кресте…»

Его не стало 1 апреля 1913 года. После смерти тело его перевезли в Оптину, туда, куда он рвался душой последний год своей жизни. Он был похоронен рядом со своим учителем и наставником старцем Анатолием, чьи святые молитвы призывал перед смертью.

После своей кончины старец Варсонофий являлся многим оптинским монахам. В «Летописи Скита» 12 ноября 1913 года есть запись: «Скитский уставщик иеромонах Кукша видел на днях во сне почившего старца схиархимандрита Варсонофия, который, подойдя к нему в храме, попросил, чтобы после Литургии пропели: „Под Твою милость…" По окончании обедни отец Кукша спросил Старца, понравилось ли ему пение. „Да, – ответил Батюшка, – и вы всегда так делайте". По этому случаю по распоряжению скитоначальника отца Феодосия в Скиту введено вышеназначенное пение». Это правило свято соблюдается и в наши дни.

Старец Варсонофий знал, что «вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу, нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, все промыслительно». Он смог донести это знание до всех, кто был готов его услышать.

Советы и наставления Варсонофия Оптинского

Когда у вас бывают какие-либо мечтания, вы им не противоречьте сами, а бросайте в них камнем. Камень же есть имя Христово, Иисусова молитва… Помыслы отогнать не в вашей силе, а не принять их – в вашей. Имя Иисусово отгоняет их.

Гордый становится как бы сродни бесу. Один человек говорит: «Читал я, читал Псалтырь, да ничего не понимаю. Так я полагаю, что мне гораздо лучше положить эту книгу на полку». А старец ему говорит: «Нет, не надо». – «Почему же? Я ничего не понимаю!» – «Ты не понимаешь, так бесы понимают, что там про них говорится, не могут вынести и бегут».

Не должно уходить из церкви до окончания обедни, иначе не получишь благодати Божией. Лучше прийти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом. Вот у нас в церкви читают Шестопсалмие, и люди часто выходят на это время из храма. А ведь не понимают и не чувствуют они, что Шестопсалмие есть духовная симфония, жизнь души, которая захватывает всю душу и дает ей высочайшее наслаждение.

Есть разные пути ко спасению. Одних Господь спасает в монастыре, других, в миру… Везде спастись можно, только не оставляйте Спасителя. Цепляйтесь за ризу Христову – и Христос не оставит вас.

Не читайте безбожных книг, оставайтесь верными Христу. Если спросят о вере, отвечайте смело. «Ты, кажется, зачастила в церковь?» – «Да, потому что нахожу в этом удовлетворение». – «Уж не в святые ли хочешь?» – «Каждому этого хочется, но не от нас это зависит, а от Господа». Таким образом вы отразите врага.

Нельзя научиться исполнять заповеди Божии без труда, и труд этот трехчастичный – молитва, пост и трезвение.

Мне приходится слышать жалобы на то, что мы переживаем теперь трудные времена, что теперь дана полная свобода всяким еретическим и безбожным учениям, что Церковь со всех сторон подвергается нападкам врагов, и страшно за нее становится, что одолеют ее эти мутные волны неверия и ересей. Я всегда отвечаю: «Не беспокойтесь! За Церковь не бойтесь! Она не погибнет: врата адовы не одолеют ее до самого Страшного суда. За нее не бойтесь, а вот за себя бояться надо, и правда, что наше время очень трудное. Отчего? Да оттого, что теперь особенно легко отпасть от Христа, а тогда – гибель».

Вся жизнь наша есть великая тайна Божия. Все обстоятельства жизни, как бы ни казались они ничтожны, имеют огромное значение. Смысл настоящей жизни мы вполне поймем в будущем веке. Как осмотрительно надо относиться к ней, а мы перелистываем нашу жизнь, как книгу, – лист за листом, не отдавая себе отчета в том, что там написано. Нет случая в жизни, все творится по воле Создателя.

Чтобы уподобиться Богу, надо исполнять Его святые заповеди, а если рассмотреть, то окажется, что ни одной-то мы по-настоящему и не исполнили. Переберем их все, и окажется, что той заповеди мы едва коснулись, другую, может, тоже несколько начинали только исполнять, а, например, к заповеди о любви к врагам и не приступали. Что же остается делать нам, грешным? Как спастись? Единственно – через смирение. «Господи, во всем-то я грешен, ничего нет у меня доброго, надеюсь только на беспредельное Твое милосердие». Мы сущие банкроты пред Господом, но за смирение Он не отринет нас. И действительно, лучше, имея грехи, так и считать себя великими грешниками, чем, имея какие-нибудь добрые дела, надмеваться ими, считая себя праведными. В Евангелии изображены два таких примера в лице Фарисея и мытаря. В страшное время мы живем. Людей, исповедующих Иисуса Христа и посещающих храм Божий, подвергают насмешкам и осуждению. Эти насмешки перейдут в открытое гонение, и не думайте, что это случится через тысячу лет, нет, – это скоро наступит. Я до этого не доживу, а некоторые из вас и увидят. И начнутся опять пытки и мучения, но благо тем, которые останутся верны Христу Богу.

Верный признак омертвения души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего начинает избегать ходить в церковь, сначала старается прийти к службе попозже, а затем и совсем перестает посещать храм Божий.

Ищущие Христа обретают Его по неложному евангельскому слову: «Стучите и отверзется вам, ищите и обрящете», «В доме Отца Моего обителей много». И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и о земных обителях, и не только о внутренних, но и о внешних.

Каждую душу ставит Господь в такое положение, окружает такой обстановкой, которая наиболее способствует ее преуспеянию. Это и есть внешняя обитель, исполняет же душу покой мира и радования – внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его.

Что-то мрачное, ужасное грядет в мир… Человек остается как бы беззащитным, настолько им овладела эта злая сила, и он не сознает, что делает… Даже внушается самоубийство… Почему это происходит? Потому что не берут в руки оружие – не имеют при себе имени Иисусова и крестного знамения.

Жизнь есть блаженство… Блаженством станет для нас жизнь тогда, когда мы научимся исполнять заповеди Христовы и любить Христа. Тогда радостно будет жить, радостно терпеть находящие скорби, а впереди нас будет сиять неизреченным светом Солнце Правды – Господь… Все Евангельские заповеди начинаются словами: блажени – блажени кротции, блажени милостивыи, блажени миротворцы… Отсюда вытекает как истина, что исполнение заповедей приносит людям высшее счастье.

Из духовного завещания старца от 17 марта 1913 года: *«Не угашайте духа, но паче возгревайте его терпеливою молитвою и прилежным чтением святоотеческих и Священных Писаний, очищая сердце от страстей. Лучше соглашайтесь подъять тысячу смертей, чем уклониться от Божественных заповедей Евангельских и дивных установлений иноческих. Мужайтесь в подвиге, не отступайте от него, хотя бы весь ад восстал на вас и весь мир кипел бы на вас злобою и прещением, и – веруйте: близ Господь всем призывающим Его, – всем призывающим Его во истине. Аминь».*

Глава двенадцатая
Народный старец

Анатолий Младший Оптинский

Преподобный иеросхимонах Анатолий Младший, в миру Александр Алексеевич Потапов (? – 30 июля/12 августа 1922)

В середине июля 1922 года келейник старца Анатолия, отец Варнава, хватившись, что его наставник, ушедший на прогулку, долго не возвращается, бросился искать старца. «Не случилось бы чего, – обеспокоенно думал монах, – ведь опять совсем разболелся батюшка, в чем только душа держится». Он нашел своего наставника стоящим возле могилы старца Амвросия. Не решаясь побеспокоить, отец Варнава тихонько подошел и остановился на почтительном расстоянии от старца, который, словно прикидывая что-то, негромко разговаривал сам с собой. Прислушавшись, келейник разобрал: «А тут ведь вполне можно положить еще одного. Как раз место для одной могилки. Да, да, как раз…» Через две недели, 29 июля, в Оптину пустынь нагрянули чекисты. Начались повальные обыски, бесконечные допросы, аресты. Сразу потребовав: «Где тут который „народный старец"?» – старца Анатолия подвергли длительному допросу.

– Собирайся, дедуля, – почти ласково предложил усталый следователь, откладывая в сторону ручку и с хрустом потягиваясь. – Ты арестован. Поедешь с нами.

– Поеду, – легко согласился старец. – Только, видите ли, стар я очень, все делаю медленно, а вы – люди занятые, серьезные, не хотелось бы вас задерживать. Позвольте потихоньку собраться до завтра, тогда и заберете. Следователь коротко посовещался с товарищами: «Отсюда он все равно никуда не денется» – и разрешил.

– Только смотри, – предупредил он, – чтобы к утру готов был, мы рано за тобой вернемся. Старец Анатолий согласно кивнул.

Он уединился у себя в келье и всю ночь усердно молился перед иконами. Под утро ему стало плохо. Отец Варнава поспешил за фельдшером, отцом Пантелеимоном. Когда они вошли в келью, старец стоял на коленях перед иконами.

Опыт мирской и монастырский

Александр Алексеевич Потапов пришел в Оптину пустынь зрелым тридцатилетним мужчиной. Родом из московской, старинного патриархального уклада купеческой семьи, он с нежных лет подумывал об уединенной монашеской жизни. Но судьба распорядилась иначе.

Отец Александра рано умер, и семья, потеряв кормильца, переехала жить в Калугу. Заботы о благополучии семьи легли на плечи юного Александра.

Он устроился служить приказчиком. Занимаясь торговлей, по долгу службы он повидал множество людей, научился разбираться в них. Однако мысль о монашестве его не покидала. Неоднократно Александр просил мать отпустить его в монастырь, но та была непреклонна. Понять ее можно, кроме сына заботиться о ней было некому.

Только после смерти матери Александр смог осуществить мечту. 15 февраля 1885 года, покинув мирскую суету, которой тяготился, он пришел в Оптину пустынь. Вскоре брата Александра вместе с иноком Нектарием, будущим великим старцем, благословили стать келейниками у старца Амвросия.

Мудрый старец Амвросий, предвидя в скором будущем совместное старческое служение обоих своих келейников, часто посылал их друг к другу за разъяснениями в разных вопросах, постепенно приучая к сотрудничеству.

К удивлению многих, инок Александр, будучи келейником старца Амвросия, проявлял не только любовь и сострадание к многочисленным посетителям старца, но и обнаружил дар прозорливости. О первых проявлениях этого дара оставила воспоминания одна учительница, в будущем духовная дочь старца Анатолия. Она часто посещала Оптину пустынь и однажды взяла с собой знакомую барыню. Барыня хоть с неохотой и согласилась ехать, но всю дорогу ворчала: «Ну что теперь в Оптиной! Это когда-то были старцы, а нынче их уж больше нет!» Когда приехали в монастырь, барыня сходила с учительницей в храм на службу, а от посещения скита отказалась, повторив, что старцев все равно более нет, и отправилась в гостиницу. Через несколько дней эта дама, нарядно

одетая, решила прогуляться по монастырю. Дорожка привела ее к скиту, она подошла к воротам и села с книгой в руках на лесенку хибарки, в которой старец Амвросий принимал женщин. Из кельи вышел келейник старца, собиравшийся за водой к колодцу. Увидев женщину, сидящую на лесенке, он принял ее за посетительницу и ласково спросил: «Откуда ты, раба Божья?» Дама с гневом подумала: «Вот они, хваленые монахи, сразу пристают с вопросами» – и отвернулась в гордом молчании. Инок Александр набрал воды, а когда возвращался, подошел к даме, поставил ведра на землю и тихо, словно сам себе, начал подробно рассказывать, кто она, откуда, невзначай напомнил нечто, о чем ей вспоминать не хотелось. Возмущенная дама сначала подумала, что это ее подруга разболтала о ней молодому монаху. Но келейник, словно прочитав ее мысли, стал рассказывать то, о чем кроме самой дамы ни одна живая душа не знала. Только тут она поняла, что перед ней стоит монах не простой, а наделенный особыми дарами. И она упала в дорожную пыль ему в ноги: «Вы святой!»

Через десять лет послушничества, уже после смерти своего наставника старца Амвросия, 3 июня 1895 года он принял монашеский постриг с именем Анатолий. Старца Анатолия (Зерцалова) уже тоже не было в живых, и отца Анатолия (Потапова) стали называть Анатолием Младшим.

В 1906 году отец Анатолий был посвящен в иеромонаха и назначен духовником Шамординской обители. После кончины старцев Иосифа и Варсонофия отцу Анатолию и отцу Нектарию суждено было стать продолжателями старчества в Оптиной пустыни.

Утешитель «второй Серафим»

Старцы принимают всех, не делая различий ни по сословиям, ни по другим признакам. Но если к старцу Нектарию больше тянулись монашествующие и интеллигенция, то к старцу Анатолию нескончаемым потоком шел простой народ, чтобы вверить ему свои хлопоты, жалобы, скорби и болезни.

Старец Анатолий пользовался всеобщей любовью, ему доверяли, в народе его ласково называли утешителем и вторым Серафимом. Он и внешне, и по манере стремительно выходить к посетителям в черной

полумантии, и по радостному, смиренному и полному любви обращению с людьми многим напоминал знаменитого старца Серафима Саровского.

К старцу Анатолию ежедневно стекалось множество народа. К 1908 году количество людей, желавших посетить старца, увеличилось настолько, что это мешало жившей в скиту братии. Однажды даже настоятелю Оптиной пустыни архимандриту Ксенофонту не удалось протиснуться через толпу, чтобы попасть к старцу на исповедь. Тогда, по благословению настоятеля, старец Анатолий переселился в монастырь, в келью при больничной церкви Владимирской Божьей Матери. Здесь он имел возможность принимать посетителей без ограничения времени – с утра до ночи. Так он и поступал, несмотря на накапливающуюся усталость и частые болезни. В Оптиной часто можно было наблюдать такую картину: в самом монастыре полная тишина, даже монахов не видно, а Владимирская церковь открыта и полна народа.

Далеко за полночь становился старец Анатолий на келейную молитву. Для сна оставалось не более двух часов. Единственным временем, когда он позволял себе маленький отдых, было время чтения кафизм на утренней службе в церкви, когда по уставу садились. Только тогда старец Анатолий погружался в короткий сон. От молитвенных бдений и долгих стояний у старца Анатолия началась болезнь ног, сопровождаемая постоянным кровотечением. От множества положенных им земных поклонов он страдал ущемлением грыжи. По этим причинам, но только в последние годы жизни, он принимал исповедь сидя. И все же, несмотря на собственные немощи и боли, он всегда был приветлив, ласков и сердечен, открыт навстречу тому, кто пришел к нему за помощью. Знавшие его, перешептывались, что отец Анатолий вообще почти не спал, всего себя отдавая молитве и служению людям.

А за помощью шло все больше и больше народу – отец Анатолий стал действительно всенародным старцем. Князь Н. Д. Жевахов, приехавший в Оптину пустынь накануне Февральской революции, чтобы испросить благословения старца на занятие должности товарища обер-прокурора Святейшего Синода, вспоминал: «Подле кельи отца Анатолия толпился народ. Там были преимущественно крестьяне, прибывшие из окрестных сел и соседних губерний. Они

привели с собой своих больных и искалеченных детей и жаловались, что потратили без пользы много денег на лечение. Одна надежда на батюшку Анатолия, что вымолит он у Господа здравие неповинным. Глядя на эту массу верующего народа, я видел в ней одновременно сочетание грубого невежества и темноты с глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, где Истинный Врач душ и телес: они тянулись в монастырь, как в духовные лечебницы, и никогда их вера не посрамляла их, всегда они возвращались возрожденными, закаленными молитвой и беседами со старцами. Вдруг толпа заволновалась: все бросились к двери кельи. У порога показался отец Анатолий. Маленький, сгорбленный старичок, с удивительно юным лицом, чистыми, ясными, детскими глазами, отец Анатолий чрезвычайно располагал к себе. Он был воплощением любви, отличался удивительным смирением и кротостью, и беседы с ним буквально возрождали человека. Казалось, не было вопроса, который бы отец Анатолий не разрешил; не было положения, из которого этот старичок Божий не вывел своей опытной рукой запутавшихся в сетях сатанинских. Это был воистину старец, великий учитель жизни…»

Князю как бы вторит другой очевидец: «В нем ясно чувствовались дух и сила первых великих оптинских старцев». Главное – вокруг старца всегда царила неповторимая атмосфера, погружаясь в которую человек ощущал себя, словно «побывавшим под благодатным золотым дождем».

Как-то в соседней с Оптиной пустынью деревне крестьянин оказался в безвыходном положении: с большой семьей на улице без крыши над головой, имея в кармане всего пятьдесят рублей. Помочь ему было некому, все родственники – бедны. Крестьянин с горя впал в отчаяние и надумал деньги, что были, пропить, жену с детишками оставить, а самому отправиться в Москву наниматься в работники. С тем и спать лег. А наутро, когда проснулся, словно кто сказал ему: «Сходи к старцу Анатолию». Крестьянину было уже все равно – решил сходить. Подходит к старцу под благословение, а тот его благословляет, словно дважды в лоб ударяет. Кладет старец благословение медленно, чинно. Крестьянин не выдержал, пожаловался старцу:

– Погибаю я, батюшка, хоть совсем умирай.

– Что так? – вроде как удивился старец.

– Да вот так вот. – рассказал крестьянин о своей беде старцу.

Тот выслушал, еще раз благословил крестьянина и сказал:

– Не падай духом, через три недели в свой дом войдешь.

Крестьянин не поверил, но и задуманное исполнять не стал. Однако старец оказался прав: поспели благодетели с помощью, новый дом помогли построить.

Одна сельская учительница, духовная дочь старца Анатолия, рассказывала, как стала свидетельницей проявления старцем дара прозорливости и дара исцеления. «Однажды послал батюшка со мной грушу моему брату. Я удивилась, почему именно младшему. Приехала домой и узнала, что брат очень болен. Доктор сказал, что мало надежды на выздоровление. Я дала брату батюшкину грушу, он стал ее есть по маленькому кусочку и постепенно начал поправляться, а вскоре и совсем выздоровел». Эта же учительница утверждала, что целебной силой обладала даже одежда старца Анатолия. Однажды он подарил ей свой подрясник, и с тех пор она во время простуды всегда накрывалась этим подрясником и сразу выздоравливала.

В 1914 году, накануне Первой мировой войны, в жизни Оптиной пустыни совершилось особо памятное событие: обитель посетила великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра царствующей императрицы. В первый же день пребывания в обители великую княгиню познакомили со старцем Анатолием. Она исповедовалась у него, и между ними состоялась длительная беседа. Содержание этой беседы осталось тайной. Есть предположения, что прозорливый старец Анатолий, предвидевший грядущую мученическую кончину великой княгини Елизаветы Федоровны, духовно подготовил ее к грядущим испытаниям.

Среди почитателей старца был и знаменитый московский «старец в миру» священник Алексей Мечев, служивший в храме Николая Чудотворца на Маросейке. Между старцами существовала молитвенная связь, отец Анатолий всегда направлял приезжавших в Оптину москвичей к отцу Алексею. По словам философа и богослова Павла Флоренского, хорошо знавшего обоих, отец Анатолий и отец Алексей «виделись в жизни только однажды, но между ними было всегда внутреннее сообщение, которое близкие называли „беспроволочным телеграфом"». Отец Алексей говорил об отце Анатолии: «Мы с ним одного духа».

В 1916 году, осенью, старец Анатолий приехал в Петербург на закладку Шамординского подворья. Остановился у купца Усова. Очевидица так вспоминала об этом приезде старца: «Купец Усов был известным благотворителем, мирским послушником оптинских старцев. Когда мы вошли в дом Усовых, то увидели огромную очередь людей, пришедших получить старческое благословение. Очередь шла по лестнице до квартиры Усовых и по залам и комнатам их дома. Все ждали выхода старца. Ожидало приема и семейство Волжиных – обер-прокурора Святейшего Синода. В числе ожидающих стоял еще один архимандрит, который имел очень представительный и в себе уверенный вид. Скоро его позвали к старцу. Там он оставался довольно долго. Кое-кто из публики возроптал по сему поводу, но кто-то из здесь же стоявших возразил, что старец не без причины его так долго держит. Когда архимандрит вышел, он был неузнаваем – низко согнутый и весь в слезах, куда девалась гордая осанка! Вскоре показался сам старец и стал благословлять присутствующих, говоря каждому несколько слов. Отец Анатолий внешностью походил на иконы преподобного Серафима Саровского – такой же любвеобильный, смиренный облик. Это было само смирение и такая, не передаваемая словами любовь! Нужно видеть, а выразить в словах – нельзя!..»

Во время посещения Петербурга накануне Февральской революции старец показал, что ему открыто многое в судьбах России, в том числе и гонения на Церковь. Одному из духовных детей он писал: «Бойся Господа, сын мой, бойся потерять уготованный тебе венец, стой в вере и, если нужно, терпи изгнание и другие скорби, ибо с тобой будет Господь».

Известны некоторые пророчества старца, произнесенные им в эти дни, касавшиеся трагической судьбы России и государя Николая II. Старец Анатолий высоко чтил царя и горячо молился за него. Он высоко ставил служение государю. В беседе с князем Н. Д. Жеваховым старец говорил: «Коли царь зовет – значит, зовет Бог. А Господь зовет тех, кто любит царя, ибо Сам любит царя и знает, что и ты царя любишь. Нет греха больше, как противление воле помазанника Божьего. Береги его, ибо им держится земля русская и вера Православная. Молись за царя. Судьба царя – судьба России. Заплачет царь, – заплачет и Россия, а не будет царя – не будет и России. Как

человек с отрезанной головой уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без царя труп смердящий». Страшные слова, жестокие слова.

Во время Февральской революции 1917 года старец Анатолий оказался в Москве, у знакомых. Зная, где старец остановился, к нему приходили многие его духовные дети, обеспокоенные происходящим, и спрашивали: «Что же теперь будет?» И слышали в ответ: «Будет шторм. И русский корабль будет разбит. Да, это будет, но ведь и на щепках и обломках люди спасаются. Не все же погибнут…» Все были потрясены, подавлены, многие невольно плакали. Старец подошел к монахине, утиравшей слезы, и, положив руку ей на голову, сказал:

– Ничего, ничего не бойся только. Бог не оставит уповающих на Него. Надо молиться, надо всем каяться и молиться горячо, – и обведя всех присутствующих взглядом, спросил: – А что после шторма бывает?

– Штиль, – чуть слышно прошептала монахиня.

– Вот ведь так, – кивнул отец Анатолий. – И будет штиль.

Многие робко возразили, что корабля уже не будет! Корабль разбит, погиб, все погибло!

– Не так, – нахмурился старец. – Явлено будет великое чудо Божие, да. И все щепки и обломки волею Божией и силой Его соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе, и пойдет своим путем, Богом предназначенным. Так это и будет, явное всем чудо.

Старец покинул Москву и вернулся в Оптину пустынь. Теперь он ни от кого не скрывал тайну о движущейся навстречу бурям России. Он не пугал, но старался поднять в каждом силу духа для величайшего подвига терпения во имя веры в спасительный промысел Божий.

«Рассадник контрреволюционной пропаганды»

Февральская революция была только преддверием грозы, глухими раскатами грома. Но вскоре ударили молнии Октябрьского переворота. На Россию обрушились репрессии и гонения, в первую очередь затронувшие Церковь.

Монастыри закрывали, отбирали монастырские ценности, монахов арестовывали, ссылали. Духовные дети старца Анатолия

уговаривали его хотя бы на время покинуть обитель, но старец отвечал: «Что же в такое время я оставлю святую обитель? Меня всякий сочтет за труса, скажет: когда жилось хорошо, то говорил – терпите, Бог не оставит, а когда пришло испытание, первый удрал. Я, хотя больной и слабый, но решил так и с Божьей помощью буду терпеть. Если и погонят, то тогда только покину обитель святую, когда никого в ней не будет. Последний выйду, и помолюсь, и останкам святых старцев поклонюсь, тогда и пойду».

До последней возможности старец принимал в обители страждущих, утешал, наставлял, помогая пережить тяжелые времена. Он прекрасно предвидел не только судьбу России, но и судьбы Оптиной пустыни, ее последних старцев и свою собственную.

Однажды, во время одного из участившихся приступов болезни, старец попросил мать Амвросию, дежурившую возле его постели, почитать ему одну книжку. В книжке описывалось, как во время шторма тонул в море корабль. Застигнутые стихией люди спасались кто как мог: садились в лодки, хватались за доски, кто-то просто плыл, надеясь доплыть до берега. И только капитан стоял у руля и молился до самого конца, до того момента, когда корабль стал уходить на дно. И в этот момент перед капитаном разверзлись небеса, и он увидел Спасителя. Чтением этой книги старец как бы указывал на смысл подвига последних оптинских старцев, до последней возможности остававшихся у руля накренившегося корабля России, не покидая его во время шторма революции.

Вскоре после закрытия Оптиной пустыни последовал ряд арестов монахов обители. Пришли с обыском и к старцу Анатолию, забрав из убогой кельи то немногое, что старец не успел еще раздать братии. Старца арестовали и повезли в Калугу, но по дороге у него опять обострилась болезнь. Сопровождающие подумали, что у старца тиф, испугались и сдали его в тифозную больницу. Там ему, как всем больным тифом, сразу же остригли волосы и бороду. Когда выяснилось, что за тифозного больного старца Анатолия приняли по ошибке, доктор отпустил его.

Вернулся старец в обитель, как и предсказывал, через неделю. Многие монахи не узнали его в таком непривычном виде – остриженного наголо и без бороды. Старец вошел в свою келью, перекрестился на оставшиеся иконы и весело сказал: «Слава Тебе,

Боже! Посмотрите, какой я молодчик!» Даже во время ареста он молился за своих врагов и не держал на них зла.

В конце 1918 года для Оптиной пустыни настали тяжелые времена: закончились припасы, не хватало хлеба, братия и старцы терпели жестокую нужду и голод. Старец Анатолий смиренно просил своих духовных детей привозить для братии хлеб, а шамординских сестер благословил ездить в другие губернии хлеб выменивать. Благодаря молитвам и заботам старца и благодаря не боявшимся жертвовать даже в эти непростые времена, обитель в самые жестокие дни голода и разрухи выжила.

Но средств и пожертвований хватало только на то, чтобы не умереть с голоду. Топить кельи было нечем, Оптина осталась без дров. А тут еще в монастырь стали часто забредать воинственно настроенные группы молодежи. Одурманенные водкой и коммунистической пропагандой, они грозили монахам скорой расправой, били стекла в окнах. У старца Анатолия в келье выбили все стекла. Окна затыкали чем попало, в нетопленой келье в морозы было так холодно, что вода покрывалась коркой льда.

Все это не могло не сказаться на болезненном старце Анатолии. Он был так плох, что в 1921 году принял схиму. При совершении обряда он от слабости не мог удержать свечу в руке. Но после посвящения ему стало неожиданно лучше, и он немедленно стал принимать посетителей. Люди шли в Оптину, их мучили вопросы: как пережить эти страшные времена и как жить дальше? Старец Анатолий отвечал: «Живи просто, по совести, помни всегда, что Господь видит, а на остальное не обращай внимания».

Последние старцы Оптиной пустыни вселяли в народ надежду, укрепляли в людях веру. Этого новая власть простить им не могла. Монастырь был объявлен «рассадником контрреволюционной пропаганды». Вслед за этим должны были неизбежно последовать репрессии. И они последовали.

…Утром 30 июля 1922 года машина с чекистами остановилась возле кельи старца Анатолия. На крыльцо вышел келейник отец Варнава.

– Старец готов? – спросил, выходя из машины вчерашний следователь.

– Да, готов, – ответил отец Варнава.

Стуча сапогами, чекисты вошли в келью. Перед ними на столе стоял гроб с телом старца Анатолия, ушедшего во время своей последней молитвы в лучший из миров. Он умер свободным.

Его похоронили, где он и хотел, между могилами старцев Амвросия и Макария. Когда копали для него могилу, случайно задели гроб старца Макария. Тело старца оказалось нетленным. Это стало для всех оставшихся монахов обители утешением, знамением того, что в будущем обязательно будут прославлены святые старцы Оптиной пустыни.

«Положись на волю Господню, и Господь не посрамит тебя. Пред кончиною своею будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет душа твоя возноситься к Богу» – так учил старец Анатолий и подтвердил эти слова жизнью своей и своей кончиной.

Советы и наставления Анатолия Младшего Оптинского

Вот вы спрашиваете скорейший путь к смирению. Конечно, прежде всего следует сознать себя немощнейшим червяком, ничего не могущим сделать доброго без дара Духа Святаго от Господа нашего Иисуса Христа, подаваемого по молитве нашей и ближних наших и по Своему милосердию…

Окончательно ничего не предпринимайте, не отслужив молебна Спасителю, Матери Божией и всем святым. Если духом будете покойны, то намерение можете приводить в исполнение, если же страх и боязнь по болезни почувствуете, то не следует.

Гордость бывает разная. Есть гордость мирская – это мудрование, а есть гордость духовная – это самолюбие…

Наш учитель – смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, а благодать Божия – это все… Там тебе и величайшая мудрость. Вот ты смирись и скажи себе: «Хотя я и песчинка земная, но и обо мне печется Господь, и да свершается надо мной воля Божия». Вот если ты скажешь это не умом только, но и сердцем, и действительно смело, как подобает истинному христианину, положешься на Господа, с твердым намерением

безропотно подчиняться воле Божией, какова бы она ни была, тогда рассеются пред тобою тучи, и выглянет солнышко и осветит тебя и согреет, и познаешь ты истинную радость от Господа, и все покажется тебе ясным и прозрачным, и перестанешь ты мучиться, и легко станет тебе на душе…

От того и трудной стала жизнь, что люди запутали ее своим мудрованием, что, вместо того чтобы обращаться за помощью к Богу, стали обращаться за помощью к своему разуму да на него полагаться… Не бойся ни горя, ни страданий, ни всяких испытаний: все это посещения Божии, тебе же на пользу…

Говорят, храм скучен. Скучен, потому что не понимают службы! Надо учиться! Скучен, потому что не радеют о нем. Вот он и кажется не своим, а чужим. Хотя бы цветов принесли или зелени для украшения, приняли бы участие в хлопотах по украшению храма – не был бы он скучен.

Не бойся ни горя, ни страданий, ни всяких испытаний: все это посещения Божии, тебе же на пользу… Пред кончиною своей будешь благодарить Бога не за радости и счастье, а за горе и страдания, и чем больше их было в твоей жизни, тем легче будешь умирать, тем легче будет возноситься душа твоя к Богу.

Глава тринадцатая
Окрест старчества отца Нектария

Нектарий Оптинский

Преподобный иеросхимонах Нектарий, в миру Николай Васильевич Тихонов (1853 – 29 апреля/12 мая 1928)

> Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила, не он ей, то есть человек не должен делаться рабом своих обстоятельств, не должен приносить свое внутреннее в жертву внешнему.
>
> *Нектарий Оптинский*

Невысокого роста, худощавый, из-под высокой монашеской шапочки-скуфьи выбиваются пряди полуседых волос, в руках неизменные гранатовые четки. Округлое лицо без возраста – «то древнее, суровое, словно тысячелетнее, то молодое по живости и выразительности мысли, то младенческое по тишине и покою». Таким старец Нектарий вошел в вечность на иконах.

«Мне казалось, будто он нес какую-то святую чашу, наполненную драгоценной жидкостью,

и крайне опасался: как бы не пролить ни одной капли из нее, – вспоминал один из современников старца Нектария, – …мне пришла в голову мысль: святые хранят в себе благодать Божию и боятся нарушить ее каким бы то ни было неблагоговейным душевным движением: поспешностью, фальшивой человеческой лаской и др. Отец Нектарий смотрел все время внутрь себя, предстоя сердцем пред Богом».

«Подождите, Николка проспится…»

Николай Васильевич Тихонов, будущий старец Нектарий, родился в городе Ельце в 1853 году в семье рабочего, трудившегося на

мельнице. Его родители рано умерли, оставив сына сиротой. Окончив церковно-приходскую школу, с одиннадцати лет мальчик работал в лавке у богатого купца. К семнадцати годам дослужился до младшего приказчика. Пригожий и работящий, Николай Тихонов приглянулся дочери старшего приказчика. Ее отец был не против такого замужества, их хозяин тоже одобрил этот брак. Поскольку родителей у Николая не было, он, по совету добрых людей, отправился в Оптину пустынь за благословением к старцу Амвросию. Была весна 1873 года.

Первое восторженное впечатление от природы в Оптиной пустыни Николай Тихонов сохранил на всю жизнь. Он вообще был склонен коллекционировать впечатления. Больше всего его потрясли цветы – «словно в раю».

В то время приема у старца Амвросия ждали неделями – столько желающих было посоветоваться с ним. Но Николая старец принял сразу же и беседовал с ним два часа. О чем была их беседа, Николай никому никогда не открывал, но навсегда остался в Оптиной.

В унисон праздничному настроению от первой встречи с Оптиной Николаю дали и первое послушание – ухаживать за цветами. Следующее послушание было серьезнее – его назначили пономарем. Со вторым послушанием Николай справлялся с трудом, медленно привыкая к строгому уставу. Утреня в скиту начиналась около часа ночи, а он должен был первым прийти в собор, подготовить алтарь к богослужению. Николай часто опаздывал и ходил с заспанными глазами. Монахи постоянно жаловались на него старцу Амвросию, но тот всегда отвечал: «Подождите, Николка проспится, всем пригодится».

У Николая был красивый сильный голос, и одно время он пел на клиросе. Но, по преданию, однажды испугался, что его, как и всех хороших певчих, заберут из скита в монастырь, и стал фальшивить. Его поселили в келью, дверь которой выходила в сторону церкви. Здесь он прожил почти двадцать пять лет, не разговаривая ни с кем из монахов. По важным случаям ходил к отцу Амвросию, которого считал своим старцем, и к отцу Анатолию – своему духовному отцу.

3 апреля 1876 года Николай был пострижен в рясофор, а 14 марта 1887 года – в мантию. При монашеском постриге ему было дано имя Нектарий в честь преподобного Нектария Киево-Печерского. «Целый

год после этого я словно крылышки за плечами чувствовал…» – даже в старости с улыбкой вспоминал старец Нектарий.

После пострига отец Нектарий и вовсе перестал выходить из кельи. Несколько лет окна его кельи были заклеены синей бумагой.

Двадцать пять лет затворничества – срок не малый. Все это время отец Нектарий не только молился и читал духовную литературу, хотя и ставил всю жизнь Священное Писание выше всех других книг. Он учился. То ли благословение оптинских старцев помогло, то ли одарен был отец Нектарий сверх меры, но факт остается фактом: он вышел из затвора высокообразованным человеком. В будущем, став старцем, он поражал искушенную русскую интеллигенцию широтой и глубиной познаний в математике, философии, истории, географии, литературе. Он знал латынь и свободно говорил по-французски. С удовольствием беседовал о последних достижениях науки и техники, интересовался авиацией, говорил, что она – завоевание гения человеческого. И на удивленные вопросы посетителей: «Где ж вы, батюшка, окончили университет?» – всегда отвечал: «Вся наша мудрость от Писания…» Кстати, ссылаясь на Священное Писание, он приводил примеры с такими деталями, как будто сам был участником тех событий.

Пришел к отцу Нектарию один посетитель и покаялся, что никак не может поверить, что на земле был потоп, как это описано в Библии. Тогда старец рассказал ему о данных геологии, которые свидетельствуют о потопе, о том, что на самых высоких горах в песке находят раковины и другие остатки морского дна. Человек ушел от старца успокоенным.

«Я к научности приникаю», – говорил отец Нектарий.

Однажды были у него семинаристы с преподавателем – пришли за «полезным словом». Отец Нектарий посоветовал им жить и учиться так, чтобы ученость не мешала благочестию, а благочестие учености.

Отец Нектарий любил повторять, что «Бог – центр круга, а люди – радиусы. При приближении к центру они сближаются между собой».

В 1912 году отец Нектарий имел длительную беседу с Владимиром Быковым, известным русским спиритом и оккультистом. И не только поразил московскую знаменитость своими познаниями о гипнозе, спиритизме и психологии оккультистов, но и предсказал его будущее. Эта беседа круто изменила жизнь Быкова.

– Науки приближают человека к истинному знанию, однако глубина его не подвластна человеческому разуму, – повторял отец Нектарий.

Кроме наук отец Нектарий серьезно занимался живописью, брал уроки у художника-иеромонаха Даниила, в миру академика Болотова. Разбирался в поэзии, любил Пушкина. Интересовался музыкой. Рассказывали, что одно время у него был граммофон, но потом духовное начальство запретило ему слушать пластинки.

Однажды в Оптину пришло требование откомандировать одного иеромонаха во флот для кругосветного путешествия. Архимандрит предложил это назначение отцу Нектарию, и того охватило острое желание путешествовать, увидеть дальние страны. Впервые в жизни он забыл, что все в Оптиной делается по благословению старца. И когда перед отъездом отец Нектарий зашел за напутственным благословением к старцу Иосифу, тот не благословил. Так и остался отец Нектарий в Оптиной. В последующие годы он не раз повторял, что для монаха есть только два выхода из кельи – в храм да в могилу.

После затвора отец Нектарий получил благословение на подвиг юродства. Наверное, с этого времени начались его предсказания, странные и малопонятные поначалу, как и его поступки. Отец Нектарий стал носить яркие кофты поверх подрясника и цветные платки. Во время трапезы мог все блюда слить в одну тарелку. Нарушал монастырский устав, лакомясь с посетителями любимым молочным шоколадом. Или начинал играть с фонариком, включая и выключая его, приговаривая: «А я молнию поймал». А то соберет мелких камушков, стеклышек, бумажек, сложит в шкафчик и показывает: «Это мой музей». Как тут не вспомнить, что после закрытия Оптиной в скиту устроили музей и дом отдыха? Случалось, накинет рваный халатик и ходит по скиту, сверкая босыми пятками. Блажь или пророчество? В 1920 годы многие студенты и служащие ходили в подобном виде: в пальто, надетом на нижнее белье. А перед революцией старец Нектарий стал носить красный бант на груди.

Он любил игрушки. У него была птичка-свистулька, в которую он заставлял дуть взрослых людей, приходивших с пустыми горестями. Были детские книжки, волчок, машинки: трамвай, автомобиль. Одного из своих духовных детей он как-то попросил привезти ему игрушечную модель аэроплана.

«А мы – малы…»

«Я в новоначалии, я учусь…» – всю жизнь повторял отец Нектарий.

Когда в 1913 году в Оптиной избирали старца, отец Нектарий на собрание не пошел: «И без меня выберут кого надо». Выбрали, действительно, кого надо, – его самого. За отцом Нектарием послали. Он пришел: одна нога в туфле, другая в валенке.

Архимандрит ему торжественно:

– Батюшка, вас избрали духовником нашей обители и старцем.

– Нет, отцы и братья! – решительно отказался Нектарий.

Тогда архимандрит отбросил торжественность и просто сказал:

– Отец Нектарий, прими послушание.

Отказаться от послушания отец Нектарий не мог. Но три дня проплакал. Позже он признавался, что уже предвидел и разгром Оптиной, и тюрьму, и высылку. И не хотел брать все это на себя. Однако выбора у него уже не было. Так он стал старцем.

Многие считали его великим старцем, приравнивали к отцу Амвросию. Сам он великим старцем себя никогда не признавал, говоря так: «Некоторые меня ищут как старца, а я, как бы вам сказать, все равно как пирожок без начинки». Или: «Как могу я быть наследником прежних старцев? Я слаб и немощен. У них благодать была целыми караваями, а у меня – ломтик». Про старца Амвросия говорил: «Это был небесный человек или земной ангел, а я едва лишь поддерживаю славу старчества». Старец Нектарий жил в хибарке старца Амвросия, это позволяло ему отнекиваться, что посетители приходят, собственно, к батюшке Амвросию в его келью, и пусть хибарка говорит вместо него.

Уже будучи опытным духовным наставником, отец Нектарий искренне признавался: «Я наистарейший в обители летами, а наименьший по добродетели» или: «Я мравий, ползаю по земле и вижу все выбоины и ямы, а братия очень высоко, до облаков подымается». В скиту у отца Нектария был кот, который во всем его слушался. Может быть, этот кот напоминал ему короткое детство, когда у него «кроме маменьки и кота никого не было». Отец Нектарий говорил: «Старец Герасим Иорданский был великий старец, потому у него был лев. А мы малы – у нас кот».

Как ни прибеднялся отец Нектарий, а духовными дарами Господь его не обидел. Как и все старцы Оптиной, отец Нектарий читал свою обширную корреспонденцию, не вскрывая писем. Интересные воспоминания оставил Василий Шустин, будущий священник: «В один из моих приездов в Оптину пустынь я видел, как отец Нектарий читал запечатанные письма. Он вышел ко мне с полученными письмами, которых было штук 50, и, не распечатывая, стал их разбирать. Одни письма он откладывал со словами: „Сюда надо ответ дать, а эти письма, благодарственные, можно без ответа оставить". Он их не читал, он видел их содержание. Некоторые из них он благословлял, а некоторые и целовал, а два письма, как бы случайно, дал моей жене и говорит: „Вот, прочти их вслух. Это будет полезно"». Одно из писем было от девушки, которая полюбила священника-обновленца, старого знакомого Шустиных. Он так увлек ее своими зажигательными проповедями, что она бросила все свои занятия.

Василий Шустин был духовным сыном старца Варсонофия и хорошо знал историю одного предсказания. Однажды послушник Павел Плиханков, будущий старец Варсонофий, разминулся на скитской дорожке с отцом Нектарием. И услышал вслед: «Жить тебе осталось ровно двадцать лет». «Великого послушания был человек, – восхищался старцем Варсонофием отец Нектарий, – ни дня лишнего не прожил».

Но чаще старец Нектарий говорил притчами и загадками, любил аллегории и иносказания. Однажды старец сказал Василию Шустину:

– Пойдем, научу самовар ставить. Придет время, у тебя прислуги не будет.

В самовар надо было налить воды, и старец указал ему на большой медный кувшин. Василий попробовал его поднять, но не смог. Тогда он решил сделать наоборот: поднести к кувшину самовар и начерпать воды. Однако старец, увидев это, повторил:

– Ты возьми кувшин и налей воду в самовар.

– Да ведь, батюшка, он слишком тяжелый для меня, я его с места не могу сдвинуть.

Отец Нектарий подошел к кувшину, перекрестил его и снова говорит:

– Возьми.

Теперь дадим слово самому участнику события, Василию Шустину. «Я поднял и с удивлением смотрел на батюшку: кувшин мне почувствовался совершенно легким, как бы ничего не весящим. Я налил воду в самовар и поставил кувшин обратно с выражением изумления на лице. А батюшка меня спрашивает: „Ну что, тяжелый кувшин?" Я был прямо поражен: как он уничтожил силу тяжести одним крестным знамением!»

Одна паломница написала красками картину: вид из монастыря на реку во время заката. Оставив рисунок на открытом балконе, они с мужем пошли прогуляться по лесу. Во время прогулки супруги серьезно поссорились, а возвратившись, с изумлением увидели, что на картине вместо ясного неба нарисованы грозовые тучи и молнии. Они догадались, что это послание старца Нектария, изобразившего их духовное состояние. Гроза с молниями произвела на супругов сильнейшее впечатление, они тут же помирились.

Как и все старцы, он облегчал чужие страдания, давал утешение и надежду. Но его душа была, вероятно, хрупкой, ранимой, какой-то беззащитной. Его как-то спросили: должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить их и утешить. И он ответил: «Да. Иначе облегчать нельзя. Чувствуешь иногда, что на тебе словно гора камней, – так много греха и боли принесли к тебе, – прямо не можешь снести ее. Тогда приходит благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев; и можешь принимать сначала…»

И тем не менее временами ему было очень тяжело. Однажды он просил одну из монахинь передать игуменье Белевского монастыря, что утратил молитву и просит ее святых молитв.

– Неужели, батюшка, у вас бывает тягота на душе? – искренне удивилась монашка. – Я думала, вы всегда пребываете в радости духовной.

– Случается, иной раз скажешь что от себя, неправильно решишь вопрос чужой жизни, иногда строго взыщешь на исповеди или, наоборот, не дашь епитимьи, как следовало бы дать, – за все это священнику бывает наказание, благодать Божия отступает, мы страдаем.

Бывали, бывали моменты, когда старец Нектарий был страшен и суров. Мог с каменным лицом обронить убийственное: «Это наказание

за грехи…» – рыдающей женщине, уставшей хоронить умирающих один за другим детей.

За два месяца до начала Первой мировой войны Оптину пустынь посетила великая княгиня Елизавета Федоровна, родная сестра царствующей императрицы, вдова великого князя Сергея Александровича, настоятельница московской Марфо-Мариинской обители. 29 мая высочайшая гостья причастилась и после литургии посетила Иоанно-Предтеченский скит и скитскую библиотеку, беседовала со старцем Анатолием.

На следующий день великая княгиня выехала в Шамордино, а вернувшись вечером, долго беседовала со старцем Нектарием. Содержание бесед великой княгини со старцами осталось тайной, но можно предположить, что достойные ученики старца Амвросия не разошлись в предсказаниях.

После визита в Оптину от великой княгини пришла телеграмма, в которой она благодарила за прием и просила молиться о ней. Когда началась война, Елизавета Федоровна сформировала санитарный поезд, где по ее желанию было духовенство из числа оптинских отцов. «Россия погибла, но Святая Русь жива», – скажет она осенью 1917 года и откажется выехать за границу, чтобы претерпеть все, что назначено.

«Наши самые страшные скорби, – говорил старец, – подобны укусам насекомых, по сравнению со скорбями будущего века». Старец Нектарий предвидел ближайшее будущее России. Но не любил расспросов на эту тему. «Не надо предугадывать, все в свое время откроется», – пресекал он подобные разговоры. Иногда добавлял: «Это – великая тайна», или более красноречивое: «Есть люди, которые занимаются изысканиями признаков кончины мира, а о душах своих не заботятся».

Однако чем ближе был 1917 год, тем определеннее становились высказывания старца. Он понимал, что «над человечеством нависло предчувствие социальных катастроф, и все это чувствуют инстинктом, как муравьи».

«Пока старчество еще держится в Оптиной, заветы его будут исполняться. Вот когда запечатают старческие хибарки, повесят замки на их двери, тогда всего ожидать можно будет».

«Монашеством держится весь мир. Когда монашества не будет, настанет Страшный суд».

Предсказывал, что Оптину разорят, и однажды, обращаясь к своим духовным детям, закончил рассказ словами: *«Тогда примите меня, Христа ради. Некуда мне будет деться»*.

Между февралем и октябрем 1917 года старец говорил: «Скоро будет духовный книжный голод. Не достанешь духовной книги. Наступает век молчания. Государь теперь сам не свой, сколько унижений он терпит за свои ошибки. 1918 год будет еще тяжелее, государь и вся семья будут убиты, замучены. Да, этот государь будет великомученик. В последнее время он искупил свою жизнь, и если люди не обратятся к Богу, то не только Россия, вся Европа провалится. Наступает время молитв…»

Время молитв

Когда в Вербное воскресенье 1923 года монастырь закрыли, отец Нектарий был арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и приговорен к расстрелу.

Сохранилось предание, что отец Нектарий встретил пришедших его арестовывать совершенно спокойный, с электрическим фонариком в руках, окруженный своими детскими игрушками. Он сосредоточенно, ни на кого не обращая внимания, то включал, то выключал свой фонарь. Чекисты были обескуражены:

– Что ты? Ребенок, что ли?

– Я – ребенок.

Рассказывают, что от расстрела старца спасла поэтесса Надежда Александровна Павлович, та самая, которая несколько лет назад явилась в скит, якобы с сигаретой в зубах, и потом стала духовной дочерью старца. Павлович обратилась в Наркомпрос с просьбой спасти ее «дедушку», старика-монаха, которого хотят расстрелять. Крупская расценила это как «перегибы на местах», и расстрел заменили ссылкой.

Освобожденному из Козельской тюрьмы старцу предписали выехать за пределы Калужской области. Сначала он поселился на границе Калужской и Брянской областей на хуторе близ села с говорящим названием Плохино у своего духовного сына. Хозяева выделили старцу отдельный домик.

Тут же приехавшие к старцу его духовные дети увидели, что он глубоко потрясен, опечален, чуть ли не сломлен. Он молился и плакал дни на пролет, просил не обращаться к нему ни за какими советами. Его часто заставали перед иконами, к которым он простирал руки жестом ребенка, зовущего мать. Вдруг все изменилось. Однажды утром к духовным детям вышел прежний старец Нектарий, спокойный, приветливый, сильный духом. Позже он рассказал, что в тяжелую минуту душевной борьбы к нему явились все почившие оптинские старцы и предупредили: «Если хочешь быть с нами, не оставляй своих духовных детей».

Согласно предписанию, Калужскую область надо было покинуть, и старец по рекомендациям знакомых переехал в село Холмищи Брянской области. И хотя условия жизни оказались достаточно тяжелыми – старец жил в утепленной летней половине избы у хозяина, который был «себе на уме», – переезжать он отказался: «Сюда меня привел Господь».

Находясь в ссылке, отец Нектарий внимательно следил за событиями в стране. Советы Нектария передавали Святейшему Патриарху Тихону, и многие вопросы решались святителем в соответствии с мнением старца Нектария и по его благословению. Так старец не благословил принимать новый стиль церковного богослужения, и патриарх решительно воспротивился этому.

Даже в ссылке отец Нектарий продолжал принимать посетителей, несмотря на установленную за ним слежку. Актер Михаил Чехов, не раз бывавший в Холмищах, вспоминал: «.до самой смерти посещали его ученики, знавшие его еще в Оптиной пустыни. И не было ни одного несчастного случая с людьми, приезжавшими к нему. Дорога шла через густые леса. От маленькой станции железной дороги до первой деревни было 25 верст. Крестьяне довозили посетителя до этой деревни, держали до темноты. Оставшиеся несколько верст проезжали уже ближе к ночи. Всегда старец был весел, смеялся, шутил и делал счастливыми всех, кто входил к нему. Он конкретно брал на себя грехи и страдания других…»

Рассказывают, что в 1925 году в Холмищи к старцу приезжал двадцатидевятилетний Георгий Жуков. Отец Нектарий благословил молодого офицера и предсказал ему блестящие победы. Многим он помог своим благословением: люди избегали арестов, освобождались

из тюрем, находили работу. Он спешил предупредить своих духовных детей о том, что им предстоит, показать пути спасения.

«Раньше благодарили Господа, а теперешнее поколение перестало благодарить, и вот оскудение во всем: плоды плохо родятся, и все какие-то больные», – невзначай замечал он.

«Наступает время молитв. Во время работы говори Иисусову молитву, – наставлял старец. – Сначала губами, потом умом, потом она сама перейдет в сердце».

«Человеку дана жизнь, чтобы она ему служила, а не он ей. Служа жизни, человек потеряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоразумение. Он и не знает, зачем живет. Это очень вредное недоумение, и оно часто бывает. Он, как лошадь, везет и вдруг останавливается, на него находит такое стихийное препинание».

Однажды в ответ на просьбу дать совет старец одному из посетителей прочитал монолог о потопе, демонстративно не замечая его удивления и недоумения:

– Теперь совершенно необоснованно считают, что эпоха, пережитая родом человеческим в предпотопное время, была безотрадной, дикой и невежественной. На самом же деле культура тогда была весьма высокой. Люди многое что умели делать, предельно остроумное по замыслу и благолепное по виду. Только на это рукотворное достояние они тратили все силы и души. Все способности своей первобытной молодой природы они сосредоточили лишь в одном направлении – всемерном удовлетворении телесных нужд. Беда их в том, что они «стали плотью». Вот Господь и решил исправить эту их однобокость. Он через Ноя объявил о потопе, и Ной сто лет звал людей к исправлению, проповедовал покаяние пред лицем гнева Божия, а в доказательство правых слов строил ковчег. И что же вы думаете? Людям того времени, привыкшим к изящной форме своей цивилизации, было очень странно видеть, как выживший из ума старикашка сколачивает в век великолепной культуры какой-то несуразный ящик громадных размеров да еще проповедует от имени Бога о грядущем потопе. Ной звал всех людей, а пришли одни скоты. Те дни – прообраз наших дней. Ковчег – Церковь. Только те, что будут в ней, спасутся.

Он не давал никакой надежды на изменение общественной обстановки, даже благословлял обучать детей в советской школе. Отныне христианское воспитание они должны получать в семье, через пример отца и матери.

В ссылке пророчества старца Нектария о России смягчились.

«Россия воспрянет и будет материально небогата, но духом богата, и в Оптиной еще будет семь светильников, семь столпов».

«Если в России сохраниться хоть немного верных православных, Бог ее помилует… А у нас такие праведники есть».

Предчувствовал старец Нектарий и свою смерть. Прощаться с близкими он начал еще за два месяца: давал последнее наставление, благословлял. Не велел хоронить себя возле Покровской церкви в Холмищах, говорил, что там будет хуже свиного пастбища. (Когда храм разрушили, на соборной площади устроили ярмарку и танцплощадку.) «Умирал батюшка тихо, только слезы текли из глаз непрерывным потоком», – вспоминал священник, присутствовавший при кончине старца. Скончался старец 29 апреля 1928 года. Похоронили его на сельском кладбище.

«Два или три раза, уже после смерти старца, – вспоминал актер Михаил Чехов, – я видел его во сне, и каждый раз он давал мне советы, выводящие меня из душевных трудностей, из которых я не мог выйти своими силами».

После возрождения Оптиной пустыни 3 июля 1989 года состоялось обретение нетленных мощей старца Нектария. Мощи Нектария Оптинского были возвращены в его родную обитель, в собор во имя Введения во храм Божьей Матери, где уже покоились мощи его наставника старца Амвросия. И говорят, начались от них чудеса исцеления.

Советы и наставления Нектария Оптинского

Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила, не он ей, то есть человек не должен делаться рабом своих обстоятельств, не должен приносить свое внутреннее в жертву внешнему. Служа жизни, человек теряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоумение; он и не

знает, зачем живет. Это очень вредное недоумение и часто бывает: человек, как лошадь, везет и везет и вдруг на него находит такое… стихийное препинание.

Хорошо, когда Господь долго не слышит молитв, нужно только продолжать молиться и не унывать. Молитва – это капитал. Чем дольше лежит капитал, тем больше процентов приносит. Господь посылает Свою милость тогда, когда Ему это благоугодно: тогда, когда нам полезно принять. Иногда через год Господь исполняет прошение. Пример надо брать с Иоакима и Анны [родителей Девы Марии, матери Христа. – Е.Ф.]. Они всю жизнь молились и не унывали, а все надеялись, и какое Господь послал им утешение!

Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время и вес. Самое прекрасное дело, если оно будет выше меры, не будет иметь смысла… Но есть и большое Искусство – слово. Слово убивающее и воскрешающее (псалмы Давида). Но путь к этому искусству лежит через личный подвиг художника. Это путь жертвы. И один из многих тысяч доходит до него.

Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы. Каждому человеку надо давать по его мерке, нельзя всем одинаково.

Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, и ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен идти к новым и новым познаниям.

Когда бьют часы, креститесь, чтобы был огражден следующий час.

Всюду нужно терпение и смирение.

Глава четырнадцатая
«Главное, чтобы совесть была чиста…»

Никон Оптинский

Преподобный иеромонах Никон, исповедник, в миру Николай Митрофанович Беляев (26 сентября/9 октября 1888 – 25 июня/8 июля 1931)

> Духовный отец, как столп, только указывает путь, а идти надо самому. Если духовный отец будет указывать, а ученик его сам не будет двигаться, то никуда и не уйдет, а так и сгниет около этого столпа.
>
> *Никон Оптинский*

– Смотри, Колька, что я нашел! То, что нужно! – юный гимназист протянул старшему брату толстенный справочник «Вся Россия».

– Молодец Ваня! – Николай бегло пролистал книгу. – Где взял?

– Среди старых книг, что от дедушки остались. Так что смело можем использовать. Я все устрою.

Через некоторое время Иван Беляев снова теребил брата, высыпав перед ним на стол ворох узких полосок бумаги.

– Это что за лапша? – удивился Николай.

– Слушай, тут этих монастырей больше тысячи. Но вроде ничего не пропустил. Видишь, я страницы справочника, где монастыри перечислены, на полоски порезал. Одна полоска – одно название. Выбор за тобой. Какой монастырь вытянешь, туда и пойдем. Помолившись, Николай тщательно перемешал полоски. На той, которую он вытянул, было написано: «Козельская Введенская Оптина пустынь Калужской губернии».

– Оптина, так Оптина, – повеселел Иван, в напряженном молчании наблюдавший за манипуляциями брата. – Обитель выбрали, а как матери-то скажем? Думаешь, отпустит?

– Не знаю, – в голосе Николая сквозила неуверенность. – Для нее это будет полная неожиданность. Я же только в университет поступил,

а ты вообще недоучка, даже гимназию не окончил. Да ладно, попытка – не пытка, пойдем просить благословения. Она у нас понимающая.

«Понимающая» купчиха Беляева, услышав просьбу сыновей, от неожиданности горько расплакалась. Но, поплакав, здраво рассудило, что в наступающее неспокойное и кровопролитное время выбор ее мальчишек не лишен здравого смысла. Хоть и нелегко ей было расставаться с детьми, да материнское сердце мудро. Благословив сыновей и продолжая утирать невольные слезы, она уже строго спросила:

– Отец Петр знает?

– Нет, мы сначала к тебе! Сейчас к нему сходим. Он не откажет.

Радостные братья расцеловали мать в обе щеки и быстро убежали. Они спешили за благословением к отцу Петру Сахарову, настоятелю церкви Иоанна Предтечи на Пятницкой. Отец преподавал Закон Божий в гимназии, где учились братья, и был их духовным отцом, потому уйти в монастырь без его благословения они не могли.

Проводив сыновей, мать еще немного всплакнула. «Вот ведь не думала, не гадала, – мысленно рассуждала она. – Хоть бы словечком обмолвились, я-то считала, нет у них от меня секретов. Хотя, если подумать, чему я удивляюсь. Ваня во всем берет пример со старшего брата, а Николаю иноческая стезя, кажется, на роду написана». И женщина предалась воспоминаниям.

«Господь меня хранил всегда»

Вспоминала она, как весной 1888 года сам Иоанн Кронштадтский посетил их московскую квартиру. Она, молодая многодетная мать, тогда ждала очередного ребенка. Иоанн Кронштадтский отслужил молебен, благословил молодую мать и подарил ей на память свою фотографию с собственноручной подписью и датой. «Это он еще не родившегося Николая благословил», – с нескончаемой благодарностью подумала женщина, как привыкла думать все эти годы.

Николай Беляев родился 26 сентября 1888 года в Москве. При крещении его назвали в честь Мирликийского чудотворца святителя Николая.

Купеческие семьи были обычно очень набожные. Семья Митрофана Беляева, отца Николая и Ивана, не была исключением. Однако бывают моменты в жизни, когда вера проходит испытание на прочность. Одно из самых страшных испытаний для родителей – смертельная болезнь ребенка.

Услужливая память снова перенесла женщину в прошлое. Пятилетний Николай тяжело заболел дифтерией. До сих пор она холодеет от ужаса, вспоминая это время. Болезнь развивалась стремительно, принимая все более угрожающий характер. Вот уже ее мальчик впал в бессознательное состояние, тельце стало синюшным, начало холодеть. Врач не отходил от постели больного ребенка, но его лечение не помогало. К ночи доктор собрался домой. Он не стал скрывать, что состояние ее сына безнадежно, участливо сжал руку. Отец поверил и смирился, она – нет.

Ни на минуту не отходила она от кровати сына, растирала, пытаясь согреть холодеющее тело. Вскоре у мальчика остановилось сердце, прервалось дыхание. Не помня себя от горя, она собрала последние силы, призвала на помощь святого Николая Угодника и принялась растирать и тормошить сына с усиленной энергией. Муж, решив, что она обезумела, уговаривал ее не мучить «покойника». Но ее усилия и молитвы не пропали даром: свершилось чудо – ребенок прерывисто вздохнул, сердце возобновило работу. К удивлению врача, мальчик быстро пошел на поправку.

После этого чудесного выздоровления жизнь мальчика неоднократно подвергалась смертельной опасности. Однажды, во время игры, товарищ Николая, бросая тяжелую свинцовую биту, случайно промахнулся, и бита ударилась о стенку всего в нескольких сантиметрах от головы Николая. Позже, вспоминая все эти случаи, послушник Николай запишет в дневнике: «Господь меня хранил всегда».

Поворот

В последних классах гимназии Николай Беляев увлекся революционными идеями. В 1905 году он, как и весь выпускной класс, участвовал в революционных выступлениях, раздавал листовки,

выходил на демонстрации. За это весь класс из гимназии был исключен. Правда, сдать выпускные экзамены Николаю все же удалось, и он поступил на физико-математический факультет университета. Но… 1905 год завершился событиями, вошедшими в историю как Московское вооруженное восстание, или Декабрьское восстание. Разграбленные магазины, сгоревшие фабрики и заводы, разгромленные баррикады, всюду кровь, кровь, кровь. Неудивительно, что глубоко верующий юноша не смог принять насилия и разочаровался в революционных идеях, несовместимых с верой в Бога. Неожиданно и к учебе он потерял всякий интерес. Смысл мирской жизни был утрачен.

С этого времени Николай стал все чаще посещать храм. Возросший интерес к религии сблизил его с братом Иваном, еще учившимся в гимназии. Оба искали душевного совершенства, читали богословскую литературу, обсуждали прочитанное, беседовали на темы нравственности и вопросов веры. Учебники заменили Евангелие и труды святителя Феофана Затворника. Окружающий мир все меньше интересовал братьев. Вскоре вместо университета и гимназии братья стали по утрам ходить в храм, что долгое время оставалось тайной даже для матери, от которой обычно у братьев секретов не было.

Когда отец Петр, духовник братьев, узнал, что они собрались в Оптину пустынь, он познакомил их со своим товарищем, с которым учился в духовной академии, епископом Трифоном, принявшим постриг в Оптиной пустыни. Епископ Трифон изъявил желание познакомиться с матерью братьев и долго с ней беседовал. Мать, хотя и благословила детей на уход в монастырь, немного грустила, что сыновья покинут ее. Епископ Трифон успокоил: «Не беспокойтесь, в Оптиной они увидят только хорошее, вынесут только хорошие впечатления, которые останутся у них на всю жизнь…»

Тихое пристанище

24 февраля 1907 года, в день Обретения главы Иоанна Предтечи, братья Беляевы в сопровождении епископа Трифона приехали в Оптину пустынь. Сбылись мечты братьев. Впоследствии Николай так описал это событие в своем дневнике: «В день Обретения главы

Иоанна Предтечи обрели Оптину как тихое пристанище от житейских бурь и зол. Не смею думать, что это произошло без промысла Божия. После бесцельного блуждания по жизненной пустыни я нашел здесь воистину богатое сокровище, утаенное от премудрых и открытое, доступное младенцам, простецам и нелукавым сердцем. И для меня оно сокрыто, и я едва ли бы нашел его сам. Я был сюда приведен, не знаю почему, как и для чего…»

Первое время братья жили в странноприимном монастырском доме, часто и много беседовали со скитоначальником отцом Варсонофием, по его благословению совершили паломничество в Ростов Великий. 9 декабря 1907 года, в день празднования иконы Божьей Матери «Нечаянная радость», братья Беляевы были приняты в число скитской братии.

Николай жил в одном корпусе с братом Иваном, но все свободное от молитвы время проводил у старца Варсонофия. Старец провидел в послушнике Николае будущего своего преемника, достойного последователя старческих заветов.

В октябре 1908 года послушник Николай был назначен помощником библиотекаря и письмоводителем старца Варсонофия. Он был освобожден от всех послушаний, кроме церковного пения и чтения. Николай практически неотлучно находился возле старца, помогал ему вести деловую и личную переписку. Юный письмоводитель стал любимым учеником старца Варсонофия. Между ними установились близкие духовные отношения, Николай мог немедленно получать ответы на все возникающие вопросы непосредственно от старца. Ему представилась уникальная возможность времен древнего старчества, когда в удивительно короткие сроки новые старцы вырастали из преданных учеников, благодаря, прежде всего, тесному и постоянному общению с учителем. Отец Варсонофий старался передать юному послушнику весь свой огромный и бесценный опыт, накопленный за годы пребывания в скиту. Он подолгу разговаривал с Николаем, охотно делился воспоминаниями, рассказывал о своих духовных поисках, наставлял и руководил его духовной жизнью. Старец любил повторять: «Замечайте события вашей жизни. Во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам непонятны они, а впоследствии многое откроется». Щедро делясь своим огромным опытом, старец готовил юношу в свои преемники,

верил, что любимый ученик оправдает его надежды, что он способен принять такой щедрый дар и распорядиться им по совести. В свою очередь, юный послушник всецело передал себя в полное послушание старцу Варсонофию.

На страницах дневника, который вел послушник Николай, запечатлены любовь и доверие, понимание и откровенность, установившиеся между учителем и учеником. Становится понятен возникший крепкий духовный союз юного послушника и мудрого старца.

«16 января 1909 года. 13-го числа я занимался с батюшкой вечером до 12 часов ночи, а 14-го до 10 часов, а с 10 до 12 часов мы беседовали. Много было сказано, не упомню всего. Но что-то святое, великое, высокое, небесное, божественное, мелькнуло в моем уме, сознании во время беседы…»

«30 января 1909 года. Батюшка во время разговора в первый раз назвал меня своим сотаинником. Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси Господи батюшку. Я все более и более начинаю видеть, что батюшка – великий старец.

К сожалению моему, он все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его „озочтены суть". „Я совершенно один, – говорил как-то батюшка, – а силы слабеют. Мы – я и батюшка Амвросий – все вместе делали, друг друга в скорбях утешали. Приду, да и скажу: «Батюшка, отец Амвросий, тяжело что-то». – «Ну что там тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни…» Да, а теперь-то они и пришли. Монахов много, много хороших, а утешать некому. Теперь я понял, что значит: «Придут дни…»"»

«4 февраля 1910 года. Сейчас пришел от батюшки. Открывал свои помыслы. Сначала сказал свои оплошности, бывшие за день, потом сказал, что иногда приходит помысл, особенно за службой, на правиле. Что монашеская жизнь безотрадна: идет день за днем, и главное – ожидать впереди нечего, все те же службы, все та же трапеза и проч. „Это один из самых ядовитых помыслов, – сказал батюшка. – Монах все время должен быть как бы в муках рождения, пока не придет в пору возраста Христова. А пока еще жив наш ветхий человек, он и дает себя знать всякими страстями, тоской, унынием. и что теперь для такого человека отяготительно, то впоследствии для него будет великим утешением, например хождение к службам и утрене. Вы

хорошо сделали, что сказали мне этот помысл, он многих заклевывал, так и уходили из обители"».

«30 марта 1910 года. Почти целый день писал, но все же урвал время сходить к батюшке. Под конец он сказал мне так: „Смиряйтесь, смиряйтесь. Вся наука, вся мудрость жизни заключается в этих словах: «Смирихся и спасе мя Господь». Смиряйтесь и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе мир имейте. Поверьте, у кого в душе мир, тому и на каторге рай"».

Часто говорил старец Варсонофий о приближении дней лютых, до которых он сам не доживет, но ученик его доживет, и на его долю выпадут многие страдания. Не случайно старец заводил разговоры о близкой смерти – здоровье его ухудшалось, он часто повторял, что мечтает лишь о том, чтобы последний вздох свой испустить на руках ученика своего Николая.

Но все случилось не так, как хотелось старцу. Как читатель уже знает, старец Варсонофий в 1912 году был отправлен в почетную ссылку настоятелем в Старо-Голутвинский монастырь. Эта ссылка окончательно подорвала и без того слабое здоровье старца. Николай не смог поехать с ним, старец умирал на руках брата Николая, Ивана Беляева, также духовного сына старца, отправившегося вместе с ним в Голутвин. На руках брата любимого ученика скончался старец Варсонофий. Почувствовав приближение смерти, он обнял за шею неотлучно находившегося у его ложа Ивана, пригнул его голову к себе на грудь с долго шептал ему, что скоро его самая главная встреча и совсем иная жизнь. С этими словами старец скончался. Иван сам закрыл глаза старцу и вернулся в Оптину пустынь, сопровождая его тело. Николай в это время тяжело заболел и был настолько плох, что даже не смог присутствовать на похоронах своего учителя и духовного наставника.

В 1915 году Николай был пострижен в монахи с именем Никон, в честь святого мученика Никона, а 3 ноября 1917 года был удостоен сана иеромонаха. Вскоре после революции отец Никон был рукоположен в иерея. Начинались годы тяжелых испытаний.

Годы тяжелых испытаний

10 (23) января 1918 года декретом СНК РСФСР Оптина пустынь была закрыта. Остававшиеся в пустыни монахи попытались сохранить ее под видом сельхозартели. Отец Никон работал письмоводителем в канцелярии, только теперь не монастырской, а сельхозартели. Монахов оставалось в обители всего ничего – человек пятнадцать. Чтобы как-то прокормиться «артели», приходилось каждому работать за троих, часто не хватало времени даже на богослужения. Но оставшиеся монахи стойко переносили все испытания, понимая, что они посланы для испытания веры и укрепления на крестном пути.

17 сентября 1919 года последовал первый арест отца Никона. Его заключили в Козельскую тюрьму, даже не потрудившись предъявить хоть какие-то обвинения. Бог оберегал его: отец Никон был освобожден и вернулся в обитель.

Летом 1923 года была упразднена и «артель», монастырь перешел в ведение Главнауки как исторический памятник «Оптина пустынь». Сам монастырь был окончательно закрыт, оставалось двадцать рабочих при музее, остальных выставили на улицу. Последний оптинский настоятель, архимандрит Исаакий II, отслужил последнюю литургию в Казанском храме, запер его и передал ключи отцу Никону, благословив его служить в этом храме, последнем, оставленном оптинским монахам, и принимать на исповедь даже в эти трудные времена стекавшихся в обитель богомольцев. В эти годы всеобщего смятения верующие, как ни в какие другие времена, нуждались в утешении, наставлении и духовной помощи. Монах Никон взял на себя обязанности духовника и старца, став последним старцем Оптиной пустыни. Пребывавший в это время в ссылке старец Нектарий стал направлять к старцу Никону своих духовных чад.

Были у старца и враги, и недоброжелатели – у многих вызывали неприятие и скептицизм его обязанности духовника в столь раннем возрасте (отцу Никону еще не было тридцати пяти). Некоторые называли его «старцем» с иронией, намекая на несоответствие возраста и самого названия «старец». Но старец – понятие, определяемое не возрастом, а духовной зрелостью.

Старец Никон был всегда терпелив к обидчикам, ласков с духовными детьми, которые его любили и доверяли ему. Отец Никон был не по годам мудр, рассудителен, к тому же старец Варсонофий сумел передать ему многое из своего громадного опыта.

После того как закрыли для посещений и служб Казанский храм, последний действующий в Оптиной пустыни, старец Никон стал принимать богомольцев и прихожан в больничной кухне, там же служили и всенощные. До последней возможности старец утешал и наставлял нуждающихся в его духовной помощи.

Многими духовными дарами был наделен старец Никон, в том числе и даром прозорливости. Осталось много свидетельств проявления этого чудесного дара. Как правило, старец говорил всегда иносказательно. Часто человек понимал значение притч отца Никона только тогда, когда предсказанное событие уже свершалось. Вспоминали, например, как однажды приехала из города Гомеля к своим сестрам, шамординским послушницам, молодая девушка. Старец Никон, повстречавший ее, предсказал ей скорое замужество. Когда же девушка вышла замуж, она приехала в Оптину пустынь еще раз. Отец Никон дал ей пять красивых птичек, вырезанных из открыток, – двух птенчиков и трех пташек. Смысл подарка гостья поняла тогда, когда родила пятерых детей: двух мальчиков и трех девочек.

В июне 1924 года власти приказали отцу Никону покинуть Оптину пустынь. Старец перебрался в город Козельск. Перед тем как покинуть обитель, он произнес проповедь, в которой сформулировал простые и понятные каждому правила духовной жизни, следование которым неизбежно приведет христианина к спасению: «Постарайтесь очищать свои души исповедью, иметь добрую нравственность и благочестие, приобретите кротость, смирение, молитву, стяжите любовь. В остальном же во всем, во внешности, предадимся воле Божией, ибо воля Божия всегда благая и совершенная. Ни один волос с головы вашей не спадет без воли Божией…»

В Успенском соборе города Козельска чудесным образом появилась икона Божьей Матери «Нечаянная радость». Икону эту особо почитал старец Никон. Он счел явление иконы благословением Божьим и стал часто проводить в этом храме службы. Прихожане толпами собирались в Успенском соборе, чтобы послушать службу отца Никона. Столь широкая популярность молодого священника не могла понравиться новой власти. Несмотря на неоднократные предупреждения и запреты, отец Никон продолжал бесстрашно произносить зажигавшие в сердцах огонь веры проповеди, вел с

прихожанами духовные беседы, столь нужные во времена раскола и смуты. Он не жалел ни сил, ни времени, исполняя свой пастырский долг. Не только проповедями и молитвами помогал отец Никон страждущим: с голодными он делился продуктами, которыми его подкармливали духовные дети.

Отец Никон провел в Козельске три года, оставив о себе добрую память в сердцах прихожан. Он знал, что находится под особым наблюдением ГПУ, но не только отправлял службы в храме, но и исповедовал прихожан у себя на квартире. Об исповеди приходящих он заботился в первую очередь. Он умел расположить к себе, потому что, следуя мудрым заветам старца Варсонофия, всегда учитывал возраст, воспитание, состояние здоровья, характер каждого прихожанина.

Ему часто задавали вопрос о том, не близится ли конец света, не наступил ли приход Антихриста? Отец Никон всегда отвечал так: «О времени пришествия Антихриста никто не знает, как сказано в Евангелии. Но признаки скорого пришествия Антихриста уже есть – гонение на веру, и надо ожидать, время приближается, но все нельзя точно сказать. Бывали и раньше времена, когда считали, что Антихрист пришел, например при Петре Великом, а последствия показали, что мир еще существует. Да и что толку в этом исчислении? Для меня это не важно. Главное, чтобы совесть была чиста, надо твердо держаться веры Православной, заповеди исполнять, надо жизнь проводить нравственную, чтобы быть готовым. Надо пользоваться настоящим временем для исправления и покаяния».

Конечно, отец Никон в силу своей прозорливости понимал, что встал на путь мученичества, но проповедничество не прекращал. И неизбежное зло не минуло его.

Путь мученичества

В июне 1927 года старца Никона и отца Кирилла (Зленко) арестовали. Арест отец Никон принял как неизбежность, в тюрьму последовал спокойно и с достоинством. В Калужской тюрьме в общей камере вместе с уголовниками он провел полгода. Безропотно терпел издевательства и оскорбления сокамерников, проводя время в

молитвах. В этих тяжелых условиях при малейшей возможности он писал письма своим духовным детям, ободряя их и вселяя в них надежду.

Через полгода Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило иеромонаха Никона к трем годам заключения с отбытием срока наказания в печально знаменитом уже в те годы СЛОНе (Соловецком лагере особого назначения).

Этап прибыл в город Кемь в марте 1928 года. Зима задержалась, лед еще не сошел, и сообщение с Соловками было прервано. Ссыльные остались в лагере «Кемперпункт». Отца Никона из-за слабого здоровья назначили сторожем, что позволило ему избежать смерти от каторжной работы. Даже оставались силы продолжать писать письма своим духовным детям, ожидающим его наставлений и утешений, как никогда ранее.

Вскоре отца Никона перевели в лагерь на Попов остров в Карелии. Там старца определил на работы в канцелярию. Это помогло ему отбыть срок ссылки и остаться в живых. После его определили на «вольную ссылку» в Архангельск.

Перед отправкой в места ссылки заключенные прошли медицинский осмотр, во время которого у отца Никона обнаружился туберкулез легких в очень запущенной форме. Врач настоятельно советовал старцу ходатайствовать у лагерного начальства о перемене места ссылки в города с более мягким климатом. Отец Никон попросил совета у отбывавшего вместе с ним срок отца Агапита. Тот посоветовал не противиться воле Божьей. Привыкший следовать послушанию, старец Никон смирился и со словами: «Воля Божия да совершается» – решил сам ничего не предпринимать и положился на волю Господа.

В июне 1930 года отец Никон и отец Агапит прибыли на поселение в Архангельск. Здесь отец Никон прожил совсем недолго – его перевели за двести двадцать километров от Архангельска, в поселок Пинегу. В самом поселке найти жилье не удалось, и тяжелобольной отец Никон долго скитался, пока ему не удалось снять угол у пожилой женщины в деревне Воепола в окрестностях Пинеги.

Хозяйка оказалась женщиной жадной и жестокой. Мало того, что она затребовала со ссыльного священника повышенную плату за постой, увидев, что монах тих и послушен, стала им бессовестно

помыкать, требуя выполнения самых тяжелых работ по дому. Не обращая внимания на болезненное состояние отца Никона, она в лютые морозы гнала его таскать воду из колодца. Не умевший никому ни в чем отказывать отец Никон возил на санках воду, с трудом переставляя больные и распухшие ноги, колол дрова, чистил снег. Когда же он так разболелся, что не мог встать с кровати, хозяйка, пользуясь беззащитностью старца, прогнала его на улицу.

Идти отцу Никону было решительно не к кому, ссыльнопоселенцев принимали на постой неохотно. Да и кому нужен в доме больной туберкулезом? Хоть ложись в сугроб да помирай. Но именно в этот тяжелый момент вспомнились отцу Никону слова старца Варсонофия, которые тот говорил юному послушнику Николаю: «Господи, спаси раба Твоего Николая! Буди ему помощник! Защити его, когда он не будет иметь ни крова, ни приюта!..» Слова старца оказались пророческими – не было у отца Никона ни крова, ни приюта. Но Господь, словно услышав мольбы старца Варсонофия за отца Никона, не оставил в беде своего избранника. Его отыскал ссыльный оптинский иеродиакон Петр Драчев и перевез к себе на съемную квартиру в деревню Валдокурье. Отец Петр не только дал кров отцу Никону, но и стал сам ухаживать за больным.

В доме, в котором снимал квартиру отец Петр, отец Никон нашел последнее пристанище, был окружен заботой и сердечным теплом. Но болезнь была слишком запущена, здоровье сильно подорвано скитаниями и непосильной работой. Он настолько ослаб, что к концу мая уже не мог встать с постели, самостоятельно читать и писать. Отец Петр читал ему вслух письма и записывал под диктовку отца Никона ответы его духовным детям.

Отец Никон непрестанно молился, моля Господа прислать ему откровение: суждено ли ему выздороветь, либо настали последние дни его земной жизни. Знамение вскоре последовало. Отец Никон получил письмо от одной из своих духовных дочерей, инокини Ирины (Бобковой). В письме она пересказывала недавний, поразивший ее сон. Во сне она видела, как старец Варсонофий пришел на квартиру отца Никона в Козельске и начал выносить вещи из комнаты, которую занимал отец Никон. Ирина с удивлением смотрела на это, но, когда старец Варсонофий взялся за кровать, не выдержала и спросила: «Батюшка, зачем же вы кровать выносите? Ведь отцу Никону негде

будет спать». На это старец Варсонофий отвечал инокине: «Он собирается ко мне, и кровать ему не потребуется. Я там дам ему кровать». Отец Никон написал инокине, что, скорее всего, сон ее несет истину и ему суждено вскоре умереть. Ирина в ответном письме просила благословения старца на ее приезд, чтобы помочь ухаживать за ним во время болезни. Отец Никон послал ей свое благословение. В начале июня Ирина приехала к отцу Никону в ссылку и осталась ухаживать за ним до самых последних дней жизни старца.

Как-то старца посетила медсестра, милосердная и глубоко верующая женщина. Она предложила отцу Никону свою помощь. Отец Никон с благодарностью отказался, сказав, что инокиня Ирина ухаживает за ним как нельзя лучше. Перед уходом медсестра сказала Ирине: «За каким батюшкой ухаживаете! Счастливая вы! От него весь угол светится!»

Как вспоминала позже инокиня Ирина: «Батюшка очень страдал оттого, что легкие его сократились и ему нечем было дышать. В трудные минуты он метался, не находил места, то ляжет, то встанет: нечем, говорил, дышать, дайте воздуху, хоть чуточку воздуху! Просил положить на пол. Когда ему становилось легче, он тихо молился: „Господи, помоги, Господи, помилуй!" При повышенной температуре иногда бредил, вспоминал своих духовных детей, приводил их к покаянию, читал каноны, крестил воздух и очень часто вспоминал оптинского старца Макария».

За несколько дней до кончины отца Никона Ирина, как всегда, сидела возле его постели. Вдруг измученный болезнью старец просиял, улыбнулся и произнес: «Конечно, пройдите, пройдите. Вот какое посещение. Пришел наконец-то отец Макарий меня исповедовать, и ты даже не предлагаешь ему стул, чтобы сесть. Батюшка, вы не обижайтесь на нее, она неопытная. Сестра Ирина, выйди в ту половину, пока я исповедаюсь…» Ирина, выполнив просьбу отца Никона, ушла на другую половину дома, и хотя специально и не прислушивалась, до нее отчетливо доносились отдельные слова исповеди ее учителя старцу оптинскому, иеросхимонаху Макарию, давно почившему.

8 июля 1931 года отец Никон причастился, попросил прочитать канон на исход души и тихо скончался, «лицо его было спокойное, белое, приятное, улыбающееся».

Похороны состоялись на третий день после кончины отца Никона. За время пребывания его в ссылке многие из ссыльных узнали его как отзывчивого, достойнейшего пастыря. Самое удивительное, все они находились на лесоповале, вдалеке от села, в котором скончался отец Никон, но вдруг за несколько дней до похорон были отпущены с работ, что случалось крайне редко. Словно отец Никон ждал их на свои похороны, как будто на его погребение они были отпущены. Много народу собралось на похороны отца Никона. Одних священнослужителей двенадцать человек. Отпет и погребен старец был по монашескому чину.

Похоронен он на сельском кладбище в Валдокурье под Пинегой. Могила его затерялась.

Советы и наставления Никона Оптинского

Молитвенное правило пусть будет лучше небольшое, но исполняемое постоянно и внимательно…

Возьмем себе в образец святого, подходящего к нашему положению, и будем опираться на его пример. Все святые страдали потому, что они шли путем Спасителя, Который страдал: был гоним, поруган, оклеветан и распят. И все, идущие за Ним, неизбежно страдают. «В мире скорбны будете».

И все, желающие благочестиво жить, гонимы будут. «Когда приступаешь работать Господу, уготовь душу твою во искушение». Чтобы легче переносить страдания, надо иметь веру крепкую, горячую любовь ко Господу, не привязываться ни к чему земному, всецело предаться воле Божией.

Если нет возможности исполнить обет послушания, некому повиноваться, надо иметь готовность все делать согласно воле Божией. Есть два вида послушания: внешнее и внутреннее.

При внешнем послушании требуется полное повиновение, исполнение всякого дела без рассуждения. Внутреннее послушание относится к внутренней, духовной жизни и требует руководства духовного отца. Но совет духовного отца следует проверять Священным Писанием… Истинное послушание, приносящее душе великую пользу, это когда за послушание исполняешь то, что

несогласно с твоим желанием, наперекор себе. Тогда Сам Господь берет тебя на Свои руки.

Не надо давать волю своим чувствам. Надо понуждать себя обходиться приветливо и с теми, которые не нравятся нам.

Иисусова молитва заменит крестное знамение, если почему-либо нельзя будет возложить его.

Без крайней необходимости в праздничные дни нельзя работать. Праздником надо дорожить и чтить его. Этот день надо посвящать Богу: быть в храме, дома молиться и читать Священное Писание и творения Святых Отцов, делать добрые дела.

Надо любить всякого человека, видя в нем образ Божий, несмотря на пороки его. Нельзя холодностью отстранять от себя людей.

Что лучше: редко или часто приобщаться Святых Христовых Тайн? – сказать трудно. Закхей с радостью принял в свой дом дорогого Гостя – Господа, и хорошо поступил. А сотник, по смирению, сознавая свое недостоинство, не решился принять, и тоже хорошо поступил. Поступки их, хотя и противоположные, но по побуждению одинаковые. И явились они пред Господом равно достойными. Суть в том, чтобы достойно приготовлять себя к великому Таинству.

Гонения и притеснения полезны нам, ибо они укрепляют веру.

Если хочешь избавиться от печали, не привязывайся сердцем ни к чему и ни к кому. Печаль исходит от привязанности к видимым вещам. Никогда не было, нет и не будет беспечального места на земле. Беспечальное место может быть только в сердце, когда Господь в нем.

В скорбях и искушениях Господь помогает нам. Он не освобождает нас от них, а подает силу легко переносить, даже не замечать их.

Всегда помните закон духовной жизни: если смутишься каким-либо недостатком другого человека и осудишь его, впоследствии тебя постигнет та же участь, и ты будешь страдать тем же недостатком.

Самооправдание закрывает духовные очи, и тогда человек видит не то, что есть на самом деле.

Терпение есть непрерывающееся благодушие.

Спасение ваше и погибель ваша – в ближнем вашем. Спасение ваше зависит от того, как вы относитесь к своему ближнему. Не забывайте в своем ближнем видеть образ Божий.

Всякое дело, каким бы ничтожным оно вам ни казалось, делайте тщательно, как пред лицом Божиим. Помните, что Господь видит все.

Противодействовать и бороться с людьми, причиняющими зло, не надо, не только делом или словом, но даже в помыслах своих. Иначе бесы будут побеждать. За таких людей надо молиться. Тогда Господь поможет, и бесы отступят.

Когда метут комнату, то не занимаются рассматриванием сора, а все в кучу – да и вон. Так поступай и ты. Исповедуй свои грехи духовнику, да и только, а в рассматривание их не входи.

Многие ищут, как необходимого, духовника высокой жизни и, не находя такого, унывают и потому редко, как бы нехотя, приходят на исповедь. Это большая ошибка. Надо веровать в самое Таинство исповеди, в его силу, а не в исполнителя Таинства. Необходимо лишь, чтобы духовник был православный и законный. Не надо спорить, что личные качества духовника много значат, но надо веровать и знать, что Господь, действующий во всяком Таинстве Своею благодатью, действует по Своему всемогуществу независимо от этих качеств.

Смирение – это нечто великое и божественное, а путь к нему – считать себя ниже всех. Что это значит – считать себя ниже всех? Не замечать чужих грехов. Смотреть на свои грехи. Постоянно молиться. Помни: все ангелы, а я – грешник.

Прощение преподается тем только, кто считает себя виновным. Смирись пред Богом и людьми, и Господь тебя никогда не оставит.

Не наше дело рассуждать, зачем и почему нас постигает то или иное; надо знать, что это воля Божия, надо смириться, а требовать, так сказать, у Бога отчета – есть крайнее безумие и гордость.

На кощунствующих надо смотреть как на больных, от которых мы требуем, чтобы они не кашляли и не плевали…

Врачей и лекарство создал Господь. Нельзя отвергать лечение. При слабости сил и усталости сидеть в церкви можно: «Сыне, даждь Ми сердце твое». «Лучше сидя думать о Боге, чем о ногах стоя», – сказал Святитель Филарет Московский.

Верить приметам не должно. Нет никаких примет. Господь управляет нами Своим Промыслом, и я не завишу от какой-либо птицы или дня, или другого чего-либо. Кто верит предрассудкам, у того тяжело на душе, а кто считает себя в зависимости от Промысла Божия, у того, наоборот, на душе радостно.

Когда спросили преподобного Серафима, почему в настоящее время нет таких подвижников, какие были раньше, он ответил: «Потому, что нет решимости к прохождению великих подвигов, а благодать та же; Христос Тот же и вовеки».

Надо все дурное, также и страсти, борющие нас, считать не своими, а от врага – диавола. Это очень важно. Тогда только и можно победить страсть, когда не будешь считать ее своей…

Молчание подготовляет душу к молитве. Тишина, как она благотворно действует на душу!

Молчание полезно для души. Когда мы говорим, тогда трудно удержаться от празднословия и осуждения. Но есть молчание плохое, это когда кто злится и потому молчит.

Мы, православные, не должны поддерживать ересь. Если бы и пострадать пришлось, не изменим Православию.

Не следует добиваться человеческой правды. Ищи только правды Божией.

Духовный отец, как столп, только указывает путь, а идти надо самому. Если духовный отец будет указывать, а ученик его сам не будет двигаться, то никуда и не уйдет, а так и сгниет около этого столпа.

Когда священник, благословляя, произносит молитву: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», тогда совершается тайна: благодать Святаго Духа нисходит на благословляемого человека. И когда какой-либо человек хотя бы только устами произносит отречение от Бога, благодать отходит от него, все его понятия изменяются, он делается совсем другим.

Прежде чем у Господа просить прощения, надо самой простить. Так сказано в «Молитве Господней».

Если скажешь про брата или сестру что-либо дурное, даже если это будет правда, то ты своей душе нанесешь рану. Передавать о погрешностях другого можно только в том случае, когда в сердце твоем единственное намерение – польза душе согрешившего.

Глава пятнадцатая
«От креста своего не побегу…»

Исаакий II Оптинский

Преподобный архимандрит Исаакий II, священномученик, в миру Иван Николаевич Бобриков (1865 – 26 декабря/8 января 1938)

Девятнадцатилетний Иван Бобриков, уроженец села Остров Малоархангельского уезда Орловской губернии, пришел в Оптину пустынь по примеру отца, набожного крестьянина Николая Родионовича, на тот момент схимонаха Николая. Пока Иван размышлял, войдя в монастырские стены, к кому обратиться, чтобы отыскать отца, услышал за спиной отчетливое: «Тебя казнят». Обернувшись, Иван увидел местного юродивого Василия, с любопытством рассматривающего его. Насмотревшись, Василий взял Ивана за руку и молча повел за собой.

«Почему казнят? Когда казнят? Кто?» – вопросы вертелись на языке Ивана, но он не решался их задать. «Надеюсь, не здесь и не сейчас», – успокоил он сам себя. Блаженный Василий привел его к старцу Амвросию и, не обращая внимание на ожидающих своей очереди многочисленных посетителей, сразу провел в келью. Подтолкнув юношу в спину на середину комнаты, Василий сказал старцу: «Поклонитесь в ножки ему, это будет последний оптинский архимандрит».

Старец Амвросий не замедлил выполнить повеление юродивого. Осторожно сполз со своей кушетки, с которой уже редко вставал по состоянию здоровья, и отвесил оторопевшему Ивану низкий долгий поклон. Парень не знал, куда деться от смущения и растерянно оглядывался на присутствующих в комнате. В наступившей тишине блаженный Василий снова взял Ивана за руку и повел за собой из кельи. На крыльце поманил пальцем, дескать, наклонись, что скажу, и, когда Иван приблизился, жарко прошептал в ухо: «Тебя казнят». И сразу отпрянул, захихикал, потянул Ивана за собой: «Пойдем к отцу, в трапезную».

По дороге в трапезную юродивый вертел головой во все стороны, дергал Ивана за руку и призывал богомольцев: «Поклонитесь

последнему оптинскому архимандриту». Так рассказывал о появлении в Оптиной будущего отца Исаакия старец Нектарий.

Ученичество

Получив исчерпывающую характеристику Ивана Николаевича Бобрикова от местного юродивого, старец Амвросий благословил настоятеля монастыря, старца Исаакия, принять молодого человека к себе на добровольное послушание.

Послушничество Ивана оказалось долгим, оно растянулось на тринадцать лет. Только 17 декабря 1897 года во время настоятельства архимандрита Досифея (Силаева) послушник Иван Бобриков вошел в число братства монастыря. Зато дальше его карьера была молниеносной. Уже через полгода, 7 июня 1898 года, он был пострижен в монахи с именем Исаакий, а 20 октября того же года рукоположен в иеродиакона. Несколько дней спустя, 24 октября, в день освящения Казанского собора Шамординской обители калужским епископом Вениамином отец Исаакий был рукоположен в иеромонаха. На откровение помыслов все это время он ходил к старцу Иосифу.

Когда монаха Исаакия посвятили в священнический сан, он в качестве послушания стал уставщиком обители. В его обязанности входило наблюдать за правильным чинопоследованием церковных служб. Для того чтобы успешно справляться с этим послушанием, отцу Исаакию пришлось тщательно изучить устав.

Отец Исаакий всегда с любовью и уважением относился к своему отцу, который вел тихую и скромную жизнь инока. Когда в 1908 году отец скончался, отец Исаакий часто приходил на его могилу, духовная связь между отцом и сыном не прервалась. Был такой случай: отец Исаакий и скитоначальник отец Феодосий в чем-то не поладили, между ними возникла легкая взаимная неприязнь. Достаточно долгое время оба пребывали во взаимных обидах. Но однажды отец Феодосий пришел к отцу Исаакию и рассказал ему, что видел во сне схимонаха Николая, усопшего родителя отца Исаакия. Явившийся во сне схимонах Николай грозил обоим спорщикам. Отец Исаакий, выслушав рассказ, задумался, а потом тихо сказал всего лишь одно слово:

«Чует!..» После этого мир между монахами восторжествовал, и более они никогда не ссорились.

30 августа 1913 года, после кончины настоятеля отца Ксенофонта, старшая оптинская братия единодушно избрала отца Исаакия на его место, оценив его смирение и рассудительность. Шамординская монахиня Мария (Добромыслова), духовная дочь старца Никона, так вспоминала отца Исаакия: «По своей примерной, истинно монашеской жизни он был вполне достоин занять столь высокий пост. Очень большого роста, внушительной и благолепной наружности, он был прост, как дитя, и в то же время мудр духовной мудростью».

Настоятельство

Настоятельство легло на плечи отца Исаакия во времена, трудные для всей России. В 1914 году страна вступила в Первую мировую войну, затем грянула революции, потом разразилась жестокая братоубийственная Гражданская война. Церковь сполна разделила крестный путь России.

В это время обители, наверное, нужен был именно такой настоятель: несокрушимый в вере, великий мудростью и щедро наделенный всепрощающей любовью. Дар старчества игумен Исаакий воспринял непосредственно от великих оптинских старцев, молитвами и трудами он стал достойным их преемником.

Зимой 1914 года, когда уже шла война, в обитель пришел юродивый Гаврюшка. Явился он в лютый мороз без шапки, в ветхих лохмотьях, а в руках у него была, метла. Этой метлой он неожиданно для всех изо всей силы ударил вышедшего к нему навстречу настоятеля отца Исаакия. И не успел настоятель опомниться, как Гаврюшка заявил:

– Архимандрит! Прими Гаврюшку в обитель и сделай его казначеем!

– Как я тебя могу назначить казначеем, если ты метлой дерешься? – пряча улыбку, спросил юродивого отец Исаакий.

– Я потому дерусь, – ответил Гаврюшка, – что я не тебя бил, я от тебя метлою черта отгонял, который тебя с нынешним казначеем ссорил.

Протоиерей Сергий Сидоров, в 1937 году расстрелянный большевиками, утверждал, что казначей и настоятель, прежде ссорившиеся между собой, с тех пор стали дружить.

Юродивого Гаврюшку в обитель приняли, при каждой встрече он кричал вслед настоятелю осипшим на морозе голосом, напоминающим воронье карканье: «Вот идет последний оптинский архимандрит! Его расстреляют!» Гаврюшка провел в Оптиной пустыни два дня, пугая монахов страшным предсказанием судьбы наставника обители, а потом исчез, словно и не приходил.

Нелегкий труд быть настоятелем монастыря. Каждый день приходится решать множество задач, притом не только разбираться в делах духовных, но и вести сложнейшее хозяйство, особенно такое, как в Оптиной пустыни. Архимандрит Исаакий вел все дела огромного монастырского хозяйства внимательно и рачительно, но в то же время во всем строжайшим образом соотносился с евангельскими заповедями. Что бы в обители ни происходило, во главу угла настоятель ставил людей, со всеми свойственными человеческим душам слабостями и немощами, забота о спасении которых – первейшее дело пастыря. Вот какую расписку выдал собственноручно отец Исаакий порубщику монастырского леса, приведенному к нему на суд. В ней говорилось, что крестьянин, виновный в незаконной вырубке монастырского леса «. за свой поступок – покражу леса с Макеевской дачи пустыни – на сей раз прощается, так как просит прощения и обещает более не делать».

Война не обошла стороной Оптину пустынь. В обители ощущался недостаток во всем, но братия терпеливо несла лишения, понимая, что трудные времена настали не только для них. Приходилось экономить, но даже в этих условиях монастырь чутко отзывался на просьбы о помощи пострадавшим от бедствий войны, урезая и сокращая до минимума собственные потребности. Когда в Россию хлынули потоки беженцев из Польши и Белоруссии, к монастырю обратились с просьбой предоставить им кров. Эта просьба правительства произвела поначалу сильные волнения в среде монахов, да и самого настоятеля очень обеспокоила. Дело в том, что жизнь бок о бок с мирянами категорически несовместима с монастырским уставом. Но выход был найден, беженцам предоставили помещение за территорией монастыря, выделив для них одну из монастырских гостиниц. Среди

измученных беженцев вспыхнул тиф. Монастырь освободил для тифозных больных больничный корпус. Затем, почти в конце войны, под приют для детей-сирот была отдана еще одна монастырская гостиница.

Отец Исаакий не имел ни одной свободной минутки – его ждало великое множество неотложных дел. До самого утра горел свет в его келье. Но, несмотря на все трудности, настоятель оставался неторопливв движениях, всегда расположен к любому собеседнику, никогда не спешил в решении вопросов, во всем полагаясь на Господа. И в то же время не давал себе никаких послаблений.

Будущий митрополит Вениамин (Федченков), в то время ректор Тверской семинарии, вспоминал об отце Исаакии: «Он перед служением литургии в праздники всегда исповедовался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец архимандрит ответил сравнением: „Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце – пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью"».

За год до революции Оптину пустынь последний раз посетили представители царственного дома Романовых. Приехали великий князь Дмитрий Константинович и великая княгиня Татьяна Константиновна. Царственным паломникам, как всегда, была уготована торжественная встреча, литургию служил сам настоятель Исаакий.

Вскоре последовала Февральская революция, затем Октябрьский переворот, в России началась великая смута. Сведения о происходившем в пустыни в это время отрывочны и скудны. Из «Летописи скита» известно, что отец Исаакий участвовал во Всероссийском церковном соборе 1917 года.

Вскоре после Февральской революции в Ревеле погиб брат прихожанки обители и врача военного лазарета, Александры Дмитриевны Оберучевой, Михаил. Обезумевшая от горя женщина не могла нигде похоронить брата, погибшего в бою с красными. Отчаявшись, она привезла гроб с телом брата в Оптину пустынь. Это было полной неожиданностью для монахов обители. Погребение

убитого офицера могло навлечь на монастырь серьезные неприятности.

Александра Дмитриевна пала на колени перед настоятелем обители, отцом Исаакием, и стала просить у него прощения за то, что привезла тело брата в монастырь без разрешения. Отец Исаакий утешил женщину, ответив ей спокойно, словно ничего необычного не случилось: «Как же, мученика мы примем с радостью и найдем ему лучшее место на кладбище». Архимандрит принял самое активное участие в погребении погибшего офицера. Он лично выбрал место для могилы недалеко от часовни и лично же участвовал в погребении. В те времена это был очень смелый поступок.

Далее последовали уже известные читателю события: 23 января 1918 года вышел декрет Совета Народных Комиссаров об отделении Церкви от государства, согласно которому пустынь была закрыта. Некоторое время монастырь сумел продлить свое существование под видом «сельскохозяйственной артели». Еще пять лет многие люди шли и шли в обитель за столь нужными в эти жестокие времена помощью, утешением и наставлениями. Многие вконец отчаявшиеся люди, потерявшие дом, близких, родных, оставшиеся без средств к существованию, нашли в обители понимание и поддержку, а многие – пищу и кров. И все это благодаря практической сметке и духовной мудрости настоятеля обители, который даже в этой дикой круговерти оставался невозмутим, во всем полагаясь на волю Господа.

На кресте

Сколько мог оберегал настоятель Исаакий самое главное сокровище Оптиной пустыни – старчество. До последней возможности принимали в скиту два старца: отец Нектарий и отец Анатолий Младший. Старец Анатолий принимал посетителей, несмотря на тяжелую болезнь. Власти не решались трогать старцев, слишком большой популярностью и любовью они пользовались в народе. А вот настоятеля, покровительствовавшего им, открывшего доступ к старцам посетителям обители, арестовали уже в 1919 году. Продержали некоторое время в Козельской тюрьме, но отпустили. На первый раз.

В 1923 году власти закрыли сельскохозяйственную артель в Оптиной пустыни. Обитель была передана в ведение Главнауки как исторический памятник «Музей Оптина пустынь». Настоятель отец Исаакий был сразу же заключен под стражу.

Тюрем в стране уже не хватало, потому в тюрьму превратили даже монастырскую хлебопекарню и ее кельи. Первым узником этой тюрьмы стал настоятель обители. Продержали его там недолго, да и сама тюрьма долго не просуществовала – не хватало не только тюрем, но и охранников.

После освобождения из тюрьмы отцу Исаакию было объявлено об его отстранении от управления монастырем и приказано немедленно покинуть обитель вместе со всей старшей монастырской братией. Передать монастырское имущество музею поручили иеромонаху Никону. Отец Исаакий, узнав об этом, был очень рад: в монастыре, пускай на какое-то время – иллюзий уже никто не питал, – но оставался достойный человек. Отец Исаакий обратился к отцу Никону с такими словами: «Отец Никон, мы уходим, а ты останься, ведь сюда будут приходить богомольцы, надо, чтобы была служба, а иеродиаконом останется отец Серафим». Впоследствии отец Никон не только проводил в монастыре богослужения, но и принимал народ, продолжая традиции оптинских старцев.

Покинув родную обитель со скорбью в сердце, изгнанные монахи в большинстве своем разместились по квартирам в городе Козельске. Бывший настоятель отец Исаакий снимал половину дома на самой окраине города. Вместе с ним жили иеромонахи Мисаил, Ефросия, Питирим и Диодор. Говорят, этот дом сохранился до сих пор, несмотря на то что основательно пострадал во время пожара.

Невдалеке от дома по-прежнему каждую весну расцветает куст сирени, посаженный отцом Исаакием.

Монахи Оптиной пустыни и в Козельске старались сохранить и продолжить монастырскую жизнь. Они относились к отцу Исаакию как своему настоятелю, испрашивая у него благословения и духовных советов.

В Козельске еще каким-то чудом сохранился действующий Георгиевский храм. И как раз в это время в нем освободилось место священника. Чудесным образом устроилось так, что все должности в храме заняли иноки Оптиной пустыни. Бывший оптинский

благочинный и уставщик отец Феодот создал небольшой хор из проживавших в Козельске монахов во главе с самим настоятелем отцом Исаакием.

Через год в Козельск приехал окончательно изгнанный из Оптиной пустыни иеромонах Никон, который стал проводить службы в Успенском соборе. Он тоже организовал монашеский хор из оптинских монахов, певший по праздничным дням. Жителям Козельска очень понравилось служение по монастырскому уставу: Георгиевский и Успенский соборы всегда были переполнены. В город стали стекаться толпы богомольцев, приезжали монахи и инокини из закрытых окрестных монастырей.

Такое массовое скопление верующих и монашеской братии вызвало нешуточное недовольство властей. В 1929 году в Козельске одновременно были закрыты семь храмов. Действующей осталась только Благовещенская церковь. Большинство монахов были отправлены в ссылку. Отец Исаакий по благословению Калужского епископа заботился о том, чтобы посвящать достойных монахов и иеродиаконов в священномонахов. Их отправляли в приходы, дабы не прекращалось служение в сельских храмах.

К середине 1929 года с отцом Исаакием в Козельске из оптинской братии оставались всего несколько иноков, да и то больных и старых. Остальные были сосланы либо арестованы. Отец Никон уже второй год находился в заключении.

В августе 1929 года, на следующий день после праздника Преображения Господня, были арестованы все остававшиеся в Козельске монахи Оптиной пустыни, кроме отца Иосифа. Архимандрит Исаакий был арестован уже в третий раз. Поначалу все арестованные содержались под стражей в городской тюрьме, а после были отправлены в Смоленск.

Следствие растянулось на полгода. В январе 1930 года отца Исаакия освободили и выслали в город Белев. В этом городе собралось много высланных монахов, туда же стали съезжаться монахи из закрывавшихся один за другим монастырей Калужской и Тульской епархий. В Белев к отцу Исаакию стали приезжать его духовные дети.

Власти пристально следили за бывшим настоятелем Оптиной пустыни, и в 1932 году его опять арестовали, на этот раз «за незаконную валютную операцию». Задержали его при покупке иконы,

за которую он пытался расплатиться царскими золотыми. Скорее всего, это была заранее подстроенная провокация.

Пять месяцев продержали в тюрьме шестидесятисемилетнего отца Исаакия. Говорят, следователь на одном из допросов предложил отцу Исаакию найти возможность покинуть Россию, на что престарелый узник смиренно ответил: «От своего креста не побегу!», сделав свой выбор. И на этот раз его выпустили, настоятельно рекомендовав покинуть Белев, если он не хочет, чтобы его постигла участь тысяч расстрелянных собратьев по вере. Но выбор уже был сделан. Он остался в Белеве, продолжал принимать своих духовных детей, поддерживал оставшихся на свободе священнослужителей. Так продолжалось еще пять лет.

В конце 1937 года начались массовые репрессии по всей стране. Не миновали они и Белев. Сначала было арестовано сто человек, а 16 декабря 1937 года арестовали отца Исаакия, белевского епископа Никиту (Прибыткова), четверых священников, одиннадцать монахов и троих мирян. Было открыто насквозь сфабрикованное дело «о подпольном монастыре». Епископу Никите, как старшему, вменялось в вину, что он «являясь организатором и руководителем подпольного монастыря при храме Святителя Николая в Казачьей слободе, систематически давал установку монашествующему элементу и духовенству о проведении контрреволюционной деятельности среди населения. Также он обвинялся в распространении явно провокационных слухов о сошествии на землю Антихриста, приближающейся войне и гибели существующего советского строя».

Все арестованные по этому делу были подвергнуты бесчеловечным испытаниям. Им сутками не разрешали спать, заставляли стоять, при этом не прекращался допрос, и следователи сменяли один другого. Если же обессиленный человек падал, его обливали холодной водой, поднимали, и все начиналось сначала. Следователи добивались от них добровольных признаний. Но арестованные все отрицали. И только когда заключенных стали избивать и пытать, пятеро из них не выдержали мучений и подписали протоколы, подтверждающие их участие в «контрреволюционной деятельности».

Отец Исаакий, несмотря на почтенный возраст, стойко перенес все мучения и на все вопросы отвечал, что в состав подпольного

монастыря не входил, антисоветской деятельностью не занимался. Впрочем, следователей его признание уже не интересовало. Для сфабрикованного дела хватило пяти признаний. Следствие было быстрым, суд – еще быстрее.

25 декабря 1937 года белевским НКВД был вынесен обвинительный акт, которым все арестованные, признавшиеся и не признавшиеся, были признаны виновными в создании мифического подпольного монастыря. Обвиняемых из Белева перевели в Тулу, где заседала печально известная «тройка». Эта самая «тройка» 30 декабря 1937 года вынесла приговор. Всем одинаковый – расстрел.

8 января 1938 года, на второй день Рождества Христова, когда Православная церковь празднует Собор Пресвятой Богородицы, приговор привели в исполнение. Расстреливали в Тесницких лагерях под Тулой. Расстрелянных мучеников, в числе которых был и отец Исаакий, тайно захоронили на сто шестьдесят втором километре Симферопольского шоссе, в лесу.

Литература, использованная при работе над книгой

Агапит, архимандрит. Жизнеописание в Бозе почившего Оптинского Старца иеромонаха Амвросия. Ч. 1–2. М., 1900.

Амвросий, старец. Собрание писем блаженныя памяти Оптинского Старца иеромонаха Амвросия к мирским особам. Ч. 1. Сергиев Посад, 1908; Ч. 2. Сергиев Посад, 1909.

Амвросий, старец. Собрание писем. оптинского старца Амвросия к монашествующим. В. 1. Сергиев Посад, 1908; В. 2. Сергиев Посад, 1909.

Беседы схиархимандрита Оптинского скита Старца Варсонофия с духовными детьми // Даниловский Благовестник. 1993.

Богданович Д. П. Оптина пустынь и паломничество в нее русских писателей // Исторический вестник. 1910. Октябрь.

Борисов В. Оптина пустынь // Наше наследие. 1988. № 4.

Воропаев В. Русская литература: православный взгляд.

Георгиевский Г. Гоголь в Оптиной пустыни // Вестник Европы. 1905. № 12.

Горбачева Н. Оптинские старцы. М., 1999.

Григорий (Борисоглебский), архим. Сказание о житии оптинского старца Амвросия. М., 1893.

Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971.

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 11. М., 1982.

Ераст Вытропский. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита. Св. – Троицкая Сергиева лавра, 1902.

Жизнеописание настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря игумена Антония. М., 1870.

Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1991.

Климент (Зедергольм), иером. Жизнеописания оптинского старца Леонида (в схиме Льва). М., 1876.

Концевич И. М. Оптина пустынь и ее время. Джорданвилль, 1970.

Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. СПб., 1847.

Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание скита при Козельской Введенской Оптиной пустыни. М., 1862.

Леонид (Кавелин), архим. Сказание о жизни и подвигах старца иеросхомонаха Макария. М., 1861.

Леонтьев К. Н. Записки отшельника. М.: Русская книга, 1992.

Леонтьев К. Н. Письма к В.В. Розанову // Русский вестник. 1903. № 4–6.

Лясковский В. Братья Кириевские. СПб., 1899.

Макарий, старец. Собрание писем, оптинского старца Макария к монашествующим. Т. 1–3. М., 1862; Т. 4. М., 1863.

Никодим, архим. Старцы отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. М., 1909.

Оптина пустынь. Свято-Введенский монастырь Оптина пустынь, издательский отдел, 1997.

Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М., 1998.

Орехов Д. Русские святые XX столетия. СПб.: Невский проспект, 2001.

Павлович Н. А. Оптина пустынь: Почему туда ездили великие? // Прометей. Т. 12. М., 1980.

Поселянин Е. Н. Праведник нашего времени оптинский старец Амвросий. СПб., 1907.

Поселянин Е. Н. Русские подвижники 19-го века. СПб., 1900.

Преподобные старцы Оптиной пустыни. М.; Рига, 1995.

Преподобные старцы Оптинские. Свято-Введенская Оптина пустынь, 2001.

Преподобные старцы Оптинской пустыни. Holy Trinity Monastery; Jordanville; New York, 1992.

Пророчества о будущем России // Земщина. 1991. № 3.

Селезнев Ю. И. Достоевский. М.: Молодая гвардия, 1990.

Семенова С. Г. Николай Федоров: Творчество жизни. М.: Советский писатель, 1990.

Старец Нектарий – житие: подвиги и чудеса. Москва: Триумф, 1994.

Тихомиров Л. А. Тени прошлого. К. Н. Леонтьев // Литературная учеба. 1992. № 1–3; К. Н. Леонтьев: Pro et Contra. Т. 2. СПб., 1995.

Толстой Л. Н. Письма. Т. 2. М., 1911.
Федоров Н. Ф. Материалы к третьему тому «Философия общего дела» // ОР ГБЛ, ф. 657.
Четвериков С. Описание жизни, старца Амвросия в связи и историей Оптиной пустыни и старчества. Шамордино, 1912.

---

notes

Примечания

1

Именно преподобный Лев считается первым оптинским старцем, ни настоятель отец Моисей, ни скитоначальник отец Антоний при жизни официально старцами не были.